

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England**

С. П. Утков, М. Д.

11 8 147
41 541 9
I

ПЕРЕСМѢЩНИКЪ

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ЧАСТЬ I.

Издание третіе съполправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева

1789.

С. Шулков, М. Д.

71 541 79

ПЕРЕСМѢШНИКЪ

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ

СКАЗКИ.

ЧАСТЬ I.

Изданіе третіе съполправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева

1789.

DG 3311

C5P4

1789

v. 1/2

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Господи́ѣ читатель! кто ты тако́ѣ ни еси́, для меня все равно, лишь только будь челове́къ добродѣтельной, это больше всего: ты не можешь опугдаться, съ какимъ намѣреніемъ выдаю я сіе собраніе словъ и рѣчи, ежели я не скажу тебѣ самѣ; только не подумай, что я намѣри́ѣ солгать, и въсерьез свидѣвшись съ тобою, тебя обманушь. При первы́ѣ свидѣніи, съ кѣмъ бы то ни было, я ник гдѣ не лгу; а развѣ уже довольно възнавшись, шѣ дѣло сбытное.

Ежели можно мнѣ повѣрить, какъ человеку умѣющу хороше́е лгать и съ случѣи́ѣмъ говорить по невѣдѣ правду; шѣ я скажу, что выпускаю сію книгу на волю не съ шѣмъ, чтобъ сею представился и шѣму что нечѣмъ, ибо бездѣлицю дѣла му свѣту поклясться не возможно; а единственно для того, чтобъ научишься. Я прежде представляю,

---

(*) А это можно почти съестъ обыкновенно въ нѣдѣльномъ свѣтѣ.

сколько будуиъ обѣ ней переговаривать, пересужать и вчислять всѣ негрѣшности; тогда я, какъ человекъ посторонни буду слушать ихъ рѣговоры и впрелѣ воздерживаться стѣ моихъ слабостей. Другое, что ежели бы я не выдалъ ее и покусился бы сочинить чтонибудь важное, то не зная моихъ ошибокъ, полагалъ бы ихъ равно и въ хорошихъ сочиненіи.

Въ сей книгѣ важности и нравоученія очень мало, или ео рѣмѣ нѣтъ. Она и удобна, какъ мнѣ кажется, исправить грубыя нравы; опять же нѣтъ въ ней и того, чѣмъ оныя умножить; и такъ оставивъ сіе об. е. будиъ она полезнымъ препровожденіемъ скучнаго времени, ежели примуиъ трудъ ее прочитать.

Мнѣніе древнихъ писателей: Еслии кто презиратѣ м лья вещи, тотѣ никогда много разумѣть не можетѣ. Я ст разуюсь быиъ писателѣмъ, еслии только когда нибудѣ мнѣ сное удастѣя; и все мое желаніе основано на этомъ; и какъ сіе еиъ первой мой трудѣ, то не осмѣлился я принятѣя за важную матерію, по тому что вдругѣ не можно мнѣ быть обоемѣ свѣдушу, а со временемѣ можетѣ быиъ и получу сіе счастье, что назовутѣ меня сочинителѣмъ; и когда я сишу сіе имя, то надобно, чтобѣ разумѣ мой уже просвѣтился и сдѣлался я побольше свѣдушѣ: чего желаю сердечно и прошу моихъ знакомцовѣ, чибѣ и они также мнѣ онаго пожелади, ежели не позавидуютѣ; а въ доказательство своей дружбы, прочитаѣ сѣю книгу, открывали бы приятель

ски мои въ ней погрѣшности, что будетъ служить къ моему поправленію.

Долженъ я извиниться въ томъ, что въ такомъ прѣспѣмѣ съ тѣ моего сочиненія есть нѣсколько чужеземныхъ словъ. Оныя калѣ я иногда для лучшаго прищипна слуху, иногда для шута, чиню надъ другими посмѣялся, или для той причины чиню посмѣялся имъ надо мною. Человѣкъ, какъ скъзываютъ, живонное смѣшное и смѣющееся, пересмѣхающее и пересмѣхающееся: ибо все мы подвержены смѣху и все смѣемся надъ другими.

Сверхъ же всего есть такіе у насъ сочинители, которые Рускими буквами изображаютъ Французскія слова, а малознающіе люди, которые учатся только одной грамотѣ, да и то на мѣдныя деньги, увидѣвъ ихъ напечатанными, думаютъ что по красота нашему языку; и такъ вписываютъ ихъ въ записныя книжки, и послѣ заперживаютъ; и я слышалъ часто самъ, какъ они говорятъ: вмѣсто, порѣ мнѣ ийти домой, время мнѣ ишпересоваться (*) на квартиру; вмѣсто, онъ будучи такъ молодъ упражняется въ волокителствѣ, онъ будучи такъ малъ, упражняется въ амурныхъ кашипуляціяхъ; и весь почидай госпоиной дворъ говоритъ устами не давно проявившагося

(*) *Вмѣсто ретироваться; однако и это не хорошо, да нѣжда не въ томъ, чтобы выль смыслъ, а нѣжда только во французскомъ.*

сочинителя Я желалбы, чтобъ господа малознающіе языкъ, не слѣдовали такому наставнику; для того что чужестранныя слова со всѣмъ имъ не годятся, и не всякой Русскій чуждыя слова пойметъ ихъ знаменованіе, да и за чѣмъ безъ нужды употреблять не нужное, и ежели сказать правду, то они служатъ больше намъ вредомъ, нежели щеголеватымъ нарѣчіемъ.

Господинъ читатель! прошу, чтобы вы не старались узнать меня, по тому что я не изъ тѣхъ людей, которые случаются по городу чепырьми колесами и поднимающіи ашамъ большую пыль на улицахъ; слѣдовательно тебѣ во мнѣ нужды нѣтъ. (Сколько мало я имѣю понятія, столько низко мое достоинство, и почти совсѣмъ не виданъ меня между великодушными гражданами: а ежели ты меня узнаешь, то не премини долженъ будешь изъразумѣть мой недостатокъ моему сестряню, что будешь для тебя можетъ быть лишній трудъ; а есть много такихъ людей, которые совсѣмъ не охотники дѣлать великодушствія: шокъ сестры изъ сего чела, то не старайся пожалуй и шлога смѣрять и меня, когда будешь находить во мнѣ нѣкоторые признаки. Я бываю одѣтъ шокъ, какъ все люди, и ношу кафтанъ съ французскими борами, а что еще больше служивъ къ примѣчанію, то сѣмъ роду мнѣ двадцать одинъ годъ, и я человекъ со всѣмъ безъ всякаго недосышка, что касается до человечества, то есть во всѣмъ его образѣ; только крайне бѣденъ, что всѣмъ почти мѣла-

к правчатымъ, такимъ, какъ я, сочинителямъ
общая участь.

Мое мнѣнiе такое, но не знаю, какъ
приметь его общество; лучше писать худо,
нежели советамъ ничего не дѣлать. Къ гда кто
можетъ что нибудь, хотя не важное, расположить
порядочно, то тогда мнѣ кажется легче при-
нявель можетъ и за хорошее; а когда же кто
не располагаетъ бездѣльцѣ, то тогда важнаго ни-
когда расположить не можетъ. Кто плачетъ
по рѣкѣ, то тогда смѣется пускается въ море. При-
вычка и частое упражненiе дѣлаютъ, слы-
хавъ я, приводящъ въ совершенство. Когда
же ехавъ мы чему нибудь научимся, то при-
ступимъ къ нему весьма шуто, и тогда по-
томъ произошла пословица: первую пѣсенку зар-
дѣвшись спѣть.

И тогда великодушной и добродѣтельной
человѣкъ извинилъ меня и пожелалъ, чтобы я
научился; а еслили вооружатся на меня на-
смѣшники, къ торые изъ зависти больше ста-
раются испорчить человѣка нежели исправить,
по тому что они не умѣютъ и вмѣсто разума
имѣютъ епотъ даръ оъ природы, чиня и
худое и доброе и рсметъхать, не зная въ обо-
ихъ полку, то я скажу имъ соиъ, къ торой я
въ прошедшую ночь видѣлъ.

Снилось мнѣ, будио бы я гулялъ на Ве-
нериной горѣ и поимавъ двухъ ея Нимфъ цало-
валъ столько, сколько мнѣ заблагоразсудилось,
по тому что цаловаться съ дѣвушками пресе-

дикой я охотникъ. Вдругъ услышалъ голосъ умирающаго ребенка: я и наяву жалостливъ, а не только во снѣ; и такъ бросился на избавленіе оному. Прибѣжавши на голосъ, увидѣлъ я сидящую злобную Ату, которая давила въ своихъ когтяхъ молодого Санира. Онъ уже починаи умиралъ, я вырвалъ его съ превеликимъ трудомъ изъ ся рукъ, и спарантемъ моимъ спасъ его жизнь, которую уже было онъ готовился поперить. Вдругъ предсталъ передъ меня Меркурій, и объявилъ, что присланъ онъ отъ собранія боговъ, кои рые пребудутъ меня къ себѣ. Платонъ въ одинъ мигъ перенесъ меня на Олимпъ. Тутъ увидѣлъ я премного застѣдующихъ боговъ. Платонъ, подошедъ къ Юпитеру, просилъ его, чтобы онъ за избавленіе мною его сына, котораго жонѣла умеривши Ата, сдѣлалъ мнѣ награжденіе. Юпитеръ приказалъ подати мнѣ свои совѣты, чѣмъ бы наградишь такого смершнаго, которой возвратилъ жизнь Платону сыну. Момово мнѣніе принято было лучше всѣхъ; онъ съ позволенія Зевсова подарилъ мнѣ перо, и сказалъ, что до скончанія моеи жизни могу я имъ писати никогда не очия, и чѣмъ больше спану его упопрелять, тѣмъ больше будетъ оно искуснѣ черкати. И такъ писалъ я имъ сию книгу, и какъ въ первой разъ его упопрелилъ, шѣ можно видѣть, что оно еще не описалось, а по обѣщанію Момову можетъ быти оно предѣтъ со временемъ въ совершенствѣ и будетъ порядочнѣ чертити по бумагѣ.

И такъ, выдавая сию книгу, примолвилъ я слова нѣкотораго говоруна: кто желаетъ

отдаться морю, тонѣ не долженѣ на рѣкѣ
спрашиваться слабаго волненія.

Подѣ именемѣ рѣки разумѣю я насмѣшни-
ковѣ, противѣ которыхѣ и мой рошѣ также
свободно распвориться можетѣ. Иодѣко думаю,
что имѣ мало будетѣ выигрыша шутивѣ съ
такимѣ маловажнымѣ человекомѣ, которои бы-
ваетѣ иногда легче бездушнаго пуху, и кото-
рой въ случаѣ нужды также опшучиваться
умѣетѣ.

Русакѣ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

Начало пустословія.

Господиѣ Адуароиѣ, котораго называли моимѣ оицомѣ, (а правильно или нѣтъ, о томѣ сомнѣванься всякому позволено: ибо досноверной сему свидѣтель была бы мать моя родная, которая въ шо самое время умерла, въ которое меня родила. Она была шому причиною, что въ нашемѣ домѣ родины и похороны были вмѣшѣ; что людямѣ, желающимѣ часшо ходишь по гостнямѣ, подало великую надежду подолѣ попироваишь:) оснипалъ меня какъ родного своего сына; а можеиѣ быиѣ и подлин-

Часть I.

А

но я былъ ему не чужой, хотя на посполясише покойной манери моей и не совсемъ должно было полагаться. Она была женщина нынѣшняго вѣка, въ которомъ многія изъ нихъ возвышаются любовниками, и у которой ихъ больше числѣмъ, на прочихъ и чиномъ поважитѣ, для того что въ полкахъ оныхъ не служашъ, следовательно и достоинства у нихъ по своему назначаются.

Я произвелъ оныхъ знаменато и пророкато поколѣнїя: знаши оно по тому, что все сосѣди знали моего отца, покойную мать мою и меня; пророкомъ же назвалъ я его по причинѣ, что отецъ мой былъ Жидъ, а мать была Цыганка: такіе люди всегда бывають искуситѣ прочихъ въ проводахъ и обманахъ. Читатель безъ сомнѣнїя дожидается сбытїя сей пословицы: „Оныхъ добраго дерева добрыя и ошрасли, Ты не обманываешься (*), и будешь свидѣтель, что я испиной какъ сынъ, и достоинъ сего имени, что произвелъ на свѣтъ изъ Цыганскїя упробы.

Благодаря больше природѣ за рожденїе мое, нежели жалуясь на судьбу, за похищенїе жены, родилель мой меня окрестилъ на шестой недѣлѣ послѣ явленїя моего на

---

*) Это я говорю одному, а не многимъ. Читатель самъ догадается-можетъ. для чего тушь стоять не по число, а далѣ оныхъ разумъ и стѣ природы.

свѣшѣ. Какъ въ ту пору я былъ ни малъ, однако имѣлъ сколько смысла, какъ сказывающѣ, чпобѣ удавишь бабку въ цюку, кошпоря, тошоваясь песнии меня въ церкогь, напилась до пьяна; и когда священникъ разсердасъ за сѣе крччалъ на нее, шо я, какъ будно бы смысла его слова, въ самое шо время удучилъ ее прагою рукою въ лѣвую цюку, ошѣ чего всѣ люди шчпили въ удивленіе, и смѣялись сколько, сколько можно въ церквѣ (*). Сѣ того времени всѣ наши шчхожане ожидали изѣ меня по возрастѣ моемъ чего-нибудь великаго; и самъ родитель мой былъ шакого же мнѣнія, для шо-го, что рѣдко случается сѣ ребенкомъ, кошорой бы, будучи шгль малъ, наказывалъ свою повишуху за просшунки.

О шесшинедѣльномъ моемъ рыцарствѣ слава моя возрасшала вмѣстѣ сѣ моими лѣшнами; и какъ шакия дѣла обыкновенно сѣ прибавкою ходящѣ въ свѣшѣ, шо нѣкошорые сказывали, будно бы я говорилъ у матери моей во чревѣ, и вышедши изѣ онаго въ шужѣ минушу просилъ ѣшь, и много

А 2

(*) Въ церквѣ смѣяться не сколько не можно, однако есть шакие у насѣ разумники, кошорые не только попишоньку, да и вслухъ хохочущѣ забывѣ благопристойность, или важнѣе страхъ Божій.

подобныхъ сему невозможношей набрѣдали. А ежели кто и теперь этому повѣривъ захочетъ, преняшеннованъ ему не могу : всякаго понятіе всякому шолкуетъ разное.

Во время моего возраста дѣлалъ я ша-кія дѣла, кошо,ыхъ не можно никому ни вздумать, ни взгадать, ни перемъ пиш-сать и ни въ сказкахъ сказанъ. Объ нихъ въ то время довольно говорили : а нынѣ ; думаю, у многихъ вышли уже они изъ па-мяти. Однако я извижаю шѣхъ, кошо,рвые объ нихъ забыли ; причиною можетъ бытъ шому природная здѣшнему свѣту шлѣ-носнѣ. Когда уже забывающія славныя дѣ-ла великихъ Госудрей, шо какъ можно у-цѣлѣтъ памяти о шакомъ маловажномъ человекѣ, каковъ емь азъ многогрѣшный.

На осьмнадцатомъ году моего возраста какъ буднобы я вознамѣрился подшверднѣ посещуюся о мнѣ славу ; а ешнли кто хо-чешъ ужаснѣ, какимъ побѣномъ, шоцѣ пус-кай подлабе прочешъ изволивъ. Въ сосѣ-ешвѣ съ нами жилъ ошешавной Полков-никъ, кошо,раго домъ подверженъ былъ ве-ликой эшешосни : всѣ жншелн въ ономъ шпеш-пешали ошѣ шраха ; хошаннѣ не зналъ что дѣ-лалн, и какъ избавншся, шошому что всякую ночь посѣцалъ его домъ мершвецѣ. Домаш-

ше его, вмѣсто того, чшобѣ спсрашился его выгнашь, принались все въ домѣ какѣ возможно далѣе, заирались въ горнищахѣ крѣиче, и находилась полумертвыми и неподвижными. Вкорененное въ нихѣ о мертвецехѣ ошѣ правдошѣ мнѣше не позволяло принашѣся имѣ ни за какое оружїе; нѣо думали, чшо вредншѣ ему ничшо не можнѣ: а спрахѣ не позволялѣ имѣ, и помыслишь о дракѣ съ покойникомѣ.

Вѣ одно время Полковница, кошорой имени я здѣсь не выговору изѣ почтенїя къ женскому полу, (но шому чшо не очень длянно смонрѣшь на свой образѣ написанной худыми красками, а особливо женщишѣ, кошорая чрезчурѣ влсблена въ свою красону) оснавила меня почевашѣ у себя: гѣ домѣ. Я ошѣ природы былѣ велерѣчншѣ; часно рассказывалѣ имѣ ншо, ѣи о древннхѣ черннхѣ, сказки о вымысленнхѣ короляхѣ, повѣснн о богатыряхѣ Усыпнхѣ, Горыпнхѣ, Дубыпнхѣ и словомѣ, всякїя веселоснн, какїя шолько выдумашѣ могѣ. Юшшерѣ употреблялѣ Меркурїя, чшобѣ веселую для шего ночь продолжншѣ; а она меня, чшобѣ скучную для нее укороповашѣ. До одиннашцапшго часу сидѣлѣ я подлѣ шей кровашн, и рассказывалѣ сказку о двенашцати Дяхахѣ, кошорую не дослушашѣ она, уснула. Уже приходило шо время, въ кошорое дол-

жно было появиться мерзавцу; ибо онъ обыкновенно жаловалъ къ нимъ въ полночь. Всѣ въ дѣмъ спали, и грѣзились имъ снрашныя сны; а конорые пробуждались, шѣ прикрывали головы свои подушками. Я никогда не видѣвъ еще мерзавцовъ, какъ они ходяшъ, загасилъ свѣчу, конторая шумѣ горѣла; любованисшва мое вывело меня изъ покоевъ въ сѣни и онаерло мнѣ въ оныхъ двери: а что шо ешь снрашъ, я о шомъ и не думалъ; маженѣ бышь и природное во мнѣ было безснрашнѣ, обѣ эномъ осщавляю я разсуждашъ испыншцелямъ ешесшва. Я ничего не боялся, и сонелъ съ крыльца на дворъ: ночь была шакъ шемна, что ежелибы снрашашъ гдѣ-нибудь въ углу слона, шо бы не увидѣалъ его и самъ сашана, хоня бы онъ смошрѣалъ сквозь самой лучшей Французской лорнешъ. Сшалъ я къ снѣжкѣ подѣвъ погребѣ, и не много подождавъ услышалъ сшукъ, шакъ какъ бы удобно лѣзшъ человеку че, ешъ заборъ. Сперва подумалъ было я, что эцо лѣзешъ воръ, и шакъ непосредшвенно испугался. Эши неудобныя художники не шолько робяшамъ, да и снѣжкамъ кажущя снрашны. Однако скоро одумался, и разсуждалъ, какой человекъ маженѣ осмѣлншся пришпи вмѣсшъ съ мерзавцомъ, и въ одно время; когда его Полковникъ шрусншъ, шо уже просной

ше его, вмѣсто него, чинясь спарашем
его выгнать, принались все въ домъ какъ
возможно далѣе, заирались въ горницахъ
крѣпче, и находились полумертвыми и
неподвижными. Вкоренное въ нихъ о
мертвецехъ ошъ правдою мнѣше не поз-
воляло прицѣпѣ имъ ни за какое оружіе;
нбо думали, что вредить ему ничто не мо-
женъ: а страхъ не позволялъ имъ, и по-
мыслишь о дракѣ съ покойникомъ.

Въ одно время Полковница, кошорой
имени я здѣсь не выговарю изъ почтенія
къ женскому полу, (но шому что не очень
прѣлично смонрѣшь на свой образъ нарисан-
ной худыми красками, а особливо женщи-
нѣ, кошорая чрезчуръ влюблена въ свою кра-
сону) оснавила меня почеванъ у себя: гъ
домъ. Я ошъ природы былъ велерѣчивъ;
часно рассказывалъ имъ ишо; и о древнихъ
черняхъ, сказки о вымышленныхъ короляхъ,
повѣши о богатыряхъ Усыняхъ, Горыняхъ,
Дубыняхъ и словомъ, всякя веселости, ка-
кя шолько выдумать могъ. Юнишеръ уно-
шреблялъ Меркурія, чшобъ веселую для не-
го ночь продолжитъ; а она меня, чшобъ
скучную для нее укоротитъ. До один-
нашцапато часу сидѣлъ я подлѣ ея крова-
ши, и рассказывалъ сказку о двенашцапи
Ляхахъ, кошорую не дослушавъ она, уснула.
Уже приходило шо время, въ кошорое дол-

жно было появишься мершвещу ; ибо онъ обыкновенно жаловалъ къ нимъ въ полночь. Все въ дѣмъ спали, и грѣзились имъ снрашныя сны; а конорые пробуждались, шѣ прикрывали головы свои подушками. Я никогда не видѣвъ еще мершвещовъ, какъ они ходяшѣ, загасилъ свѣчу, конорая шумѣ горѣла; любопытство мое вывело меня изъ покоевъ въ сѣни и онашла мнѣ въ оныхъ двери: а что шо ешь снрашъ, я о томъ и не думалъ; маженѣ бышѣ и природное во мнѣ было безснрашнѣ, обѣ эномъ оснрашляю я разсуждашѣ испышнщелямъ ешнщншва. Я ничего не боялся, и сонелъ съ крыльца на дворъ: ночь была шакъ шемна, что ежелибы снрашнѣ гдѣ-шнбудь въ углу слона, шо бы не увидѣлъ его и самъ сашана, хотя бы онъ смонрѣлъ сквозь самой лучшей Французской лорнешѣ. Сналъ я къ снѣжкѣ подѣвъ погребѣ, и не много подождавъ услышалъ снукъ, шакъ какъ бы шудбно лѣзшѣ человѣку че, ешѣ заборѣ. Сперва подумалъ было я, что эшо лѣзешѣ воръ, и шакъ непосреденвенно испугался. Эши шудобныя художники не шолько робяшамъ, да и снѣрикамъ кажушя снрашны. Однако скоро одумался, и разсуждалъ, какой человѣкъ маженѣ осмѣлншѣя пришпн вмѣснѣ съ мершвещомъ, и въ одно время; когда его Полковникъ шрусншѣ, шо уже просной

солдаты умирели отъ страха. Желаніе мое увидѣшь мершведа шончасъ прогнало такое воображеніе: слышалъ я, что онъ пошелъ къ крыльцу, и послѣ начали подходить ко мнѣ двое, и яль что могъ я понять изъ рѣчей: шине, одинъ говорилъ; а другой онъ вѣншивовалъ, слышу. Сшли пошомъ опирали две и, и вошли въ погребъ. Дверь была рѣшворена по входъ ихъ; и шакъ прокравились по шихоньку вошли и я шуда же. Чшо жъ я шамъ услышалъ? началось бѣлованіе, и сшли говоришь любовное изъясненіе. Легко ошгадшь можно, сколько я удивился. Пошомъ зашучали шаканы, и начало передиваншься, какъ думаю, вино: пишо довольно, и послѣ сдѣалось молчаніе, и продолжалось сѣ четвершь часа; а какъ сшли говоришь, шо примѣшилъ я, что они нѣсколько зыпыхались. Но ушнени сѣ обвиль шоронъ ушнивосней сшли они прощаншься; а я выскочилъ шончасъ изъ погребъ, боясь, шнобъ меня не заперли, и шналъ подѣ самыхъ дверей. Мершвецъ шель оншуда напередъ. Сколько ни было шемно, однако разсмошрѣлъ я, что онъ былъ въ долгомъ бѣломъ саванѣ, росшу высокаго, сѣ окладисною черною бородою и сѣ ораныымъ носомъ. Онъ полѣлъ шакже чрезъ заборъ, а другая пошла обратно на крыльцо. Я шнужденъ былъ бѣжашъ пошовой ше ея, шпошъ

не оспаться до утра на долѣ. Притѣши въ сѣни, спалъ за две, ъми; женщина также вошла, заперла двери и пошла въ горницу, гдѣ жила набожнѣя и цѣломудреннѣя ключница. Я спривился опяни въ спальню, гдѣ пригошовлена была для меня постеля, легъ на нее, однако заснуть не могъ. Думалъ я самъ въ себѣ, надобно ли мнѣ сказанъ зашире объ этомъ приключеніи Подковницѣ, или нѣшъ: сомнѣвался я, чшобъ мнѣ въ ономъ повѣрили, и шакъ положилъ развѣданъ сіе хорошенько, чшобъ дошновѣрѣе показались мои слова. На ключницу не имѣлъ я никакого подозрѣнія; и шакъ опасался се обидѣшь.

Я бы и долѣ еще разсуждалъ, однако, свѣшъ прекранилъ мои мысли. Не разсужденія мои разбудили солнце, а можшъ бышь уже дѣйствительна была пора ему всмыванъ. Сошъ осшавивъ другихъ, пришелъ ко мнѣ и успокоилъ меня; ибо онъ не принимаещъ никакихъ опгворокъ (*).

Не дожидаясь, чшобы я пробудился, домашніе всѣ всшали. Мы съ Подковни-

---

(*) Многие гсворятъ, что отъ дьявола опгворитья можно молитвою, отъ обидчика судомъ, отъ подьячего деньгами, отъ буяна дубиною, а о снѣ ничего не упоминають.

целю. опочивали до двенадцати часовъ, по обыкновенію знатныхъ господъ шѣхъ, которые не имѣли никакого дѣла, въ числѣ ихъ и мы съ нею находились. Весь годъ сколько довольно дѣла не надѣлалъ, сколько довольно мы двое съ нею гуляли. Въ то время, какъ и мы разошлись съ пошелями, нашло въ снѣгу къ намъ множество народу обоего пола, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, включая женщинъ, которыхъ я не могъ разобрать, которая изъ нихъ молодая, и которая старая; лицо у всякой покрыто было бѣлою, а губы и щокъ красною мазью. Онѣ мнѣ все казались шестидесятилетними дѣвушками, хотя послѣ провѣдалъ я, что самая молодая изъ нихъ была на сорокъ пятомъ году, или близко того. Надобно было время два часа. Полковницъ одѣшья; она была хотя обвенчана, однако шестолета. Лицо ея было самой древней печати и худого шисненія; носъ ея представлялъ кривую ижицу; борода и губы казались какъ будто бы снѣжной юсъ въ драгунской шляпѣ; на лбу и на щекахъ распавлены были кудыки и запястья весьма безпорядочно. Такою приманчивую красону прикрывала она масляными красками бѣлою и красною, а брови сурмила шипо-

графскими чернилами; и такъ лицо ея весьма было гладко, и казалось, какъ будничны дощени свиннымъ зубамъ, или Цыганскимъ камнемъ, кошо,ымъ они на шаршавой лошади иводятъ глянецъ. Когда она совсемъ одѣлась, тогда начали разговоръ о несчастнн и безпокойствѣ, кошо,рое причиненн всему ихъ дому мершвецъ. А какъ извѣстно, что начало рѣчи выводилъ за собою и конецъ, кошо,рой проводилъ всѣхъ, что шуилъ ни былъ, въ шоловую горницу.

Господинъ чиншель! намъ лучше буденн слушать ихъ за шоломъ; когда они понберупся довольно внищъ, тогда языкъ ихъ буденн проводилъ и мысль посвободилъ. Они ужъ сѣли: какъ вы думаете, что изъ нихъ больше сѣвнн? Вы конечно скажете, что шонн шолешой и одуплованной дворяннн, кошо,рой очень много походилъ на квадратную че;спаху. Въ еномъ вы обманулись: по лѣвую руку госпожи Полковницы, видите вы, сидилъ Офицеръ; онъ по прямой линнн происходилъ онъ Голцафа, а по мнѣнню другихъ онъ Визина, сына Пенцунова, кошо,рой такую великую смѣлоснн и дерзоснн имѣлъ въ рѣчахъ, что сѣвнн изъ него пословицу, и говорили про смѣлаго болшуна, что онъ дерз-

новениѣ на словахъ и самаго Визиня. Сколь родъ его шлещя далеко, столько оиъ великъ росношъ, шопокъ и нескладенъ: голова у него очень малой руки, и приномъ де, свяннѣя; съ вискошъ, и что изиди виснишъ коса, походнишъ на подъячегу, и въ самомъ дѣлѣ кроткошноредъ и дебелкой. Оиъ для того родился на свишъ, чиношъ циношъ, фешъ и зводнишъ сошъ, а больше ни къ чему не способнишъ. Виднишъ, оиъ уже разснелнулъ камзолъ, и хоченишъ не емънишъ дешншю шдешку; оиъ ни одного не оснелнишъ цѣлаго кушншя и велъхъ онвѣденишъ до половинны. Эша ржаня шваръ вездѣ шдѣ фешъ, какъ буднишбы предчувственишъ дешншлѣннишъ голодъ. А шопшъ, котораго вы хошблѣ почеснишъ прожорою, пошелѣлъ совсѣмъ вкусъ, и фешъ очень мало, по шому чино Французской желудокъ не варнишъ ржанаго хлѣба. Здѣннее кушанье ему не нравишя, ибъ гошовилъ его не Французъ. Оиъ шенерь въ глубокнхъ мысляхъ; думаснишъ сдѣланишъ новую Географію и перенетанишъ по своему ландкарнишъ, на кошо, въ шрдинѣ у него буденишъ шпошншъ городъ Москва. Сте мѣсно казалосъ бы ему негоднымъ, шакъ какъ и шѣмъ, кошо, рые ненавиданишъ свое ошечешно; да въ немъ живенишъ его любовнишца: она сиднишъ прошишъ его. И шакъ по одной

снороцѣ сего города хочиѣ посѣавиѣ оуб.
 Пекинѣ, по другой Консиданциноль, по
 прешей Парижѣ, а па чешвершой Римѣ,
 и шакѣ близко, чинобѣ всѣавни сѣ посше-
 ли, ходиѣ ему поушѣу ниѣ чай вѣ Пе-
 кинѣ, послѣ обѣда вѣ Консиданциноль
 ниѣ кофе, вѣ полдень вѣ Римѣ пожираѣ
 шѣмонше плоды, а кѣ ночи вѣ Парижѣ
 ниѣ несколѣѣ, и кешанѣ уже шамѣ про-
 хлаждаѣ сѣ подшиными Французскими
 шеголхами. Роскошше его вы не сыщете
 во всей вселенцой. Мы еще не слышимѣ
 ихѣ разговоровѣ; конечно не доволно они
 еще покушались. Ошавимѣ все, что не
 есиѣ на шолѣ, ихѣ голоду на жершву;
 пускай они будуѣ доволны. Пока они
 сшануѣ кушанѣ, а я шѣмѣ временемѣ по-
 думаю о расположенш вшорой главы.

ГЛАВА II.

ЕЖЕЛИ ОНА БУДЕТЬ НЕ СКЛАДНА,
ТО ВЪ ТОМЪ Я НЕ ВИНОВАТЬ, ПО
ТОМУ ЧТО БУДУТЬ ГОВОРИТЬ ВЪ НЕЙ
ПЬЯНЫЕ:

Мнѣ удивительно, сказалъ объѣдало, на-
полнивъ брюхо свое съ излишкомъ,
(голосъ его походилъ иногда на разноголос-
ную надутую волюнку,) что зношѣ мер-
твецѣ оживлевшему обезпокоиванъ Шшана
и не обсервуенѣ (*) чести Полковника.
Знаенѣ ли онѣ, что и на шомѣ себѣнѣ не
свищенѣ мѣшна; ежели я приведу мою ро-

(*) Обсервуенѣ, слово не Руское; оно пот. рывъ
свое подобие вѣхало въ нашъ языкъ. Латин-
ское obsequio значить по Руски наблюдаю,
почитаю; а сто чп. значить, того я не вѣдаю;
можетъ быть obsequio испорчено съ одного кон-
ца какимъ-нибудь кренобасемъ и такъ ша-
тается въ Росси. Бѣшьлибы теперь былъ здѣсь
какъ и нибудь Римлянинѣ, то бы онѣ подарилъ
хорошую пару оплеушинѣ одному моему зна-
комцу за то, что онѣ сто слово всегда въ раз-
говрахъ помыкаетъ; а особливо ежели на к-
го разсердится, то и кричитъ у ѣ для чего
ты не обсервуенѣ моей чести? И сверхъ того
пашетъ и въ приказныхъ дѣлахъ.

шу, и вею выпрелишь по немъ залпомъ, но и сквозь дьявольское его шло свѣшнись ся снхенъ. Онъ былъ весьма храброй Офицеръ, и на двациномъ еще году своего возраста мать свою родную выскъ розгами. Ключница въ семъ случаѣ оробѣла: храбрость сего рыцаря произвела въ ней немалую тревогу; она снюла за снуломъ у хозяйки, и имѣла позволеніе вмѣшиваться въ разговоры. Въ семъ домѣ починили ея Сивилою, и когда она говорила, то слушали ее все и подтверждали съ почтеніемъ ея слова. Смущеніе ея и онвѣнъ сыному госпою возбуждали во мнѣ подозрѣніе, и я уже началъ думать, что потребное свидѣніе ей не безъ извѣстно. После ея словъ началась Тинцкая музика; всякъ заговорилъ своею погудкою, и кино былъ доволенъ, шонъ и кричалъ громче. У всякого въ бушмакѣ ничего уже не ощущалось, и шакъ ихъ ошедвинули, какъ неудобную и скучную глазамъ посуду. Мнѣ всѣхъ варути слушать было не возможно; я сидѣлъ подлѣ хозяйки. Можешъ бышь иной шому не повѣришь, и скажешъ, что это не возможно, чтобъ такая мѣкая шва, замѣнилась въ благородную компанію (*). Я на это

(*) Компанія по Руски бесѣда, и варичество. Я для того не поспавилъ онаго на Рускомъ языкѣ, что были шуть Нѣмцы и Французы тѣ.

отвѣчаю такимъ образомъ: наперсникъ благополучія бываеиъ иногда не меньше Китайскаго Кушухны. Счаснѣе въ семъ случаѣ оказало надо мною свое могущество; и я былъ за эшимъ сподомъ не маловажная особа. Сверхъ же того за изученіе меня ии-сашъ дѣткѣ нашего прихода плашилъ я сѣбѣ сшвенныя мои деньги; слѣдственно пишу я по мсѣи волю. Однако возвратимся опять къ иишнему споду. И иишлася слушашъ разговоръ между Полковницею и разсшегнушымъ Офицеромъ. Въ моей деревнѣ, судашилъ, говорилъ оишъ, (кошорой у него со-вѣсѣмъ не бывало; ибо оишъ гораздо ивъ мѣл-кошравчашной фамилии (*), и восшншашъ мя-киною. И бы расказалъ, для чего оишъ и друше ему подобные очень много храсшашеиъ, шолько совѣсшъ меня оишъ шого удерживаеишъ,

---

которые не только Рускія слова, но и насѣ са-мхъ ишавидлшъ, не смшря на то, что ишта-ются нашимъ хлѣбомъ. Къ чему примечаю пошловицу: Неблагодарнаго доводѣшшозашъ, равнѣ к къ грѣшъ змѣю за ишзухой.

(*) Фамилія по Руски родъ, порода, кошбно, семья. Здѣсь не пошщавлено для шого по Руски, что я говорю не о простомъ гражданишъ. Я челозѣкъ не храброй, слѣдственно до драки не-охотшкъ. Семья слово не знатное, а фами-лія слово благородное, такъ и добно его непре-мѣнно оставлшть для такихъ знатныхъ гос-подъ, какошъ сешъ мой благоишзбранной раз-вѣдлш.

по тому что я и самъ не рѣдко хвѣтлюсѣ
за сѣ ремесло, и оно, мнѣ кажется, сродно
всѣмъ нашимъ волокнинамъ; другое же
то, что не хочу перебивать его рѣчей.) Имѣлся (*) одинъ кузнецъ нашъ, продолжалъ
словесной богачъ, коимъ онъ былъ сполько
до старости, что всегда превосходилъ имѣ-
нѣемъ своего господина. Но при всемъ сво-
емъ богатствѣ былъ онъ чрезвычайно скупъ
и копилъ деньги съ великимъ раченѣемъ;
сверхъ того онъ былъ черно книжникъ (**);
Пришедши очень въ глубокую старость
умеръ. Жена и дѣти, коимъ онъ оставилъ
послѣ его наследниками, получили его все бо-
гатство; не очень ему радовались; ибо онъ
умирая сказалъ, что буденъ приходилъ къ
нимъ каждую ночь, что дѣйствительно и
сбылось. Въ самую первую полночь доказалъ
объявленіе свое покойникъ очевиднымъ дѣ-
ломъ; купили они гробъ ему съ дырою;
потому что въ деревнѣ нашей было дру-
гаго не возможно, а былъ у продавца только
одинъ. Положи въ него мершвецъ, поставили
на столъ съ шиломъ по серединѣ избы.

(*) Слово сѣ въ крючокъ наорной фабрики; оно
всегда не съ епѣя между сугггами.

(**) Чего книжники или колдуны прежде сего
были: люди случайныя, а нынѣ совсѣмъ уже
попрели къ нимъ почтеніе; и ежели какъ
появится, то и за черно книжіе пот скажутъ
его также, какъ и за всякія враки.

Когда пришла глухая полночь, то высу-
нулъ усопшій въ дырочку палецъ, и шезе-
лилъ имъ очень проворно. Собака, кошо-
ря лежала иногда подъ сшоломъ, подума-
ла, что покойникъ ее дразнишь, разсерди-
лся и зворчала. Чиншпель псалшири и
кшо шуишь ни сидьлъ, закричали ей со у-
грозамн, чшобъ она переспала. Собака у-
споксшлась; однако смонрѣла на шо мѣсно,
ошкуда высовывался мершвой персшвъ. Не
много слусшя, мершвецъ непосредсшвенно
пшхо началъ производишь языкомъ и голо-
сомъ сшн выраженія ррѣ, ррѣ, ррѣ, шкъ
какъ обыкновенно собакъ дразнишь. Выж-
лица вскочила и пршсшупя къ гробу на-
чала лаяшь, не смонря на шо, что лежишь
въ немъ усопшій; она вознамѣрилась пе-
решупаниъ у него ляшки. Когда началось у
вса съ мершвецомъ горшпанное сраженше, шо
всѣ домашнше обмерли и были неподвижны.
Сшрахъ и ошчланише подкосили имъ ноги.
Псалширщикъ опамяшновался прежде всѣхъ
и побѣжалъ домой къ женѣ. Бѣдняя кре-
стьянка и дѣшшн ея вскарабкались кое-какъ
на верхъ сшроеншя, что называется подво-
локою, поднимали руки къ небу, и про-
сили помощи. Луна вышаращивши глаза
шолько на нихъ смонрѣла, и ни мало имъ
не помогала; звѣзды шолько что бѣсшлись
на днѣ бездны, перескакивая съ мѣста на

Часть I

Б

мѣсто и не хотѣли ихъ слушать. Въ деревнѣ крестыяне всѣ спали, и ни одинъ не пошевельнулся; въ избѣ не знаю кто больше кого разсердилъ, мершвецъ ли собаку, или собака мершвеца, только знаю то, что онъ изъ гроба выскочилъ, и началось у нихъ сраженіе силами и проворствомъ. Борьбой песь съ налешу прежде всего бросился къ нему на шею, и откусилъ ему носъ такъ плохо, что онъ началъ походить на колмыка, или на моську. Долго пропивались другъ другу сѣи рашники: однако наконецъ покойникъ преодолѣлъ, къ несчастію жены своей и дѣшей, спасателя ихъ жизни, и полѣзъ по лѣсницѣ къ нимъ на верхъ, и показался имъ уже до половины, въ коншорой было мѣрою аршина полшора. Предспавыше себѣ, примолвилъ тогда красенбѣй, въ какомъ они были спрахѣ, и можешъ бытъ уже себя не помнили. Въ самое то время вспѣлъ у нихъ на дворѣ пѣнухъ: мершвецъ облушился съ лѣсницы на низъ, и сдѣлалъ превеличайшой шумъ. Тогда меньшей покойникъ съ смѣло упалъ безъ памяти, лишился всѣхъ чувствъ, и пересталъ бояться своего родителя, испустилъ духъ, сдѣлался неподвиженъ, а по просну уме, б. Душа его зацѣпилась за косу смертоноснаго духа, по

мнѣнію нѣкотораго Философа; или хаяжи
лобазненной дружины.

Вы видите, сударыня, продолжалъ Бахусовъ племянникъ, что я начинаю уже шумить: а члюбъ лучше и веселѣе продолжайте мнѣ мою повѣсипь; по прикажите пускую мою бушылку перемѣнить на полную; тогда вы увидите; что покойной Цицеронъ грона передо мною не спойлъ. Прозьба его шончасъ была исполнена; и онъ полнуюбушылку довольно учшиво вспрѣшилъ, такъ что за одинъ разъ появилось у нее и дно открыло. Опорожнивъ флягу, началъ говорить онашь такимъ образомъ: Когда уже, сударыня, довольно разсвѣло, и такъ сдѣлалось видно; что можно было разобрать, просная ли бушылка спонилъ передо мною, или съ виномъ; тогда успрашения коестьяника и съ дѣньми своими спустилась въ окошко; и пришедъ къ попу, рассказала ему сіе приключеніе. Попъ заклался всѣмъ на свѣтѣ, что никогда не похоронилъ его у церкви; и не пойдешъ къ ней въ домъ оппѣвать шкого ерешника, которой имѣетъ въ себѣ дьявола. Многие сказывающъ, что ешошъ попъ говорилъ епо по приличію своего чина; а другіе на него клепающъ, что будно онъ спирусилъ, и не хонилъ отъ робосни повидансья съ

шкимъ безпокойнымъ мертвецомъ, которою, какъ онъ думалъ, за бездѣлицу не осмѣившъ выщипавъ у него бороду. Однако, какъ бы шо ни было, когда вмѣшались въ разговоръ ихъ деньги, шо священникъ согласился похоронить его и въ церквѣ. На правой сторонѣ въ прапезѣ изложили покойнику спальню, или по просипу могилу, въ которой его щцательно и съ великимъ попеченіемъ закупили. Но онъ опочивалъ въ нѣ сколько дней, а ночью всегда прохаживался по деревнѣ. Съ полгода крестьяне сисели епощъ страхъ перепѣливо; наконецъ выбралися все и осмѣвили дома свои пущими, ибо усопшій весьма ихъ не любилъ, и всѣхъ безъ выбору зидвалъ иногда по замылку, выбрасывалъ въ оконко, и шаскалъ по улицѣ за бороды весьма несшорочно. Деревня вся была пуща и церква разорена, дома перепорчены, и все въ великомъ безпорядкѣ, чему причиною былъ мершвецъ.

Въ нѣкоторое время, не вдалекѣ онъ этой деревни, заблудился въ лѣсу охотникъ: онъ ѣздилъ по немъ часовъ шесшь, и не могъ сыскашь дороги, коншую онъ потерялъ; а искавъ оную потерялъ съ нею и день. Начала ночь, коншая заградла его немалымъ страхомъ. Ло-

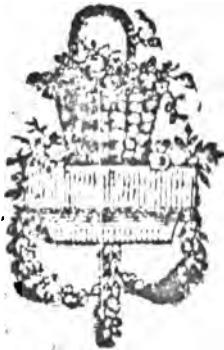
вещь, принявъ сей подарокъ, положилъ къ себѣ за пазуху и началъ дрожать. И когда онъ не выдвѣлъ оубо холоду снѣжки, то бы сердце у него оубо снѣраку конечно выскочило; а въ такой шемношѣ гораздо было бы трудно его найти. Оубо оубо роду своего не имѣлъ никакова знакомства съ лѣшниками, и такъ опасался ихъ довольно по молодецки. Наконецъ вытхалъ онъ изъ еной шумящей снѣракомъ пусыши, и забрелъ въ сѣю расширенную деревню. Вошелъ въ первой домъ, и скоро разглядѣлъ, что нѣтъ въ немъ хозяина, равномѣрно какъ и во всей деревнѣ; и когда увидѣлъ, что онъ полномочный въ ней повелитель, то выбралъ себѣ самое лучшее спроенѣ для препровожденія ночи. Еубо былъ домъ того снѣщенника, кошорой считалъ съ крестьянки десяти рублей, чтобъ похоронить мужа ея въ церковь. Расположившись въ немъ, рыцарь легъ опочивать въ переднемъ углу, запершись кругомъ крѣпко: хотя онъ и не ужиналъ, однако уснулъ довольно сладко. Шупливой покойникъ, или лучше невнѣшникъ сонныхъ людей, подошедъ подъ оубо, открылъ его очень искусно, и прощипувъ руку ущипнулъ моего богатыря, кошорой спалъ на лавкѣ подлѣ окошка, лежонько за носъ. Пугало зайцовъ вско-

чилъ благимъ мапомъ, ухватилъ себя за носъ, у котораго по обязанности его щещу не доспывало правой ноздри, и кровь текла весьма обильно; попомъ высунулся въ окошко, желая знать, кто бы такъ прищельски съ нимъ поднушилъ. Какъ скоро онъ высунулъ голову, то спящій у окна мершвецъ погладилъ его въ самое шбмя такъ искусно, что онъ перевалился опять въ избу безъ памяти, опдыхалъ съ полчаса на полу, и лежа на ономъ имѣлъ довольно времени позабыть страхъ и рассердиться непосредственно геройски. Попомъ опамяповавшись, выскочилъ на улицу, и первая была ему встрѣча его прищель, котораго такъ искусно его погладилъ. Вцѣпились они другъ въ друга; схопщикъ началъ щекотать мершвеца своимъ щесакомъ, котораго весьма не подъ пару былъ мершвому шблу. Боецъ мой выдергивалъ имъ изъ него довольно полновѣсные куски, и въ первой разъ лишилъ полуночнаго бродягу лѣвой руки. Щоконникъ рассердившись хопѣлъ лизнуть щесака, и лишился половины головы, и наконецъ раздробленной повалился на землю.

Въ семъ мѣстѣ восхищенная Полковница возгласила: счастливаго энора охотникъ, что былъ столько силенъ! Чпожъ

перестала ли мертвецъ по деревнѣ ходить, примодвила она? Всеконечно, сударыня, опивчала правнукъ Голіарявъ. Креспьяне уведомившись о семъ, заплыли довольно порованца звѣродовищелю, и перебрались оная въ деревню, и жили уже покойно.

Выслушавши повѣсть Подковница вслава подносила всѣмъ господамъ по превеликому кубку вина, а особливо расказнику, радуясь побѣдѣ надъ деревенскимъ мертвецомъ, такъ какъ будибы и она своего побѣдила.

ГЛАВА III

ОБЪЯВЛЯЕТЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ПРО-
ГЛОТИЛЪ Я КУЛИДОНА.

Нисидливѣ довольно нѣсы, вспали мнѣ изъ за снѣла по обыкновенію пѣницѣ, только благородныхъ, а не подлыхъ. Всякъ, желая показашь свою бодрость, поднималѣ голову къверху, какъ буди бы хотѣлѣ учинитя А шромѣи, подька ноги рѣдкому изъ насѣ служили и пнуждали скорѣе опянь садитя на снѣуля. Юсножа Аленона, коншоя не имѣла сѣ нами сообщенія опораживашь рюмки и снѣкны, какъ я примѣшилѣ, довольно смѣлась, когда машунка ея храбровалась наподсбѣ спарато Индѣйскаго пѣшуха; и послѣ въ прѣде живаніи двухъ дѣвокѣ за оба крыла опшправилась въ свою снѣальню, гдѣ при разсѣшаніи другаго дня сѣ похмѣля скончалась. Горячее вино со спароснѣю во время ея сна поссорилась, и наконцѣ дошло у нихъ до драки: раздвая другѣ другу плосные ш,зы и оплеушины, прѣломли Подкопциѣ голову; а по мнѣю другихъ, упала она сѣ ковшомъ и раскронла сѣбѣ лѣбѣмѣ испалко, чшо смиснувши зубы

отправилась на гробъ свѣтъ, не заплатя ни одному лѣкю за реценшы ни корѣйки, а аптегарю и того меньше.

Попомъ, кто могъ еще имѣть движеніе и вслѣдствіе не шаваясь со спина, шъ всѣ почили въ садъ, куда пришла и сѣ Аленона. Пришедши въ оной, съ общаго согласія приказали подѣлить горячей воды съ сахаромъ и съ Китайскою правою; а сѣи три вещи вообще называюся чаемъ. Когда мы начали зговоривать прихлебывать, ибо онъ былъ очень горячъ, шакъ чшо пить его не возможно; тогда господинъ разскащикъ зговорившись позабылъ, чшо эта горячая вода, и думая, чшо вино, кшпорое онъ шлануль за споломъ, хлебнуль шакъ неосмотрно, чшо высунуль языкъ, вышаращилъ глаза и повалился на землю. Сперва не показалось намъ сожалѣніе, а презрѣтѣйшій смѣхъ, онъ кшпорю и шъ былъ вырванъ мою чашку, и разбилъ бы ее шакъ какъ и онъ. Посмѣявшись довольно, принялись мы помогать обожженному бѣгшю, подняли и шжали разскащика языкъ его и губы. Сколько ни шжались мы удерживать шемлевіе опухоли, однако она намъ прошивалась; вскорѣ полновата мы образъ наше-

го виплязъ, и увидѣла въ немъ раздувшую
волынку, которая иногда поднималась,
а иногда опускалась, и представляла
намъ точно, какъ будто бы находились
на ней написаны шесть динеръ, мечу-
щія въ глаза слово дуракъ. Сколько
пушъ ни было людей, всѣ понесли
его изъ сада въ покой. Госпожа Але-
нона не хотѣла имъ послѣдовать, и
просила меня, чибобы я ей сдѣлалъ по-
варищество, на что я охотно согласи-
лся; и такъ остались мы съ нею двое.

Чищатель можетъ быть приревнуешь
ко мнѣ въ семъ случаѣ, и скажетъ, что
не надобно бы дѣвушкамъ оспариваться одной
съ мужчиною. Однако добродѣтель моя
въ томъ порукою, что я не прежде
исполнилъ --- на примѣрѣ, вопль по ---,
о чемъ иногда и извѣстишься не можно,
какъ по позволеніи мнѣ онаго оцѣ прелъ-
спившія меня особы. Прохаживаясь по
саду, вздохнулъ я по примѣру Рускихъ
Селадонъ (*), и началъ пушиться по
правиламъ Вулкацовой супруги, что бы-
ло не неприлично моему снушницѣ. Она
ушѣшалась, когда я дѣлался чѣжнимъ

(*) Селадонъ, имя въкстората романическаго
виплязъ и прсдзвнаго волокишы.

любовникомъ : оспрѣя выдумки , запѣ-
 ливые рассказы , и кудрявые слова ушѣ-
 шали ее по моему желанію ; и все , что
 я ни говорилъ , казалось ей приятно .
 Краснорѣчія для женщинъ и шутокъ имъ
 приятныхъ , могу признаться , что было
 и есть во мнѣ довольно ; кшожѣ меня
 ими награждалъ , того я и самъ не знаю ;
 а хотя и вѣдаю , шолько про себя , для
 того что иные пересмѣшники заворачивъ
 на меня , ежели я скажу . Разумъ маперіа
 весьма тяжелая , и ежели кшо захочешъ
 говоришь оъ ономъ , шо надобно , чпобы
 онъ безъ шутокъ извѣснлъ свои мысли ;
 а я не могу ушерпѣшь , и въ самой важ-
 носнн слога захохочу , а особливо шумъ ,
 гдѣ мнѣ будешъ нецоняшно .

По ешому вижу я , что скоро попе-
 раю имя горячаго любовника , что остав-
 ляю одну мою любовницу въ саду и не
 опаслюсь соперника , копорой легко под-
 краснѣя моженъ и подцѣнишь по серд-
 це , которое уже начинаешъ мнѣ сда-
 ваться . Подсупимъ ояшь къ нашей
 происходншельной Лукреціи . Скажи мнѣ
 Ладонъ (ешо мое высокопочтенное на-
 званіе) ; сказала она мнѣ , былъ ли ты
 въ кого , нибудь влюбленъ ? Онъ этого
 вопроса шакъ я спрусилъ , какъ не

искусной на кафедрѣ проповѣдникѣ: краснорѣчье мое пригнулось, языкъ окоснѣлъ, смѣхъ меня ударялъ такъ сильно въ лобъ, что я весь покраснѣлъ, и вмѣсто всего велерѣчя ошвѣчалъ ей, нѣтъ, сударыня. Что съ тобою сдѣлалось? говорила она мнѣ, примѣшивъ несбыточную во мнѣ перемѣну; ты, мнѣ кажешься, чего-нибудь смѣдишься, и робость твоя довольно доказываетъ, что ты въ великомъ смущеніи. Ею и подлинно было чрезвычайно, что изъ такого оспряка сдѣлалась самая де, евская шупица. Однако скоро возвращилъ я опять свѣжія мои мысли, и зачалъ смонрѣшь на нее пристрастнѣе. Глаза ея были наполнены сироднпцельнымъ приапшвомъ; на щекахъ лепалъ смѣхъ смѣнчивой съ благоприспоспоспю, кошорой пушался съ румянами; губы ея находились въ превеликомъ движеніи и, показывалось на нихъ нес. ринное желаніе; а что еще больше овладѣло ею, то я одинъ только знаю: а ежели и читатель изволилъ о томъ провѣдать, такъ развѣ скажу я ему на ухо. Я шѣлъ чѣсъ догадался, что удобно мнѣ дѣлать; ибо я довольно читалъ романовъ, которые главныхъ людей исправляютъ и дѣлаютъ дѣлками. Ухвативъ ее за руку, бросился предъ нею на колѣни, и

приглядѣ на себя видѣ опчялиаго любов-
ника, началъ говоити такимъ образомъ:

Собраніе пріятель! испочиниѣ красоты!
„ владычица прискорбнаго моего сердца!
„ оснзавъ мою вину, чшо жукая любовь
„ принуждаеиѣ меня выпуитиѣ изъ гра-
„ ницъ неспоснаго шериѣнія. Господешву-
„ ющая душею моею, не могу я описатиѣ,
„ какою сладоснїю наслаждаюиѣся мои
„ чувства, когда прелесный образъ
„ швой въ глазахъ моихъ, образъ ко-
„ шорой пріятелье моей жизни; шогда я
„ самъ себя позабываю, изумленїе овла-
„ дѣеиѣ мною и сдѣлаюѣся недвижимъ: изъ
„ ошкрышомъ лицѣ моемъ ежеминутно ле-
„ шченїе шидѣ, кошорой борешся съ
„ моимъ разсудкомъ, а пламенная шрасиѣ
„ пропивиѣся обвинѣ: шрасиѣи раздѣляиѣ
„ мое поняиѣ, смашуиѣ мои мысли и сдѣла-
„ юиѣ безслогеснымъ; горшаръ моя изъ-
„ сохнеиѣ и шолько единые тѣдохи при-
„ водяиѣ меня въ движенїе. Значо, чшо
„ безразсудно сїе предпріаиѣе и бесполез-
„ ня надежда; судьба не дала миѣ шой
„ часши, кошорой шы наслаждаешся въ
„ швоей жизни: но могу ли я воздержатиѣ
„ себя? Могу ли хоши на одинѣ часѣ
„ нешребитиѣ изъ памяни живуюиѣю въ
„ разумѣ моемъ обладательиѣцу. Прекрас-
„ чый образъ швой до самой вѣчносїи въ

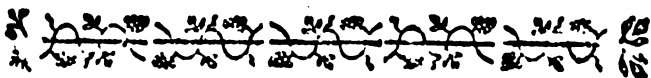
„ мысль мою погрузился. Ошъ тебя за
 „ висшиъ возвращишь потерянной мой
 „ покой. Подай надежду миъ ошчальному
 „ жизни; кошора хощъ мало бы поль-
 „ щила унывающей душиъ мой: Благо-
 „ расшворенный аромашъ! напои жажду-
 „ щие мои члены, уйми смященіе; и ош-
 „ вращи взнесенную руку къ приобрѣшенію
 „ другаго покоя. Забуду я тебя, когда
 „ скончаю жизнь мою; но съ какимъ же
 „ шерзаніемъ разспанусь я съ душею мо-
 „ ею? Жалый меня прекрасная хощащя ошдла
 „ сохраненія добродѣтели неопсшунно оби-
 „ щающей въ душиъ швей: Скольکو нѣж-
 „ но сердце въ прекрасномъ шшоемъ шѣ-
 „ лѣ, имѣй шолько пѣжный духъ! ошч-
 „ чай мою напаси! смягчись дражайшая!

При семъ словѣ любовница моя сдѣ-
 лала ирагическое движеніе и подняла ме-
 ня съ приманчивою улыбкою, кошора
 приказывала миъ надѣяншь всякой ошѣ
 нея благосклонности. Однако надобно зитиъ,
 что сколько женщина ни была бы безно-
 рядочна, шолько великія находниъ шруд-
 ности ошкрывашъ свою спрасиъ. Помомѣ
 цѣловались мы шолько, сколько намъ
 обомъ за благо - разсудилось. Въ самое
 это время я поперхнулся, и шущъ узналъ;

что проглотилъ Купидона, которой сидѣлъ у нее на губахъ.

Признаюсь, что любовнымъ моимъ извѣщеніемъ, которое присунулъ я ни къ селу, ни къ городу, читателью болѣе наскучилъ, нежели всею моею книгою; я хотѣлъ было въ серединѣ этой проповѣди и самъ вснаться, но тому что попался мнѣ подъ колѣно камешекъ, которой щеконалъ меня довольно исправно, и болѣзнь произведенная оимъ него подавала мнѣ больше жару; и такъ любовница моя подумала, что я пренѣжнѣйшій любовникъ въ свѣтѣ. Впрочемъ читатель долженъ быть увѣдомленъ, что я впередъ такимъ нѣжнымъ извѣщеніемъ скучать ему не буду, а это долженъ оимъ мнѣ просиши, какъ человеку подержанному мѣскимъ слабостямъ, которой для извѣщенія своей сироты нахвнналъ нѣсколько разныхъ слесъ изъ пратедій и изъ романовъ, и спелъ се нелѣпое извѣщеніе, въ которомъ нѣтъ ни складу, ни ладу; а это оимъ того, что любовь и на яву брѣдишь.

ГЛАВА IV.

ПОГОВЫЩЕЧЕИНОЙ СКОМОРОХЪ

Изъ саду шелъ я какъ въскрешенной Адонидъ и велъ мою Венеру за руку, копорая иногда порескакивала съ ноги на ногу, и шѣмъ похвывала, что она въ любви шюжесшвуешъ. Не досиавало шо въ Кунидонѣ, копорые бы подпвердили наше совокупленіе. Пришедъ въ го, ницу, думла мы ийти сожалѣніе во всѣхъ домашнихъ о обожженномъ красноглазоланелѣ; но онъ уже былъ отвезенъ въ свой домъ. А вмѣсно сожалѣній ишли мы превелчайшій смѣхъ, шолько не прежде началъ смѣшнелъ, какъ увѣдали о причинѣ онаго. Мы спросили у ключницы, копорая сидитъ спулѣ, умирала со смѣху что было бшнему причиню? Она привилась охотно намъ рассказывать, чтообъ шѣмъ болыше насладишѣся ей желаннымъ хохопомъ. Милкаженелъ, ешо уже многимъ доволно извѣстно, что нныя женщины безъ всякаго смѣшнаго приключенія шакія охотницъ хохопанъ, что на упро получающъ онъ того колонше. Чиншелъ должелъ быше здѣсь предувѣдомелъ, что за недѣлю времени передъ эшимъ привезли къ Полковни-

ку племянника, котораго называли Балабаномъ. Онъ обиталъ въ мѣснахъ просвѣщенныхъ, гдѣ люди съ великимъ прилѣжаніемъ копяшъ деньги и не знающъ сколько въ рублѣ копѣекъ. Сосѣди его были волки, медвѣди и зайцы; лучшее его поваричесиво борзья и гончія собаки, съ которыми онъ вмѣстѣ въ одной Академіи учился лаять, пилъ и ѣлъ и спалъ также съ ними вмѣстѣ. И такъ человекъ онъ поликаго сообщенія долженъ бытъ весьма разуменъ. Разумъ его и знаніе увидимъ мы изъ того описанія, которое ключница изговорила уже рассказывая.

Балабанъ, говорила она, зашелъ въ спальню къ своему дядѣ, въ которой никого тогда не было; онъ сѣлъ прошивъ кровати на стулѣ и размышлялъ о прежнемъ своемъ жилищѣ. Всѣ оного пріятности вдругъ представились передъ его понятіемъ; и такъ сидя стулъ восхищался онъ сладкимъ своимъ воображеніемъ. Когда же необычайная радость и восхищеніе овладѣли имъ, тогда представилась ему музыка къ совершенію его воспорага. Онъ великой былъ мастеръ играть на волынкѣ; учился у своего паспужа, и до гортланія охотникъ превеликой. Вдругъ захопѣлось ему возобновить свое иску-

Часть I

В

пиво; и такъ началъ онъ озираться всюды, не сыщешь ли гдѣ какого инструмента. Наконецъ увидѣлъ онъ на окнѣ кожаной мѣшокъ, у котораго сдѣлано было горло на подобіе бушылочнаго, и зашныкали его пробкою; въ немъ находился Испанской шабакъ. Глядя на него онъ подумалъ, что это надушая вольнка; а что она мала, по предсказывалось ему, что она горькая, и сдѣлана искусстве древесной. Подхвывая мѣшокъ съ великою радостію, началъ его надувать; однако вольнка толосу не давала. Музыкантъ не порочилъ инструмента, а порочилъ свое искусство; и такъ онъ часу болѣе силался ее надувать. Чѣмъ болѣе старался въ него дуть, тѣмъ болѣе мѣшокъ старался молчать. Наконецъ надувшись разорвался, и испулъ его обѣими руками: все, что ни было въ ономъ, вышло ему въ ропъ. Аленона и ключница на семъ мѣстѣ захохотали, и надобно имъ время, чтобъ они пересмѣялись: а мы, господи чинашеть, еще долго не услышимъ ключницыныхъ словъ и окончанія комедіи; и такъ согласимся и мы посмѣяться хотя не для себя, а въ угодиость жещинамъ, чтобъ не назвали насъ за это угрюмыми и незнающими обхожденія. Онъ поперхнулся, продолжала ключница; сверхъ

дого сухой шабакъ проскочилъ ему въ горло и оспацовилъ дыханіе, онѣ чего Балабацъ такъ спрусилъ, чпо шкнулся головою въ зеркало, прошивъ копорого онѣ сшоялѣ и смотрѣлѣ, приспало ли бышь ему музыканшомѣ, и шакъ онымѣ изрѣзалѣ себѣ лобѣ; подѣ зеркаломѣ стоялѣ споликѣ, на копоромѣ лежали письма и полная раковина чернилѣ, въ копорую онѣ врюшился носомѣ, и послѣ какѣ угорѣлой повалился на полѣ, и въ прибавокѣ къ тому задѣлѣ зашылкомѣ за сшуль. Тогда услышали мы дикой голосѣ, копорой шочно походилѣ на крикѣ умирающаго человекѣ; и шакъ никшо не смѣлѣ войши въ спальню, ибо мы думали, чпо уже и днемѣ мершвецѣ ходилѣ началѣ. Слово мершвецѣ вселило въ лице еѣ нѣсколько краски; я и сего безѣ примѣчанія не оспавилѣ. Попомѣ осмѣлилась я, продолжала она, войши прежде всѣхѣ, и признаюсь, чпо шакого смѣшнато позорища еще онѣ роду моего не видывала: человекѣ кашался по полу въ поповскомѣ полукафтанѣ, копорое, не знаю, гдѣ онѣ подцѣпилѣ; лице его замарано было кровью, шабакомѣ и чернилами наподобіе сѣраго лаку; по правой сшоронѣ лежалѣ мѣшокѣ сѣ прсыпаннымѣ шабакомѣ; по лѣвой раковина сѣ продолгими чернилами и пока-

лешной спуль. Трудно было намъ разо-
братъ, кто это шакоуъ; лица его не ви-
дно было и голосу мы не слышали, на-
конецъ разобрали мы, что это господина
нашего племянникъ; и шакуъ не много нруд-
ности спонло рѣшитьъ это дѣло. По-
слали пошчасъ за лѣкаремъ, конфорой и пе-
перъ еѣ спальнѣ. Извольше шуда войны,
шакуъ вы увидише все сами.

Мы ни мало не мешкая вошли еѣ
спальню и увидѣли нововыпеченнаго музы-
канца, сидящаго на спуль; на головѣ его
не было уже ни одного волоса, и были
они подчесаны бринною. Лешющійся за-
мылокъ, лобъ и шѣмя предспавилосъ мнѣ
земнымъ шаромъ, а племянникъ Полковни-
коуъ Анланшомъ, конфорой небо на плечахъ
держншъ; продолгованная ошъ спеколъ ра-
ны показались мнѣ земными поясами; а
глазъ, носъ и губъ увидѣшь я не моуъ,
по шому что лѣкаръ обмывалъ ихъ водою.
Недобно сказашъ правду, когда Полковникъ
сжалѣлъ о Балабанѣ и извинялъ дураче-
ство его робячеспвомъ (ибо онъ былъ еще
робенокъ и имѣлъ ошъ роду шолько дван-
цать шри года), тогда я внушренно смѣ-
лся и дѣйсшвенельно бы вслухъ захохо-
телъ, ежели бы не вышелъ воуъ.

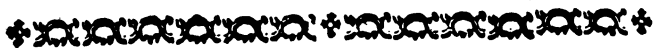
Солнце уже начинало дремать; кони его гораздо выбились из сил и захохотали кунашь: тогда и у нас в домъ приказали накрывать на столъ. Когда носивали кунашь, то привели также за столъ пѣшиваго скомороха, и чинобъ почили боднаго, дали ему первое мѣсто. Голова у него была ни чѣмъ не покрыта и не обвязана, по тому что дѣкаръ сказалъ, что безъ всякихъ плашнырей скорѣе ее заволочешь. И такъ бѣли мы всѣ по обыкновению голодныхъ людей, и ушолыли въ желудкахъ нашихъ легкой голодъ. Въ срединѣ нашей ужины не преминуло сдѣлаться маленькое приключеніе. Ученая сорока, конская сидѣла тогда на пославѣ и лежала всегда по волѣ, сморѣла на насъ, какъ мы сидѣли; всѣ наши головы не показались ей инаковыми, какъ головами человеческими, а пѣшивая голова представилась ей кочкою, или такимъ мѣстомъ, на которое она можетъ сѣсть, чинобъ бытъ ей къ намъ поближе. И мало не думая, взлѣзла она къ пѣшивому на голову, и покаместъ не успѣли ее согнать, долбила его раза два при очень исправно въ глупую сторону пѣшиваго его разума. Спрадалецъ закричалъ, и крикъ его сдѣлалъ то, что смѣху моего не слышали; только былъ я расхохотался

договорю по деревенски. Потомъ израссипую чучелу поцелу на поспелю, и мы кончили нашъ ужинъ сожалѣніемъ объ ономъ.

Послѣ сна госпожа Алелона пошла въ свою спальню, и съ позволенія отца своего просила и меня туда же. Чинобъ согласишься на ея прозѣбу, совѣмъ не было во мнѣ никакого упорства. Пришедъ въ опочивальню, выдумала она неподозрипельные способы выслать дѣвокъ воиъ, конорья поичасъ насъ и оснавили. Мы подарили другъ другу нѣсколько поцѣлуевъ, кои уже давно изгониовили отъ пламенныхъ нашихъ сердецъ. Потомъ къ неописанному моему удовольствію и къ превеликой радости, приказала она мнѣ раздѣвать себя. Разшуровывая верхнее ея платье, коснулся я шрепещущюю и грѣшную мою рукою до услажденія нашей жизни, чиню у женщинъ объ вообще называюпся грудью; и пуиъ узналъ дѣйствительнo, чиню женщины для муцины элекшрическая машина. Я вздрогнулъ и бросился морозъ по всему моему шѣлу; и когдабъ не снoлько крѣпка была на мнѣ кожа, по кровь бы моя выскочила вся на волю, подобно какъ въ рѣдкое решето. Алелона ударила меня по рукѣ. Ударъ сей не произвелъ во мнѣ никакой боли, а пуще волиеніе въ клокочущей моей крови.

Признаюсь, что ежели бы завидливой соперникъ заспалъ насъ въ такомъ случаѣ, то думаю не преминулъ бы пощекотать меня своею шпагою. Я былъ на верху моего благополучія; будучи на ономъ, не могъ почти вмѣстивъ въ себя этой радости, мѣлъ, лишался всѣхъ чувствъ, и наконецъ ослабѣли мои члены и сдѣлался я недвижимъ. Тутъ вспомнилъ я слова нововыпеченнаго сочинителя: любовь вкуса и всегда въ ней новые присмаки, которые производятся оиъ элекпризаціи и оиъ капишулаціи.

Послѣ чего Алсониѣ не хотѣлось со мною разстаться до ихъ поръ, покаместъ она уснетъ; и шакъ просила меня, чпобы я сказалъ ей сказку. Она была шакъ до нихъ охотница, чпо другой подобной ей я не знаю. Я хотѣлъ ей оною служить съ охотою, шолько извинялся, чпо вдрутъ хорошей повѣсти вздумать не могу: однако она зная дѣйствительно, чпо я въ нихъ искусенъ, просила меня неопсупно; а я, какъ будио бы предвидѣлъ плачевную судьбину, не спалъ ей рассказывать хорошей и длинной испоріи, желая употребить оную въ свое время, чпо дѣйствительно и сдѣлалъ. И шакъ началъ рассказывать ей сіе приключеніе, которое означаенъ пятая глава моей книги.

ГЛАВА V.

ПОВѢСТЬ,

ВЪ ЧУЖОМЪ ШИРУ ПОХМѢЛЪЕ.

Попалъ и Милозоръ, неубогіе нашей Имперіи дворяне, великіе между собою друзья и довольно погороду знапные люди. Милозоръ былъ холснъ, а другъ его женнъ. Хошя и сомнишельно, чшобъ между шакими людьми могло бышь сохраняемо дружесшво, однако они довольно спарались умножашъ его и почишали за удовольсшвіе бышь вѣрными друзьями. Ревнсснъ къ женѣ Попала не запрещала Милозору бышь всякой день въ его домѣ и обходишья свободно съ его супругою, кошорая называлась Прекраса. Попалъ, положась на дружесшво своего прѣшеля, ни мало не сомнѣвался въ его честности. Напрошнвъ шого и Милозоръ хранилъ ее шолько, сколько добродѣшельной и разумной человекѣ сохранишь ее можешъ. Онъ не шолько сдѣлалъ, но и подумалъ не хощѣлъ, чшобъ опорочншь брачное ложе своего друга, и присшавншь ему рога, хошя и имѣлъ

въ себѣ довольно достоинства, чтобѣ по-колебать вѣрность его супруги, для того чина въ нынѣшнія времена многихъ пошюанныхъ женъ добродѣтель и вѣрность и безъ вѣира шащающа. Однако Милозорѣ не хотѣлъ этого и слышать.

А какъ извѣстно, что въ древнія времена черни были великіе смѣлаки и непосредственные нахалы, по нѣкѣпо изъ оныхъ для разгулки замѣшался въ сѣдѣло, началъ дурно и кончилъ нехорошо, что покажетъ и послѣдованіе.

У Попада въ домѣ жила крѣпостная его дѣвка; она была весьма знакома Ладѣ, копорая дарила се всякой день новыми предесьями для влюбившагося Милозора, копората сердце раздроблено было спрѣдами сей красавицы. Впрочемъ, не обижая Прекрасу, имѣла она съ ней равную красоту. Милозорѣ всякой день спарался подкупить сѣю красошку, склонялъ ее деньгами, обѣщавъ выпросить ей свободу, и словомъ, поднимался на всякія мудросни, однако ничто ему не удавалось. Наконецъ, когда увидѣлъ онъ, что все его происки и хищросни нищрасны, тогда предпріалъ объявить объ

эномъ Попалу, котораго дружество, надѣялся онъ, учинишь ему помощь. Въ эномъ онъ и не обманулся. Попалъ обѣщавъ ему сдѣлать сѣю услугу; а что она порочна, то они оба знали, да думаю и сочинилъ объ эномъ вѣденье, только не знаешь, какъ применишь ее чинилъ; ежели онъ великодушень, то конечно просишь слабость сѣю двумъ молодымъ друзьямъ. Начали они совѣтовать такимъ образомъ: Попалъ говорилъ своему другу, слушай Милозоръ, я приношусь въ нее влюбленнымъ, и нашу склоняешь ее ласкою; а ежели она не склонится, то употреблю въ сѣмъ случаѣ господскую власть и принужу ее силою. Сего дня ночью въ двенадцатомъ часу прикажу ей прийти въ садъ въ шумную бесѣдку, въ конторой, какъ ты знаешь, и днемъ никого почти не видишь, не только ночью; и такъ ты вмѣсто меня можешь пользоваться энимъ случаемъ. Выдумка была похвалена съ обѣихъ сторонъ, и Милозоръ высылалъ благодарности своему прѣшнему съ излиткомъ. Я только обрадованъ, говорилъ онъ ему будучи въ восхищеніи, какъ будто бы уже все дѣйствительно получилъ. Поѣзжай домой, онъ вѣчалъ ему Попалъ, чтобъ лучше избѣжать подозрѣнія, и

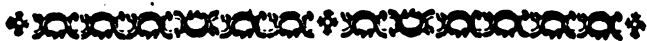
въ назначенное время явились къ одержанію побѣды. Пономѣ они разсудились. Попадь ни мало не меншая началъ предпріятіе свое производить въ дѣйствио, въ чемъ ему очень легко и удалось. Успрашенна прелеснища обѣщала ему все по его волѣ исполнить.

Когда начала приближаться ночь къ нашему зениту, тогда расплаканная дѣвушка пришла къ госпожѣ Прекрасѣ и объявила ей происхожденіе свое подробно. Сколько ни великъ былъ страхъ, однако сожалѣніе было въ ней больше, чѣмъ боязнь потерять свою честь. А правда, или нѣтъ, что она такъ много сожалѣла о своемъ цѣломудріи, того я и самъ не знаю. Кажется мнѣ, что всякая глупая дѣвушка охотно согласится поамуриться въ темной бесѣдкѣ, гдѣ никакого стыда на лицѣ примѣнить не можно; впрочемъ я того не утверждаю, и осмѣляю шолковать шѣмъ людямъ, которые меня гораздо поосноютѣе. Прекраса, услышавъ сіе, пришла въ прегеликое огорченіе; бѣшенство овладѣло ея сердцемъ, и наполнило ее ненавистію къ мужу: вошъ этому повѣрши должно бѣзъ всякихъ отговорокъ, по шому что ревность все въ сосноятіи сдѣлать изъ женщины. При-

шедъ опять въ прежнее чувство, благодарила она свою дѣвку оцѣ искренняго сердца, и обѣщала ей награжденіе, а мужу вознамѣрилась мстить за его невѣрность. И такъ приказала она мнимой своей совѣсницѣ куда - нибудь на время спрятаться; а сама пошла на назначенное свиданіе и мало не сомнѣвалась, чтобъ кто-нибудь другой туда пришелъ, выключая ея мужа. И такимъ образомъ будучи въ сихъ мысляхъ, пришла туда, и подождавъ малое время услышала, что подходитъ къ ней человекъ, который не хотѣлъ ей сказать ни одного слова за нѣмъ, чтобы его не узнали, а Прекраса также. И такимъ побытомъ Милосердъ не мешкая ни мало исполнилъ то, за чѣмъ пришелъ. Послѣ взявшись оба за руки, пошли вонъ изъ ихъ соборища, въ которое заведъ ихъ сонной Купидонъ. Въ превеликой шли оба радости; одинъ думалъ окрышишь свою счастіе своей красавицѣ, а другая хотѣла укорять своего мужа невѣрностью. Ночь была довольно свѣтла, и безъ всякой осцановки можно было имъ себя разглядѣть. Какъ скоро они вышли на свѣтъ, по взглянувъ другъ на друга ахнули и оцполбенѣли; апыдъ замѣшался между ими и сдѣлалъ ихъ неподвижными. Пономъ Прекраса

вскорѣ увидѣла своего мужа, а Милозорѣ своего друга, конорой провѣдавъ все онѣ двѣвки, бѣжалъ предупредить печальное свое несчастіе. Какъ скоро онѣ къ нимъ подбѣжалъ, шѣ оба они сѣлали передъ нимъ на колѣни, и какъ возможно лучше извинялись въ своемъ погрѣшеніи. Выслушавъ ихъ, бѣдной рогоносцѣ бросился и самъ передъ ними на колѣни, и просилъ у жены своей прощенья. Всѣ были правы и всѣ виноваты; Прекраса и Милозорѣ осмались въ выигрышѣ, а Попалъ, жедая услужить другу, проигралъ свое собственное, и сказалъ: бышь шакъ, грѣхъ да бѣда на ково не живешъ. Впрочемъ дружесшво ихъ сею сѣалкою не кончилось: хощя они сдѣлались свояками, однако друзьями умерли.

ГЛАВА VI. 4

ОБЪЯВЛЯЕТЬ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ
ПОПАДАЮТСЯ МЕРТВЕЦЫ БЪ ЗА-
ПАДНЮ.

Окончавъ мою повѣсь, усмопрѣль я, что красавица моя уже уснула, и была въ самомъ сладкомъ снѣ; прекрасной ея снѣ въ весьма прекрасномъ былъ положеніи; правая рука лежала у меня на колѣняхъ, а лѣвая созволила окружить ея голову. Пріятель мой Морфей въ угодность мою раскрылъ ея груди, копорыя съ великою и; чинностию подымались и опускались, и привлекли къ себѣ мои глаза; тонкое покрывало и проницашельной мой взоръ въ часъ ея шѣла предстали мнѣ опкрытыми; веселіе мое, ея прелесть, горячая моя кровь и естественное побужденіе что во мнѣ произвели, того описанъ я не въ силахъ, и прощу извиненія у читателя: ибо я не сколько въ шайнахъ сихъ искусенъ, какъ человекъ женатой, и при семъ долженъ опасаться, чтобы женщины не назвали меня нескромнымъ, и не лишили бы шой малости, копорою я нынѣ имѣю честь пользоваться.

Признаюсь, что я еще не довольно насыпил мое зрѣніе, какъ необходимо принудила меня осматривать мою предешницу. Вынулъ часы, и уже двенадцатой часъ докладывалъ мнѣ, что время отсюда убираешься. Вспавши поцѣловалъ я мою Афродиту, а сколько разъ, того я и самъ не помню, для того, что не было со мною записной книжки; да сверхъ того не было мнѣ нужды и записывать ихъ. И такъ вышелъ я изъ шой спальни, которая была услажденіемъ всѣхъ моихъ чувствъ и членовъ.

Сколько любовь моя ни была велика, однако не меньше ее было и любопытство. Какъ скоро я осматривалъ мою любовницу, такъ и вздумалъ о ночномъ волокинѣ. Прежде я мало боялся мершесцовъ, а въ это время и не думалъ ихъ опасаться, только шрусилъ маленько, чтобъ не попревожилъ онъ меня какимъ-нибудь острымъ желѣзомъ, или свинцовымъ шарикомъ; однако ничто не удержало моей отваги. Въ семъ случаѣ сдѣлался я воинъ и плашю и духомъ. Момъ, которой мнѣ те въ дальнемъ колѣнѣ родилъ, присутствовалъ въ сіе время ко мнѣ, и наудалъ меня осмѣхавъ люд-

скіе пороги, и такъ вознамѣрился я оказашь мое прѣворство, и послѣ посмѣявшись господину мершвецу, его любовнику, да и всѣмъ шѣмъ, копорые мершвецовъ боялся. Бросился я поспѣшнѣе къ погребу, и увидѣлъ онъверстыя двери Ладина храма, въ копоромъ приносили прежде жерщву Усладу, шакъ какъ они всегда обыкновеніе имѣли. Усердіе къ пьяншвенному болвану и счаснѣе Полковникова вина сдѣлали мершвеца пьянымъ, и онъ началъ колобродить шакъ, какъ обыкновенно колобродящѣе пьяницы во плоти. Тогда посыпались у него веселыя шушки, замысловатыя выдумки, копорыя производящѣе хмѣль; оной поднялъ бѣлаго щеголя, и началъ водить по погребу. Я прижался въ самой уголъ, и снюялъ счень тихо; пошомъ слышно мнѣ сшало, что онъ полѣзъ въ ларь, копорой шупѣ снюялъ, и копорой въ шо время былъ пуснѣе, куда пригласилъ и свою спущницу, копорая съ помощію его шакже въ оной влѣзла. Они скоро замолчали, а что дѣлали, шо чинашеть и безъ меня угаданы можешѣе. Я подкрался къ нимъ на цыпочкахъ, и опушилъ у ларя крыш-

ку, положилъ цѣпь на пробой и засунулъ желѣзнымъ гвоздикомъ, которой и висѣлъ на веревочкѣ у пробоя. Мнѣ показалось удивительно, что они не испужались; и думаю, что имъ предъ-видѣлось, будто бы крышка сама ушла, и были они, какъ думаю, въ шой надеждѣ, что опять ошворить ее могутъ. Я погребѣ заперѣ замкомъ и ключъ взялъ съ собою, и ошходя примолвилъ: опочивай до утра любезная чеша, и наслаждайся всякими увеселеніями, какія ты можешь сыскать въ крѣпкомъ ларѣ, и сверхъ того въ окованномъ желѣзомъ.

Тогда уже былъ второй часъ по полуночи. Богиня мрака спускалась уже къ горизонту, а я опускался на мою постель, и ложась на оную размышлялъ, какъ легко можно препроводить ночь безъ сна, и хвалилъ бдящихъ нашихъ согражданъ, коихъ я насчиталъ четыре рода. Первой изъ нихъ несмысленные ремешворцы; второй глупые любовники; третій искусные каршежники; четвертой проворные воры. Первые не спящъ для того, что подающъ Музамъ нужную посуду, и споя подлѣ ихъ кровати, слу-

Часть I.

Г

щающъ, какъ они во снѣ брѣднѣ, и опѣ
 много сочиненія ихъ называюща брѣдни.
 Выпорые сидящъ въ переднихъ у кокетокъ
 (*), и всякой спаряется изъ нихъ, и побѣ
 вряде всѣхъ войши въ ея спальню, когда
 она проснешся; и зношъ употребленія
 на цѣлой день вмѣсто скорохода. Трешки
 всегда въ это время въ классахъ (**), гдѣ
 слушающъ науку бытъ снѣспливымъ,
 хоша послѣ оснѣюща въ безъ кафитновѣ.

(*) Кокетка. Многіе скъзываютъ, что имя сіе
 родя ея въ Парижѣ, и опѣтуда имѣетъ свое
 начало; однако прежнее седмъ чудъ родя
 лись не въ Европѣ, то и сіе осьмое мнѣ ка
 жется оцѣ ихъ же начала должно произой
 ти. Сіе нѣжное живописное подбѣе ршупи;
 сердце ея усоподобляется иногда термометру;
 оно въ мигъ загарается и просыпается,
 смотря по погодѣ, или по величинѣ пожит
 ковѣ. Въ ней никъ кѣя не родятся страсти,
 а воснѣзамѣняюща прихоти. Она себѣ ничего
 не желаетъ; но думаетъ, что весь свѣтъ
 сдѣланъ для неѣ; желанія ея по землѣ не
 ходятъ, а бродятъ по тѣловамъ глупыхъ
 воздыхателей. Они ея подножатъ и служи еѣ
 принукамъ. И такъ свѣтъ имѣетъ уже те
 перь въ себѣ восемъ чудъ. Должно, чтобы
 оцѣ уведоженъ былъ и еще о двухъ, одна
 ко сто покъзано будещъ въ своемъ мѣстѣ.

(**) Классъ слово не Руское, а по нашему, у
 чилище, порядокъ, строй. Я не толкую
 здѣсь объ немъ, боже, чтобы не позволяе

Четвертые во время ночи, принимаютъ на себя должность переводчиковъ, и переводяиъ чужие пожитки въ свои дома; и послѣ бѣвъ переделку продаюиъ ихъ на рынкѣ за сходную цѣну. И сжали бы я былъ въ числѣ послѣднихъ, то конечно покманную мною пару птицъ опнесъ бы ноутру въ охотной рядъ.

Признаніе погрѣшенія половинна исправленія. Я былъ въ превеличайшемъ воспоргѣ, такъ что мнѣ и спать не хотѣлось. Несчастіе ключницы и мертвецъ не приводило меня въ жалость, и я хохоталъ, когда воображалъ, что если у меня два чудныя животины, которыя вмѣсто кашки запершы въ ларѣ; двѣ одушевленныя швари, сидяиъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде всыпанъ былъ це одушевленной овесъ; словомъ, я сколько былъ радъ, какъ иъ которой сочини-тель, которой обѣлся и опился въ радости, когда сшиграли на театрѣ пре-шнечиную его комедію.

Г 2

меня въ диспутѣ; я человекъ не занаячивой, и такъ оясны мнѣ строгіе спорщики, которые забездѣлицу поставашъ подумяиить мнѣ лъвую шку.

Однако радость моя не столько сильна, сколько сиденъ сонъ, кошорой уже начинаешъ прикрывашъ меня своими крыльями. И иакъ, господиъ читашель, ты уже не услышишь моихъ словъ до седьмой главы моей книги, по шому что я во снѣ ни съ кѣмъ не говорю. Желая тебѣ покойной ночи. . . Прощай, я уже уснулъ.

ГЛАВА VII.

ПРЕВРАЩЕНІЕ МЕРТВЕЦА ВЪ МОНАХА.

Спражъ Ериманѣйской медвѣдицы уже спустился въ Океанъ, и созвѣздемъ своимъ возмутилъ морскія воды; бдящая варница восшаъ съ багрянаго Тришонова одра на свѣшляющемся восшокѣ опверзла свой храмъ ишпенуренной и услаиной розами; Тифія ошяла свои запоры и ошкрыла пушь въ просширанное небо солнцу, кошорому предшешивовалъ Луциферъ и гналъ впередъ собою снадами звѣзды; проснулися Зефиры и мягкими своими уснами цѣловали цвѣшны расшущіе въ долинахъ, и пріявъ благовоніе изъ твои рамена, разошляли оное по вселен-

ной, или шамъ, гдѣ прѣлипности обитали природы. Великій Аполлонъ облечись въ свѣтлозарную порфиру, пожаловалъ ко миѣ въ спальню, кошорому послѣдовали первой и второй часъ дня, кои подошедъ ко миѣ подняли меня за руки и поздравивъ меня съ добрымъ утромъ, ошправились въ свой нушь. И шамъ по баснословно просмулся я весьма великолѣпно, а въ самомъ дѣлѣ разсинался съ посшелею по домашнему.

Какъ скоро я ошкрылъ свои глаза, то шошчасъ хваншася ключа, кошорымъ вчерашняго дня заперъ погребу, за кошорымъ хранилося усопшее и живое шѣло въ ларѣ, нашелъ его въ добромъ здоровѣ. Шошомъ одѣвшисъ очень посшшнно, побѣжалъ къ Аленонѣ и расказалъ ей сіе приключеніе подробно; чему она не вѣрила и вѣршишь не хощала, однако увѣрилася дѣйствительше, когда я повелъ хозяина и всѣхъ домашнихъ, чшобъ показашъ имъ оное чудо. Я былъ перобкой полководецу въ шрусливомъ моемъ вончешѣ; всѣкой съ ш; енешомъ миѣ послѣдовалъ, и думали всѣ, что я хечу подъ ними поднушисъ. Когда я

оперъ побрелъ; тогда хозяинъ съблалъ
 со мною уговоръ; и чтобъ прежде ихъ не
 оппиралъ, покамъ всѣмъ не услышанъ ихъ
 голоса. Я на то охотно согласился, по-
 дошедъ къ ларю, закричалъ Полковникъ
 мужественнымъ, однако дробящимъ ономъ
 опраха голосомъ; кинъ сидишь въ мѣмъ
 ларь? Я, милосливой государь, опрѣ-
 чала ключника; Я попался по грѣхамъ
 моимъ въ сіе злѣочеіііе. А кинъ еще съ
 побою? опрашивалъ оиъ же. Тоиъ моритъ
 вещь, опвѣтспвова ла заключенная, ко-
 порой всякую нбуи обезпокоивалъ вашъ
 домъ: мы виноваты и просимъ насъ по
 милости. Тутъ всѣ ушнхн; чинъ зинд
 не шушка. Полковникъ поблдилъ, все
 оиъ страхъ и закричалъ своимъ людемъ:
 бѣгине поскорѣ въ похицію и пошлѣсь
 приведите сюда рѣшу солдатъ и вели-
 тие у нашего прехода бицы въ набавъ.
 Я принялся говоришь и предснвлалъ
 Полковнику, что это напрасно, и что
 мы можемъ все окончатъ келейно; и
 послѣ разобравъ все дѣло, ежели надобъ
 во будешь, можемъ и обнародванъ. Хо-
 зяинъ на сіе согласился, и велѣлъ слу-
 гамъ своимъ снпашъ иругомъ, а самъ
 сшалъ въ серединѣ ихъ, приговаривад

поцѣспу : не робѣйте робѣти? Пошомъ приказано было мнѣ отпереть дверь, что я тотчасъ и учинилъ. Когда я поднялъ крышку, увидѣли мы на нихъ плашки ковъ сшолщихъ. Я началъ помогать вылезти ключницѣ, а мершвецъ выскочилъ и самъ. Оба виноватые хотѣли броситься къ ногамъ Полковника, конторой подумалъ, что мершвецъ задвинуть его хочеть, закричалъ изо всей силы. Я подбѣжалъ къ нему и предсказывалъ, что опасаться ему ничего, а мершвецъ хочеть просить у него прощенія. Пускай же онъ одѣнется въ другое платье, ошвышенивалъ заслуженной воннѣ, шкъ и я дозволю ему ко мнѣ приближиться. По храброму шоль приказу пошчасъ перерядили покойника въ живаго человека и пошди все въ комнаты. Тушъ мы узнали о кончинѣ нашей хозяйки; она уже не сердилась и не кричала, когда смывали съ нея бѣлды и румяны, и ни мало не ворчала на шѣ, что одѣли ее не по модѣ.

Въ скоромъ времени изготовили красной гробъ и назвали премножесшво пологъ. Погребеніе было самое плачевное: Когда повезли усопшую въ церъву, мог-

да два служителя вели Полковника подъ руки, для того чѣшобѣ не повалился онѣ въ грязь; жалоснѣ и выпншая имѣ пошпру для ушоленѣя печали водка обременили его гораздо, и онѣ со всеѣмѣ забылѣ, чшо надобно было плакати. Госпожа Алена не въ шакихѣ уже лѣшахѣ, чшобѣ плакати ей о своей матери, и опяшѣ не шакого поколѣнѣя, чшобѣ вышѣ ей голосомѣ; эшо одной подлосни прилично, и шакиѣ ѣхала со мною въ каретѣ и пересмѣхала всеѣхѣ, кшо намѣ ни попадался. Въ церкви сѣ разнымѣ усердѣемѣ и разными голосами завывали сшарухи, и кошорая надѣялась получишѣ великую онѣ Полковника милоснѣ, ша приходила къ гробу и колошила голову обѣ оной, поглядывая на него по часту, примѣчаешѣ ли шо ея благодѣтель. Другая рвалась въ углу и посылала свою внуку сказати Полковнику, чшо бабушка ея умираешѣ сѣ печали. Иная напирала глаза свои лукомѣ и подходила къ нему просишѣ милоснѣи. Щеголи, кошорые хошѣли побѣдати на похоронахѣ, бросали въ глаза шабакѣ и плакали довольно исправно, по шому чшо онѣ шабаку не шолько плакати,

да и ослѣпнуишь скоро можно. Когда поспавили гробъ въ землю и ея же засыпали, тогда съ болвшимъ усердіемъ поспѣшали всѣ къ сполу. До половины обѣда слышны были рѣчи о покойницѣ, а послѣ вино помрачило ее у всякаго въ памяши, и всякой началъ колобродить. Сверхъ всего этого шолъ, которой носилъ на себѣ шапое имя, которое совсѣмъ не позволяло пить ему вина, зашягивалъ уже и пѣсни. Вскорѣ переснаши сожалѣнь обѣ ней, для чего было я на другой день изгоповился сказать надгробную рѣчь, или нравоучительную проповѣдь, однако или для того я ее не сказывалъ, что не умѣлъ (*), или для той причины, что Полковникъ кликнулъ меня къ себѣ въ спальню и приказалъ привесити съ собою и новаго госня. Когда мы съ нимъ пришли, то приказалъ онъ спальню запереть, и такъ были мы шушь шрое. Винованой валялся до шѣхъ поръ у него

Г 5

(*) Я признаюсь въ мсемъ незнаніи; почему видно, что я человекъ чистосердечной. Кто пьетъ не блѣдитъ, а лжетъ не краснѣетъ, тотъ прямо человекъ свѣтскій, а я не изъ числа тѣхъ.

въ нотахъ, пѣкнѣсьнѣ Полковникъ про-
спиаъ ему вину его великодушнѣ. Тогда
я прямѣшилъ; что радость овладѣ-
ла нашимъ невольникомъ, и онъ уже
болѣе не опасался своей участи. Языкъ
его былъ очень поворопливъ и разумъ до-
вольно вершляной. Началъ онъ извиняиъ
послупокъ свой такими доказательст-
вами, которыхъ опровержить было не воз-
можно; и вина словами его такъ ума-
лялась, что начинали мы находить въ
спрашномъ смертномъ прислужника Мо-
моя. Все, что онъ ни говорилъ, было
замысловащо и беспрѣ. Когда мы съче-
вертъ часа съ нимъ поговорили, тогда
уже началъ онъ и шушить, хощя совѣсны
представляла ему, что сдѣлалъ онъ дур-
ное дѣло, но прощенье его вины заспа-
вляло оную молчанье. Скажи мнѣ, гово-
рилъ Полковникъ, смотря на него сннз-
ходительнымъ и веселымъ видомъ, кнѣ-
ты таковъ? Я монахъ, отвѣтствовалъ
онъ, обншелн Сяннго Вавилы. Я под-
верженъ ирскимъ слабостямъ и досто-
йиъ всякаго наказанн; однако есплал
вы примете трудъ выслушанн мое по-
хожденн, шо можетъ бышь извиннше
меня въ оныхъ. Принужденн прнннпъ сей

Оубо производилъ во мнѣ отчаяніе и дѣла
 хаетъ меня неспособнымъ послѣдовать
 моея должности. Я иногда забываю самъ
 себя и въ ономъ забвеніи предпринимаю
 дѣла противныя чести и мнѣ самому.
 Чюжъ касаетъ до почианія истиннаго
 моего Бога, то я во грѣхахъ моихъ имѣю
 всегда къ нему приближеніе и прошу оубо
 сокрушеннаго сердца, чюбъ избавиши
 мнѣ оубо сего чина, кошораго сносишь,
 по совѣсти скажешь, силъ моихъ не до-
 стигаешь, и всякая погрѣшность укоряетъ
 мою совѣсть и увеличиваетъ себя въ мо-
 ей прискорбности. Никю извиняешь ме-
 ня не хочешь, и представляешь, чю я
 монахъ; молодые мои лѣта и не созрѣ-
 лой еще разумъ не желаютъ посвященію
 себя уединенію. Я со всею бы моею охо-
 шою искалъ небснаго вѣнца монашес-
 кимъ чиномъ, но мірскія прелести уда-
 ляютъ меня оубо онаго: я человекъ, и
 слѣдственно подверженъ всеѣмъ чело-
 ческимъ слабостямъ, копорыя иногда и
 прошишь воли нашей владѣютъ нами.

Выслушавъ его слова, вселилось въ
 насъ желаніе услышати и его повѣсть,
 въ которой мы надѣялись дозволено чу-

десѣ найши, ободряли его сколько намѣ возможно было, и просили, чшобѣ началѣ онѣ свое повѣсшвованіе; и когда онѣ увидѣлѣ, чшо мы больше ему не неприятели, чшогда довольно ласковыми словами попросилѣ шенлаго чаю сѣ горячесю водкою, чшобѣ нагрѣшь свое сердце, кошорое онѣ спыда и онѣ спраха находилосѣ вѣ великомѣ холодѣ. Когда удовольсшвованіѣ былѣ онѣ по его прозьбѣ, шно не шолько разогрѣлѣ имѣ свое сердце, но, какѣ намѣ казалосѣ, разогрѣлѣ и свой разумѣ, и началѣ говорить шакимѣ образомѣ:

ГЛАВА VIII.

НАЧАЛО МОНАХОВЫХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

Я родилсѣ шакѣ, какѣ всѣ люди посредсшвеннаго сосшояніѣ и воспитаніѣ рачишельно моими родишесѣями. На пятнацѣашомѣ году смершь ошнѣяла у меня ошца и машь, о кошорыхѣ я довольно исправно плакалѣ, шолько оживишь уже ихѣ не могѣ. Браніѣ ошца мо-

его, а мой родной дядя, взялъ меня къ себѣ въ домъ и все послѣ родителей моихъ осмѣившееся имѣніе. Онъ позволялъ мнѣ называться своимъ племянникомъ мѣсяца съ чешыре, и сажалъ съ собою за столъ; наконецъ опредѣлилъ меня въ должностъ легонькаго кофшечка, и я нагрѣвалъ поущиру и послѣ обѣда чайникъ, а во время стола стоялъ за шуломъ съ тарелкою, и не слыхалъ уже никогда, чшобъ назвалъ онъ меня племянникомъ, а всегда кликалъ уменьшительнымъ именемъ; ибо онъ разбогатѣлъ сколько онъ моего имѣнія, сколько и онъ доходовъ женниныхъ. Она была великая масшерница держашъ прибыточное домоспроишельство и мужа въ своей власши. Но несчастію моему не показался я моей шепкѣ, и она меня возненавидѣла. Вскорѣ пошомъ осмѣивленъ я былъ и онъ этой должности за негодностію и опредѣленъ на поварню, гдѣ за неискусство мое случилось иногда, чшо меня ш шузили. И шакъ въ такомъ черномъ чинѣ и въ замаранной одеждѣ препроводилъ я цѣлые полгода, въ которое время мучился и плакалъ довольно, ходилъ къ родителемъ моимъ на могилы и обмывалъ поверхнос-

ши, ихъ слезами; однако они уже были нечувствительны и бѣдоснѣ моя ихъ не протрала. Наконецъ горестное мое состояніе принудило меня убѣжать ошъ шакого безчеловѣчнаго со мною поспупка. Опдался я во власнѣ моего несчастія и оставилъ домъ моего дяди. Замешкавшись въ городѣ совсѣмъ, мнѣ было не надобно; и шакъ выступивъ я на чистое и проспанное поле, сдѣлался гражданиномъ міра и обипашелемъ земнаго круга. Одежда моя предшавляла меня или исправнымъ неряхою, или безпечнымъ философомъ; ноги мои выступали попроворнѣ обыкновеннаго, и я до обѣда ошмѣрялъ ими прищанъ пять верспѣ, шакже и послѣ онаго не много меньше. Засшигла меня въ большомъ лѣсу ночь, и принудила лечь между деревьями на шравѣ, гдѣ я шакъ хорошо уснулъ, какъ будто бы на мягкой перинѣ. Въ полночь или далѣе изѣхали человекъ дващанъ верьхами: шумъ ихъ разбудилъ меня прежде, нежели я ихъ увидѣлъ. Подѣхавъ ко мнѣ спали они у меня спрашивашъ, кто я шакое? Смушенной мой ошвѣшъ и рбоснѣ моя проивели въ нихъ подозрѣніе, и они какъ

будто бы знали, тошчасъ и угадали,
 по я блѣдѣ. Поціомъ приказали одно-
 му ворошиться и взять меня съ собою.
 Провожаймой мой поцезъ меня не по до-
 рогѣ, а горами и бусраками; наконецъ
 обратились мы въ дремучій лѣсъ, гдѣ
 насъ окликали двое часовыхъ въ сму-
 рыхъ кафианахъ, въ триповыхъ мали-
 новыхъ шапкахъ, съ сумами и съ ружьями.
 Первую заставу мы проѣхали безъ вся-
 кой размолвки, такимъ образомъ и дру-
 гую. Напоследокъ вѣхали въ самую се-
 редину онаго лѣсу: туль увидѣлъ я
 значительную площадь, на которой по-
 строены были преизрядныя хоромы и
 все принадлежащее къ хорошему дому.
 Передъ крыльцомъ спояла сиража; и
 если бы часовые были не въ смурыхъ
 кафианахъ, по коначию показался бы
 мнѣ видѣнъ домъ домомъ фельдмаршала,
 или по Руски военачальника. Привели
 меня въ крзальню и оселили до унрты
 Тушъ и некоторые играли въ кршны; а
 другіе на нихъ смотрѣли, и какъ я при-
 мѣшалъ, то бѣзъ мнѣ не должно было
 сѣсть цѣлую ночь. Разумные ихъ разго-
 воры и учивыя обхожденія, въ которыхъ
 задосши, мжаккой, на видно было, сдѣ-

азли во мнѣ то , что я пересталъ опасаться этихъ людей, хотя и зналъ дѣйствительно, что они называются разбойниками. Поутру, какъ скоро разсвѣло, то доложено было обо мнѣ ихъ начальнику, котораго называли они ашаманомъ: онъ приказалъ меня предсавить предъ себя. Вошедъ въ его горницу не мало дивился я убранству оной: она была убрана цвѣтнымъ штофомъ въ золотыхъ рамахъ; большія зеркала и картины знашихъ масшеровъ дѣлали въ ней большее великолѣпие , и она представлялась мнѣ икошорымъ родомъ знашихъ домовъ , которыхъ и въ городѣ бываешъ очень мало.

Ашаманъ лежалъ тогда на постелѣ и курилъ пабакъ; взглянувъ на меня видомъ разбойника неизвѣстнымъ, усмѣхнулся , видя меня въ моемъ приборѣ, и спрашивалъ, что ты за чудо? Я рассказалъ ему все мои общияшельства , и послѣ просилъ о призрѣннн ; ибо я уже видѣлъ, что я въ его рукахъ. Краснофочіе, которое употребилъ я въ семъ случаѣ, послужило мнѣ не мало къ поправленію моего сосноявія. Выслушавъ все,

лось, какъ будто бы спаканъ спакана догоняеиъ. Когда въ чашѣ ничего не ошнлось пуишу; шогда ничего не ошнлось въ учишелѣ спраха. Онѣ заговорилѣ о воздушныхѣ явленіяхѣ, по шому чшо разумѣ его полешѣлѣ шогда къ небесамѣ, и лешя не мало подѣ оными сишусилѣся на Парнассѣ: пересчишалѣ шамѣ всѣхѣ ученыхѣ людей, описалѣ Аполлона и Музѣ, по сосѣдешву не миновалѣ и Олимпа; и шакѣ предешавилѣ намѣ всѣхѣ боговѣ, какѣ будишобы на карпинѣ. Пошомѣ сошелѣ на землю и проповѣдывалѣ намѣ о человѣческихѣ обращеніяхѣ, подземныхѣ произхожденіяхѣ, и словомѣ, обо всемѣ шомѣ, до чего разумной и учешой хмельной человѣкѣ своимѣ поняшѣемѣ доспигнушѣ можешѣ. Въ шакомѣ досшохвальномѣ упражненіи препроводили мы шри дни. Въ чешвершой день апаманѣ опредѣлилѣ разобрашѣ его дѣло и спросишѣ извошника, для чего онѣ привезѣ къ разбойникамѣ шакого человѣка, которой ему ничего нѣ сдѣлалѣ. По собраніи суда и по предешавленіи челобишника и испца извошникѣ обѣявилѣ, чшо везѣ его изѣ Малороссіи и всегда пилѣ его водку, а наконешѣ эшо ему было ошказано. Учишелѣ

ня такъ, какъ роднаго своего брата; ибо препоручили меня ей незлобивою и тихой мой нравъ и ея любовникъ: она почтала за удовольствіе бышь всегда со мною.

Въ одно время, когда сидѣли мы подъ тѣнію украшеннаго природою дерева всѣ шрое, тогда пришедъ одинъ изъ его подданныхъ, съ великимъ подобострашіемъ докладывалъ своему повелителю, что привезъ извощикъ человека, которой называеиъ себя учинелемъ. Ашаманъ пошчасъ пошелъ въ свою горницу, куда пригласилъ и насъ. Я радовался идучи, что увижу ученаго человека, которой, думалъ я, равно спрашится своей учасши, какъ и человекъ ничего незнающій. Когда мы пришли въ покой, то предизвленъ былъ предъ нсѣ учитель. Какъ скоро ашаманъ увидѣлъ, что онъ человекъ разумной, то пошчасъ приказалъ расшорить чашу съ шеплымъ напитокомъ, которой Аглицане именуиъ пуншемъ, чтобъ шѣмъ прогнаиъ шракъ, которой попрепывалъ нашего мудреца какъ шридневная лихорадка. Присутшдившись къ нему, началъ онъ тянушь прямо по ученому, и намъ каза-

ходились, весьма дорогою цѣною, подарилъ ему сверхъ того тысячу рублей, и отпуская онъ себя велѣлъ ему объявить Подлици непременно, что былъ онъ у разбойниковъ, и все то что съ нимъ ни происходило. Какъ скоро его отпустили, то приказалъ онъ класить все на возы и приготавливаться къ походу, думая что непременно похититъ его сыщикъ, что дѣйствительно и сбылось пошомъ. Послѣ чего зажгли весь домъ, и огонь сколько разсердился, что не оставилъ ни одного живаго бревна, а мы отпустились въ путь.

ГЛАВА IX.

КОНЕЦЪ МОИХОВА ПОХОЖДЕНИЯ.

Солнцевы кони перебѣжали уже восточные вѣтры, которые выгнали съ ними въ одно время и изъ одного мѣсяца, а наши вывели насъ изъ лѣсу. Мы слѣдовали совсѣмъ по незнакомой мнѣ дорогѣ, и наконецъ достигли до другаго поселенія, которое также находилось въ

лѣсу. Тутъ жили мы мѣсяца съ два, и не было съ нами никакого приключенія. Въ одно время призвавъ меня къ себѣ ашаманъ, говорилъ слѣдующее: другъ мой! ты живучи со мною можешь бышь и скучишь; сверхъ же шого заслуживаешь порочное имя, и когда узнаешь въ городѣ, что ты живешь со мною, по будущи почитаешь себя безчестнымъ человекомъ, и для шого намѣренъ я опусшнчь шебя, чтобъ не былъ ты причпенъ въ число разбейниковъ. Я принялся его благодарить, и радовался уже, что буду скоро въ городѣ, по шому что жилище сіе хопя мнѣ было и покойно, и я былъ всѣмъ доволенъ, однакожъ жилъ съ разбойниками. Ашаманъ наградилъ меня довольно добродѣтельно и великодушно; онъ подарилъ мнѣ тысячу рублей, что не всякой богашой и честной гражданинъ сдѣлаетъ; къ шомужъ дана была мнѣ лошадь, и я проспившись со всѣми поѣхалъ въ путь.

Два дни я разсуждалъ о семъ разбойникѣ, и не зналъ, какъ бы мнѣ его наименовать; ибо мнѣ казалось, что добродѣтель превышала его пороки. Онъ опшнмалъ у богатыхъ половину ихъ имѣ-

нїя, и сїю часпѣ дѣлалѣ на двое: одну осшавлялѣ себѣ, а другую ошдавалѣ бѣднѣннѣмъ людѣмъ. Обиженнѣе имѣ не сшолько на него негодовали, сколько награжденнѣе имѣ его благодарили. Миѣ показался онѣ новѣмъ Философѣмъ. У кого много, у шого онѣ опнималѣ; а у кого ничего не было, шому давалѣ. И шакимѣ образомѣ положилѣ я шакѣ, разсуждая долго: пускай дадушѣ ему имѣ наши жаднѣе кѣ деньгамѣ богашнѣе граждане. Впрочемѣ, чшобѣ не осшавишѣ вѣ неизвѣсшности шакое подлинника, объявлю о немѣ вѣ другомѣ мѣсшѣ попросраннѣе.

Вѣ шрепшій день моего пушешествїя, когда просыпаласѣ Зимцерла (*), спускалсѣ я сѣ превысокой горы, и увидѣлѣ не далеко не весьмѣ узкое владѣннѣе, кошорое сосшояло изѣ деревяннаго сшроеннїя и называлосѣ село. Я вздумалѣ постшннѣе его: прѣѣхавши вѣ оноѣ, нашелѣ всѣхѣ кресшннѣе вѣ великой печали. И когда сшросилѣ я о причинѣ, шогда увѣдомили меня, чшо будущѣ похороняшѣ

Д 4

(*) Зимцерла. Славенскѣя бѣгинѣя. она была шже, чшо и Аврора, и имѣла храмѣ вѣ Кїевѣ

ихъ господина ; а какъ настало время то и я пошелъ въ церкву. Вскорѣ принесли усопшаго, и весьма много было о немъ плачущихъ. Женщина весьма молодая рвалась больше всѣхъ, и казалась бышь опчальною жизни; слезы ея сдѣлали то, что я насилу могъ удержаться и самъ опъ жалосни; она была сщодь опчальна, какъ будто бы любовница похороняла своего любовника, а по шому я узналъ, что была она жема покойнаго. Во время обѣдни очень часто падала она въ обморокъ; однако опль скоро воздерживалась, чтобъ не сдѣлать дурнаго положенія ; и припомъ же примѣпилъ я, что она очень часто на меня поглядывала. Когда начали опѣвать новопреснавленнаго, то я печаянно взглянулъ на нее и увидѣлъ въ рукахъ ея маленькое зеркало. Въ семъ случаѣ сдѣлался я маленькимъ Философомъ и располковалъ проснупокъ сей великодушно. Когда оппустили въ могилу ея мужа, то казалась она, какъ будто бы хочещь послѣдовать ему, и едва успѣла выговорить чпобы просили меня къ ней опобѣдать, повалилась безъ памяти. Люди ея понесли ее нечувствительную домой, куда и меня пригласить не позабыли.

Обѣдъ начался печалію, а кончился весельемъ. По большой части застѣдали за нимъ отпавшіе Офицеры шѣ, кошіорые были великіе охотники подшягивашъ сивуху и рассказывашъ о сраженіяхъ; насуслились оиѣ за нимъ довольно исправно, приговаривая почасшу; покойникъ былъ до вина охотникъ. А какъ обѣдъ кончился, шго я не знаю, ибо ошвело меня оиѣ онаго сіе приключеніе:

Въ срединѣ нашего обѣда, когда уже начинали краснѣшь у всѣхъ гостей носы, шогда вывели ошягченную болѣзнію или печалію, или не знаю чѣмъ, хозяйку. Она въ превеликомъ безпамятствѣ приказала подашъ себѣ шуль и сѣла подлѣ меня, рвалася, охала и рыдала; однако уже не шekli по лицу ея слезы, какъ думаю для шго, чшобѣ не смышь румянѣ, кошорыхъ она, пришедѣ изъ церкви, положила нѣсколькo на щеки. Священникъ уговаривалъ ее и подавалъ здравые совѣшы; а я, какъ человекъ совсѣмъ пошпореній, не сказалъ ничего, выключая словъ десятикоѣ девяти. Вскорѣ печальная наша Лада ушала въ обморокъ и бросилася ко мнѣ на шею. Я дол-

женѣ былъ съ помощію другихъ опнести ее на постелью, чтобѣ шамѣ собрала она распоченной или расперянной свой разумѣ. Когда я несѣ ее въ спальню, то получилѣ поцѣлуя два при весьма ошѣ горячаго сердца, и шупѣ узналѣ, что обморокѣ ея пройденѣ вскорѣ, и что она женщина свѣтская, коидора въ случаѣ нужды можешѣ при раза умеренѣ, и послѣ, когда уже не надобно буденѣ мершвыхѣ, воскресенѣ сама. Кладя ее на постелью, не могѣ я ошн шѣ моей руки ошѣ шрепещущаго ея сердца для шого, что она въ безпамятствѣ придерживала ее очень крѣпко; чего ради подали мнѣ шуплѣ, и я сѣлѣ подлѣ ея кровати. Всякой со своимѣ усердіемѣ подходилѣ уговаривашѣ ее и воздерживашѣ ошѣ сокращения; и кшо былѣ пьянѣ другихѣ, шотѣ усердиѣ и шарался. А я сидѣлѣ подлѣ ея, какѣ будто бы осужденной; никшо не думалѣ, что приковала меня безразсудная Венера, а всякой помышлялѣ, что причиною шому ея ошчаяніе и болѣзнь о покойномѣ ея мужѣ. Всѣ уже наконецѣ развѣхались и легли домашніе спать; шогда образумилась боярыня и мачала со мною замурипшя.

Если бы я не был холоспой и не скучалъ о томъ, что имѣли женщины, то конечно бы началъ разсуждать очень строго, и обвинилъ бы дерзость ея Спическимъ образомъ; но вседневный мой недосышокъ принудилъ замолчать мою совесть, и я также легко презрелъ благоприсойность, какъ и плѣненная мною красавица. Что происходило у насъ въ сію ночь, того расказывать я не спану; а если бы кто захотѣлъ уведомиться объ этомъ, то и безъ меня догадаться можетъ.

На другой день поутру подспунилъ подъ низходительную сію крѣпость не знаю какой-то щоголь и началъ подпускать любовныя ужимки; я же не разсудя того, что красавица сія не великая была охотница влюбляться, а ссужала нашу бранью по переѣнкамъ, влюбился въ нее какъ въ пушную. Досадно мнѣ жестоко было, когда онъ подувывалъ ее очень вольно; а она послѣ извинялась передо мною, что позабыла ему въ томъ прошивиться, и сердилась на меня, для чего я ей объ этомъ не припомнилъ. Въ слѣдующій званъ день песносной мой соперникъ позабылъ то, что я пушъ си-

жу, бросился съ Французскою вольностію цѣловашь ея груди. Я не могъ болѣе терпѣшь огорченія и шреснулъ егъ по лбу, ошъ чего полились у него и кровъ и слезы, и когда ошъ образумился, шо задѣлъ меня по щекѣ, а я до драки прежде бывалъ преведичайшій охотникъ; и шакъ расправивъ мои руки, началъ его пошаскивашь взадъ и впередъ по комнашъ, и до шѣхъ поръ его ошбояривалъ, пока служилели насъ не разияли; разсозвалъ я ему побольше сыпни шумаковъ подъ пазухи и во всѣ шѣ мѣсна, гдѣ улеглись мои оплеушныи, пинки и побопухи. Въ семъ случаѣ со мною не шакъ какъ съ побѣдишелемъ посшупили; вмѣсто шріумфа (*), приличнаго побѣдошосу, обобрали меня кругомъ и проводили дублемъ со двора.

Появился я вскорѣ лежокъ на чистомъ полѣ, неся за плечами палочные удары, копорые мшъ дали на дорогу. Они не шоль были мягки, шшобъ мошъ я ихъ упошребилъ въ обѣдѣ, и шакъ до ужина прешерпѣвалъ маленькой голодъ: ужина же моя сосшяла въ шомъ, шшобъ по-

---

(*) Трїумфъ, торжество въ честь побѣдошосу

скорѣе заснуть. Я думалъ гдѣ-нибудь во снѣ покушать, что была и дѣйствительная правда. Во всю ночь я былъ у великаго довольства стѣшныхъ припасовъ и жралъ ихъ сколько, что превзошелъ всякаго рода обѣдаль; однако со всѣмъ шѣмъ проснулся голоденъ. Это уже извѣстно давно, что у голоднаго хлѣбъ на умѣ, и никакія гражданскія дѣла не приходилъ тогда въ голову, когда желудокъ пустъ. И не ѣлъ ничего, однако глядѣлъ очень часто, и въ семь упражненій путешествовалъ еще до обѣда.

Вспрѣшилась со мною расчесанная деревня: я узналъ шончасѣ по ея плану, что не могу шумѣ выпросить ни одного куска хлѣбъ. Сколькожъ я тогда сдѣлалъ восклицаній о моей нищѣ! Когда же голодъ понималъ меня порядкомъ, а доспашъ хлѣба не было надежды, тогда вздумалъ я поднявшись на мудрости, и съ сею надеждою вступилъ шончасѣ въ деревню, и вошелъ въ шонъ домъ, въ которой покурывае казался прочихъ; въ немъ я нашелъ старуху, о шрѣхъ или съ половиною зубохъ; пригрозилъ гораздо набожнымъ, сбѣжалъ ей, что я

выходецъ съ того свѣта, что пощѣй мой желудокъ и блѣдное лицо ей подтвердили. Какъ скоро она услышала, что я выѣзжей небесной гражданинъ, то пошчасъ собралась на шоссе и меня накормила. Пошомъ спрашивала, не видалъ ли я на шоссе свѣтивъ ея сына? Я ошвѣтсшвовалъ, что имѣлъ съ нимъ шамъ знакомство, и что онъ гораздо обнищалъ и вознившъ шенерь изъ сѣбъ воду. Услышавши это сшдруха брѣсидась благимъ машомъ въ свою коробью, и вынившъ нев нее послѣднѣя деньжонки, просила меня ошнесш ихъ для разводу къ своему сыну. Пошомъ прѣхалъ съ поля пощъ, кшторой не перещеголялъ разумомъ беззубую свою сешрицу, далъ мшвъ свою лошадь, чшобъ браншъ его возилъ на ней шамъ воду и больше бы уже самъ не шрудился. Такимъ образомъ съ немалого числа и крешшяншъ обманъ мой получилъ пошаны довольно. Начинивъ мои карманы разною ходячею монешою, ошсшвилъ я эту деревню и пошѣялся мужшцкой глушосши.

Идуши дорогою сшсшалъ я деньги, чшобы нев разныхъ кармановъ привесш ихъ въ одно число. Искусешво показ-

лось мнѣ довольно хлѣбно, и я опредѣлилъ называться вездѣ, что пушешешивую съ шого свѣшч. Ни одинъ лекаръ, думаю, своимъ искусствомъ не могъ бы со всего купечесшва въ городѣ получить сколько денегъ, сколько я получилъ съ одной деревни; а что съ дворяншва, о томъ я уже и спорить не буду; для шого что дворяне великіе охотники лечишься, и безъ всякой нужды принимающъ лекарства, лишь бы кто имъ присовѣшовалъ; а кунцы почишай совѣмъ не имѣющъ съ аптеками знакомшва, и ошъ шого, какъ сказывающъ, бывающъ они здоровѣе.

Въ эпомѣ нуши я былъ повеселѣе прежняго, и совѣмъ не видалъ, какъ спомыкнулся было на богашое и великое село. Когда я началъ всшупашъ въ него, шо принялъ на себя важной и смиренной видъ; ибо когда я слышъ, шогда шучу до шѣхъ поръ, покамѣсшъ довольно. И шакъ какъ скоро увидѣлъ я мужиковъ, шо закричалъ имъ, чтообъ они снимали шапки. Они схвашили ихъ съ великою поспѣшностью, можетъ бышь для ~~меня~~ ^{тебя}, а можетъ подумали, что идешъ ихъ господинъ, предъ коншорымъ

они еще за при вершины открываютъ свои головы. Я спрашивалъ, гдѣ ихъ помѣщикъ, и кѣмъ онъ шаковъ? Они сказали мнѣ, что нѣтъ его дома, а пѣхалъ на время не очень въ дальнюю деревню, а шуишъ, сказали, его жена и мать. Я пошчасъ велѣлъ имъ сказать о себѣ, и былъ принятъ шарухомъ весьма радостно. Тутъ надѣялся я получить больше денегъ, для того больше и вралъ. Но счастію моему свекрови понадобился я подъ именемъ выходца съ много свѣта, а снохъ подъ именемъ любовника; и такъ жилъ шуишъ во всякомъ удовольствіи. Шарухъ рассказывалъ я днемъ, а молодой рассказывалъ ночью. Безножилъ меня нѣсколько прѣздъ хозяйской, и я думалъ, что непременно мнѣ надобно прежде его обратиться: ибо я провѣдалъ отъ служителей его, что онъ великой забіяка и ужасной охотникъ выправлять свои руки надъ чужою спиною. Я не очень надѣялся на кожу, которая покрывала мою спину, и такъ вознамѣрился было опустить отъ сего мѣсяца. Какъ скоро узнали о моемъ отъѣздѣ госпожи, то съ превеликимъ принадлежаніемъ нача-

ли меня просить, чтобы я оспался еще у нихъ. Первая моя любовница удобнѣе всѣхъ оиивратила мое намѣреніе: она сказала мнѣ, что мужъ ея долженъ дѣлать то, что она прикажетъ, и что она давно уже имѣетъ это счастье, что сожигель ея плащенъ по ея дупкѣ.

Наконецъ онъ прѣхалъ: я увидѣлъ, что несумѣнная была то правда; она имъ повелѣвала, а онъ боялся и подумаешь, чтобы чѣмъ-нибудь ее прогнѣвать. Но прѣздъ его находился я въ такомъ же довольствѣ, какъ и прежде, и какъ скоро онъ на дворъ, то жена его занемогла, и не пускала его въ спальню цѣлые два мѣсяца, а я въ то время занималъ его мѣсяцъ. Подражая Юпитеру, копорой эдакъ же поучивалъ Амфипріона, мнѣ кажется, попребна была мужу ея ревности; однако онъ не позабылъ упопребить ее въ семъ случаѣ, и можетъ быть упопребилъ ее и съ лишкомъ.

Вотъ какъ человѣческое благополучіе не долговѣчно, и вотъ какъ мое перервалось. Заѣхалъ въ сіе село проѣзжающій Архіерей, рогоносецъ мой принялъ его съ превеликою радостію, и первое его слово было то, что есть у него

Часть I. Е

выходецъ съ того свѣта ; потомъ ра-
 сказаъ ему все что я ни наболталъ
 ему во все мое у нихъ пребываніе,
 прибавляя къ тому , что будто бы все
 его мужики оиѣ того всболтамупились
 и начали оиѣсавать оиѣ церкви. По се-
 му препорученію видно , что оиѣ же-
 лалъ меня сбывъ поскорѣе съ рукъ. Ког-
 да кликнули меня къ Архїерею , то я,
 какъ будто бы винованой , задрожалъ,
 и не зналъ , что оиѣвчашъ. Тончасъ
 зашнуровали меня цѣпью , и сколько ни
 просила за меня моя любовница , одна-
 кожъ , не смолча ни на что , оиѣслали
 меня подъ началъ , гдѣ продержавъ не
 меньше года , наконецъ поспригли. Я у-
 шелъ нѣсколько спуская изъ нашей оби-
 шели и оиѣши въ томъ же селѣ поиманъ.
 И такъ съ шѣхъ поръ содержанъ меня
 въ монастырѣ весьма рачительно. Миѣ
 не приказано никуда выходитьъ воиѣ изъ
 кельи , и словомъ , я такъ какъ будто
 бы на цѣпи привязанъ ; инаго способа
 иѣшъ миѣ выйши изъ онаго , какъ въ
 такомъ нарядѣ , въ какомъ вы меня на-
 шли. Я передъ вами винованъ , примол-
 вилъ оиѣ , что приключалъ вамъ безо-
 койство , и въ томъ прошу прощенія.

Такимъ образомъ кончилъ монахъ свое похождение, которое однако было еще не все; смѣшныя съ нимъ приключенія услышимъ мы послѣ.

Въ Полковникъ челоуѣколюбіе, или не знаю что другое произвело о немъ сожалѣніе. Онъ обѣщаль ему исходапайсивованіе свободу и прозѣбою сложишь съ него чинъ монаха. Послѣ сего вошла къ намъ ключница и облившись слезами просила прощенія у своего господина. Она еще не совсѣмъ испорчена была лѣшми, и носила имя любовницы правилнѣе, нежели нѣкопорыя изъ монахъ знакомъ, которыя подъ бѣдины и румяны прячущъ свою снароснѣ. Полковникъ сдѣлавъ ей пристойной къ тому выговоръ, просилъ попомъ ея погрѣшноснѣ, за что съ великою благодарноснѣю поклонилась она ему въ ноги, и послѣ яшаго была опянь въ своемъ достоинствѣ съ не меньшимъ почтениемъ онъ всѣхъ домашнихъ.

ГЛАВА X.

ЕЖЕЛИ КТО ПРОЧТЕТЬ, ТОТЬ И БЕЗЪ
НАДПСИ УЗНАЕТЪ ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ.

Когда солнце переѣзжало черезъ Эква-
торъ и прибыло почиай уже въ
пропикъ Козерога, у насъ въ домѣ не
много важнаго приключилось. Подков-
никъ спараніемъ своимъ переименовалъ
монаха, и сдѣлалъ изъ него бѣльца; и
такъ сдѣлались мы съ нимъ великими
друзьями, и были равнаго достоинства.
Онъ не уступалъ мнѣ въ краснорѣчїи, а
я въ осирывѣ ему выдумкахъ; и такъ
шакая двойка, какъ мы, довольно бла-
гополучно могли препроводить свою
жизнь.

Еще началъ осень Венера опредѣли-
ла предсказать мнѣ въ нашемъ домѣ поход-
ную комедїю, или попросиу итрице;
чего ради послала къ намъ своего сына.
Онъ вселился къ Балабану въ сердце и
дѣлалъ тамъ чудныя распоряженія. На-
чало дѣйствїя было шакимъ образомъ:
закипѣла кровь въ моржевыхъ жилахъ и
дуралей нашъ началъ щеголяшь; сшилъ
себѣ набойчашой халашъ, и шаскался

въ немъ по улицѣ димо окна своей воз-
 любвиной; надѣлалъ не рѣдко кресль-
 анское плашье, и расхаживалъ въ немъ
 по морскому рынку. Ходилъ также въ
 харчевни, гдѣ заводилъ не посредственно
 малыя драки и шаскалъ нарочито
 своего брата, для того что храбрость
 его надъ однимъ только имъ оказыва-
 лась. Прежде же сего ходилъ онъ всегда
 мерчхою, въ замаранномъ овчинномъ шу-
 лупѣ, и шашалъ по двору часто игралъ
 съ робьями въ бабки, кричалъ ночью
 филаномъ и пугалъ старухъ, которыхъ
 левала онъ него часто съ высокой на-
 шей лѣвниды. Возглашалъ пѣвухомъ,
 которымъ искусствомъ разбуживалъ со-
 сѣднихъ куръ; перенималъ какъ кричащъ
 ушки, и словомъ, дѣлалъ всякія шалос-
 ти, какія только начальный изъ дура-
 ковъ выдумать можетъ. Началъ заку-
 пать гражданскія книги и переплещать
 въ церковной переплещъ. Онъ иногда при-
 нимался ихъ читать, но они казались
 ему столько же понятны, какъ слѣпому
 живспись; и чѣмъ копорая книга была
 важнѣе, тѣмъ для него хуже. И шакъ раз-
 сердясь на ихъ темношу, опредѣлилъ со-
 слать ихъ въ ссылку, то есць продать

барышникамъ. И такъ въ началѣ провѣ-
 нялъ на деньги Телемака, и купилъ на-
 мѣсто его черной шафяльной маншиленъ;
 (*) попомъ Троянскую испорію, Марки-
 за, Каншемировы саширы, и купилъ аса-
 лонъ; а послѣ нихъ пустился и на все
 доспальныя, между коими находились
 Римская и Древняя Испоріи, и купилъ
 снеганую исподницу и пуху для двойной
 постели; при чемъ вознамѣрился про-
 сить у дяди своего горницъ для буду-
 щихъ своихъ дѣшей, и пригошовилъ по-
 чини уже все къ своей свадьбѣ, шолько
 позабылъ ошкрыть любовь свою шой
 дѣвушкѣ, кошорая уволокла посконное
 его сердце. А это была та особа, ко-
 шпорая жила у полковника: она была
 ошдана ему послѣ ошца ея и машерн на

(*) Ешому удивляться не должно, что Ба-
 лбанъ за нѣ деньги, кошорыя взялъ у
 Телемака, могъ купить маншиленъ, потому
 что стакія книги у насъ очень дороги, а
 другія, какъ напрымѣръ, грады, верпо-
 грады, спансы, мадригалы, идилли,
 билеты, то оными намостить можно Мос-
 ковскую дорогу. Старинныхъ книгъ у насъ
 очень мало, а особливо такихъ, какѣтъ
 есть въ своемъ родѣ Телемакъ; а для чего
 ихъ нѣтъ, то на это примѣчанія я здѣсь
 не поставлю.

пропишаше, и чпобы потомъ выдать ея за хорошаго жениха съ ея приданымъ. Дѣвушка пригожа и снзшна собою, полько нѣсколько проснешька, по нынѣшнему обыкновенію. (Для нашъ началъ дѣлашь ей изъясненіе свое снзхами, для шого чшо прозы непаидѣлѣ онѣ смершельно, и не умѣлѣ совѣмъ ею изъяснлшься, а снзхами говорншь не могѣ, хошя и былѣ до нхѣ превеликой охошникѣ; но не зная совѣмъ въ нхѣ шолку, ошо-слалѣ къ любовнцѣ своей вмѣсно любовнаго изъясненія саширу. Мнѣ удалось ея снзсашь; а чшобѣ не одному ею пользовапшься, сообщаю и чнцашелю.

Безѣ жару никогда на стужѣ воскѣ не таетѣ
 Подобно дѣвушка безѣ денегѣ не вздыхаетѣ.
 Металлѣ ссй не огонь, однакѣ сердца вортѣ :
 На денежки смотря у всякой зубѣ свнспштѣ.
 Безнленѣ купидонѣ старинной въ свѣпѣ нынѣ :
 Онѣ только властвуетѣ пастушками въ долинѣ.
 А въ городѣ никогда не смѣетѣ заглянупѣ,
 У щеглей въ смѣху бояся утонупѣ.
 Ужѣ новей купидонѣ у насѣ теперѣ владѣетѣ,
 Любовь червонцами, а не стрѣлами сѣетѣ :
 А умѣ, достоинство, любовь и красота,
 По правиламѣ его, мѣрекая суэта.
 Съ червонцами хрмнѣ, вотѣ полько путѣ
 и дѣла!
 Чрасавицѣ къ тебѣ потчасѣ и полетѣла,

И такъ влюблася, что хочетъ умереть,
 Цѣлуешь, хвалишь, ласкаешь и хочетъ въ
 вѣкъ горѣть;
 А плакати же всѣхъ погда она бываетъ,
 Когда любовникъ ей кармакъ свой открываетъ;
 Таская изъ него, вздыхая говоритъ;
 Люблю тебя, мой свѣтъ! вся кровь моя горитъ;
 Отъ страсти сей совѣтъ уже изнемогаю,
 И сердце и животи въ власть тебѣ вручаю;
 А послѣ, какъ тебя совѣтъ ужъ оголитъ,
 Тогда погудкою другой заговоритъ;
 Таскать изъ твоего ужъ нѣчего кармана;
 Прощай, дружескъ, я въ вѣкъ не дѣлала об-
 манъ;
 И такъ тебѣ скажу, что не привыкла я
 Бездснежнаго брать мушину въ кумовья.

Написавши, или лучше списавши
 сѣи списки, запечаталъ ихъ и послалъ къ
 своей любовницѣ съ слугою. Но выдуман-
 ное сѣе изъясненіе ей не понравилось; она
 приказала сказать слугѣ его господину,
 что онъ не осмѣливался впередъ писать
 такихъ брѣвъ, и не отваживался бы
 присылать ей, ежели не хочешь
 бышь таскани. Но прощюфиля мой онъ
 того не умудрился, и написалъ еще за
 то на нее саширу, за что дядя посадилъ
 его на хлѣбъ да на воду, чему онъ былъ
 радъ; ибо случалось, что не бѣдалъ дни

по три съ ряду, за тѣмъ что деньги у-
пошребилъ на амуры, а послѣ сидишь
голодомъ; дѣйсвишельно бы такъ долж-
но было сказать, что было бы ближе
къ природѣ и къ самому моему дурню,
однакъ въ разсужденіи повѣсни попроси-
ворѣчу я самъ себя. И такъ онъ радо-
вался шому, для шого что будетъ ку-
шанъ ржаной хлѣбъ, къ которому онъ
привыкъ въ деревнѣ; а дядино кушанье
ему не казалось, по шому что онъ не
зналъ въ немъ вкусу, и всегда говорилъ,
что сдѣлаво оно по Нѣмецки и казалось
ему пришорно. Годнися шунъ эта посло-
вица: „свинья на небеса не смошришь,“
Еще обѣщаю я обѣявить поболье въ сво-
емъ мѣснѣ о неудачныхъ его открышї-
яхъ, и наконецъ о его свадьбѣ; осна-
вимъ его шеперъ съ маншелепомъ, асало-
номъ, исподницею и пухомъ, и дадимъ
ему надежду въ его любви. Онъ не пре-
минешъ и еще извленишься. Сашира же
его слѣдующаго содержанія:

Цыганы, говорають, проворны из обманы;
Искуснїй ихъ Жиды впираются въ карманы,
Шиниморы вездѣ, гдѣ спряпано, найдунтъ;
Но воры больше всѣхъ убышка навздунтъ.

Огонь въ свирѣпости не сдѣластъ измѣны ;
 Поѣстъ и поналистъ богатство все и стѣны .
 Кому у нихъ въ рукахъ случится побывать ,
 Не медля долженъ тѣмъ котомку надѣвать
 Но тѣмъ хоть онъ еще оспанется доволенъ ,
 Что будетъ онъ въ своемъ умѣ и сердцѣ во-
 лень :

А я у нихъ въ кохтяхъ хотя и не бывалъ ,
 Однако никогда скудите не живалъ :

Докаль кровь моя въ груди не класкотала ,
 Пока съ любовью мысль моя не хлопотала ;
 Она меня ольстя плушьяка провела ,
 И въ сѣнь къ обманщицѣ лукавой завела ,
 Вопло ая в рамя хоть не подражала ,
 Но все къ себѣ мои пожитки прижала .

Теперь подицаннѣ стада какъ быспрой я со-
 колъ ,

Летахонекъ и чистѣ и не раздѣвшись голѣ ;
 Не знаю, гдѣ она пршырствы выучаетъ ,
 Что самыхъ шильниковъ въ обманахъ превы-
 шаетъ .

Отъ вора за всегда нечеломя мы прибрать .

А къ ней плушюкѣ самъ спарился я шлокать ,
 Она передо мной ласканы разѣвала ,
 Моя же отъ часу мошна ослабѣвала .

Но я ея лукавствѣ тогда не примѣчалъ ,
 И только хоробрясь червонцами стучалъ ,
 Въ томъ мнѣни будучи, хоть деньги не ма-
 кина ,

Да дѣвкой не они владѣють , а дѣтина ;
 Но какъ я былъ пральценъ , и какъ я изу-
 мленъ

Когда любовники и деньги вдругъ зашился ;
 Знать деньги , а не мы владѣютъ надъ серд-
 цами ,
 И что мы съ ними лишь бываемъ м лоуцами .
 Безъ нихъ , спрямцы , глупцы , ск орчаины ,
 шалуны ,
 Да дѣвки ихъ всегда надъ нами к лауны .
 Хоть ими изрушенъ , обманушѣ и обруганъ ,
 И сто всѣхъ споръ въ числѣшенье обстру-
 ганъ ,
 Всегда влншея къ нимъ въ любовны кандалы ,
 И вишешся у нихъ въ глубцы и ш балы .
 Вотъ шакъ -то и м.ня одна изъ нихъ рзиче-
 дла ,
 И обобразъ кругомъ въ безумцы зпнелла .
 Совѣмъ не человекъ , кто падаетъ въ ихъ
 сѣть ,
 Онъ вѣка не доживъ плетется умереть .

Всѣ сн снхн, конорые вы прочи-
 тали, хоня они и не хорошаго мащера,
 однако Балабану никогда и во снѣ не
 снились , а не только чшобы онъ ихъ
 сочинилъ . Все его искусство сосшало въ
 томъ , что покуналъ онъ рифмы весьма
 за великя деньги и подписывалъ подъ
 ними свое имя . Позвольте мнѣ , благо-
 склонный чшшатель , (а до неблагосклон-
 наго мнѣ и нужды нѣтъ) положить
 здѣсь пословицу на Лашинскомъ языкѣ ;

я бы конечно и на своемъ се носилъ, однако что не наше, того присваивать я не хочу, для того что мы довольны и безъ чужаго: *aliquando sus Mineram docet* --- иногда свинья Минерву учишь. Балабанъ будучи такою скотиною, каковаго вы изъ описанія видите, издумалъ писать комедіи, и сочинилъ одну въ чешырехъ дѣйствіяхъ по своему расположенію. Въ ней онъ вознамѣрился обругать одного сочинителя, которой ему не подалъ никакой причины къ посмѣянію; а нынѣ будучи принужденъ загадывать ему загадки. Правду сказать, Балабанъ осмѣивалъ его очень искусно, но съипъ, прямо по дурацки; говоришь онъ въ нѣкоторомъ вступленіи, что сочинитель шопъ списалъ чернилъ семь чановъ, измаралъ нѣсколько тысячъ сподъ бумаги, и шолько написалъ одну маленькую комедію. По этому его искусству долженъ и сказать, что просынается здѣсь въ Россіи Боало; и ежели господишь Балабанъ захочетъ удоспонить насъ своими сочиненіями и выпуститъ ихъ на свѣтъ, то многіе усердные люди поволосятъ -- ахъ! я предговорилъ, и надѣбно сказать, по-

благодаряиъ его за это. Писалъ сапиру на покойнаго Ломоносова, и не зная въ рной шолку, хотя дурацкими изъясненіями, однако больше хвалилъ его, нежели ругалъ; хотя такому великому человеку похвала оиъ плодиднаго сочишеда и совсѣмъ не надобна была. Таке наперсники ресхожато Аполлона послаиъ на себѣ ою пословицу: Собака и на владыку лаетиъ. По нѣкоторому кб нашемъ домѣ случая возамѣрился онѣ учиниъ свою любовницу и нѣкоторыиъ домашнихъ такому чекусиву, с которомъ не только что не имѣиъ никакто понишя, но ниже знаиъ, чюо значиъ его имя; однако случай шоиъ перервался кб великому неудовольствию господина Балабана.

Стихокрапающій Балабанъ, внуку новопресшавленнаго Скарронова комедіанша Злобина, имѣлъ на себѣ видѣ не надобнаго свѣшу челоуѣка и пребовалъ оиъ всѣхъ сего имени. Нѣкоторые часше забывали его пребовање и называли скопшиною. Онѣ былъ весьма шихаго нрава, и могъ бы конечно ужипиелъ съ чертями. Досшонисшо было его сѣт

обругать честныхъ людей, опорочить ихъ добродѣшество, понесши имя и сдѣлаши такими же плушми, каковы онъ и самъ. Всегда выдумывалъ способы, какими бы новымъ образомъ обидѣть человека, чшобъ съ нимъ иа вѣки поссориться, и имѣшь удовольствіе его ругать. Злоснь его споль была велика, чшо всѣмъ своимъ знакомцамъ за изливешествомъ не могъ ее раздаришь, и шакъ пересмѣхалъ и ругалъ изъ окошка мимондущихъ по улицѣ. Часно досматривалось шакже енъ него дядѣ его и шешкѣ; ибо онъ въ шайнѣ не осматривалъ поносишь и своихъ родичелей. Обманывалъ купцовъ и разносчиковъ, не плашилъ денегъ своимъ слугамъ, и при ошлускѣ клепалъ на нихъ, будшо бы они его обокрали, и шакъ сбивалъ ихъ со двора, наградя пощочинами и пинками. За извозчиками гонялся съ обнаженною шнагою, когда они просили у него за провозъ. Забираяжъ въ долѣ, клалъ на себя обѣщаніе, чшобъ никогда не плашишь. Завладѣшь чужимъ въ шайнѣ или въ явѣ, починалъ онъ добродѣшество; и еще въ добавокъ описаніе дѣдушки его знаменишаго комедіанта. Злобина мо-

моженіѣ служили здѣсь къ дополненію Балабанова шишула. При всемъ этомъ ослонина сей былъ собою доволенъ; онъ не смыслилъ, что онъ глупъ, и для того ни мало не безпокоился.

Османки совѣсни его 'пропали тогда, когда началъ онъ ревновать къ своей любовницѣ: она обходилась ласково со многими мужчинами, кошорыхъ карманы находились въ добромъ здоровьѣ, что его весьма превожило. Онъ слышалъ часно подлѣ ся деревей и считалъ, сколько пройденъ онъ нее любовникомъ. Имѣлъ въ запасѣ дубину и хотѣлъ сражаться съ ними по воровски; однако ни одного не залучилъ, почему можно догадаться, что опасался онъ ихъ поновѣсныхъ оплеушннѣ и исправной побелочки. Когда повеселся эхо, что вознамѣрился кпо - шо проучишь его палкою, тогда онъ въ сей досадѣ сочинялъ мерзскія пѣсни и ходилъ въ венеру подѣ окошками, кричалъ во весь голосъ, за что сосѣдніе слуги собрались было нѣкогда пошаскать его; и дѣйствительно бы дали ему хорошую щипачиху, ежели бы не ускользнулъ онъ онѣ ихъ въ окошко.

Случаи зѣ нашемъ домѣ совсѣмъ были не по театральному обыкновенію; послѣ комедіи послѣдовала трагедія. Въ одинъ день послучалася смерть у воровъ Полковниковыхъ и прекрапилъ его жизнь: онъ умеръ шакъ, какъ всѣ умирающіе люди шакото сосноянія, въ какомъ онъ находился. Хошя онъ былъ не великой охошникъ до могилы, однако изъ усердія положили его вѣ оную. Плачущихъ по немъ не весьма было много. Слуги его и всѣ домашніе не знали что дѣлать, не вѣсь плакать, не вѣсь смѣяться: онъ былъ человекъ молчаливой, и ходилъ всегда нахохлившись; добраго никому не дѣлалъ, да никого же и не обидѣлъ, и шакъ осшалася по немъ память, а Полковника не сшало.

Госпожа Алена хошя и не желала печалиться о своихъ родителяхъ, однако нѣчто природное побуждало ее къ тому. Она нѣсколько задумывалась, и иногда грустила порядочно. Домъ ея находился въ превеликой разспройкѣ, а она не привыкли управлять людьми, болѣзновала пуще, и для сей причины жслаа, чтобъ отецъ ея проснулся.

Надобно выговорить мнѣ хотя одинъ разъ во всю мою жизнь правду. Весь домъ находился въ превеликой печали, и мы съ моимъ другомъ не знали чѣмъ оному пособить; наконецъ вздумали се средство, чтобъ сказывать по вечерамъ сказки, которыми мы надѣялись опогнать нѣсколько печали, или всею оную исцребить. И такъ спустя довольно времени послѣ похоронъ предложили о себѣ госпожѣ Аленонѣ: она съ превеликою радостію подивердила наше предпріятіе, и просила насъ неоскупно, чтобъ мы начали продолжать предпріятія нами намѣренія. Мы согласились на се охотно, и только я просилъ того, что ежели я буду сказывать, то дабы не пускалъ Балабана къ намъ, для того что этотъ адской жипель не можетъ пробыть ни одной минушы, чтобы не сдѣлалъ какой-нибудь подлости. У насъ въ домѣ почипающъ его нѣкоторыя для того, что дядя его въ немъ былъ хозяинъ; а когда бы не такъ, то и на комюшнѣ не дали бы ему мѣста. Аленона общалась мнѣ, что онъ не будетъ присутствовать со мною; и такъ сдѣлались и я

Часть I.

Ж

съ мѣнѣ прїятелемъ почными расказа-
щиками : я положилъ , чшобъ рассказы-
вашь мнѣ о древнихъ нашихъ богатыхъ
рыцаряхъ и рыцаряхъ , а шоварицъ мой обѣ-
щалъ шуточныя и смѣшныя приключе-
нїя до окончанїи каждой моей повѣсти
рассказывать . И такимъ образомъ въ са-
мой первой вечеръ началъ я - - Слушайте .

ГЛАВА XI.

ВЕЧЕРЪ I.

Повѣсть о Силославѣ.

Во времена древнихъ нашихъ князей,
до временъ еще великаго Кїя, на помѣ
мѣстѣ , гдѣ нынѣ Санктпетербургъ ,
былъ великолѣпной , славной и много-
людной городъ , именемъ Винеша ; въ
немъ обитали Славяне , храброй и силь-
ной народъ . Государь сего города назы-
вался Правоблагъ ; онъ былъ храброй
полководецъ въ свое время , ополчался
противу Рима и Греції , и покорялъ мно-
гіе окрестныя народы подъ свою обласнь .

Влагоденствіе и мудрыя узаконенія оиѣ
времек до времени приводили владѣніе
его въ цвѣтущее состояніе ; щастіе ,
разумѣ и сила присвоили ему все по
его желанію , и оиѣ утѣшался и былѣ
доволенѣ смонря на изобиліе и спокой-
ствіе своего государства ; ибо тишина
и благоденствіе народа соспавляли все
его благополучіе.

Оиѣ уже приходилѣ въ глубокую
старость и не имѣлѣ по себѣ наследни-
ка; шого ради жертвовалѣ Дидиліи (*),
какѣ богинѣ дѣвторожденія, и просилѣ оиѣ
нея сына для наследованія своего пре-
шолѣ. Увѣдавѣ сіе нѣкопорѣ волшеб-
ница , копорѣ имѣла великое несогла-
сіе съ сильнѣйшимѣ нѣкоторымѣ злымѣ
духомѣ, вознамѣрилась мшнпѣ ему симѣ
смершнимѣ , копорѣго она положила
произвестѣ сильнымѣ и храбрымѣ. Прѣ-
звѣ на себя видѣ пустышника, предста-
ла Правоблагу въ шо время , когда оиѣ
домашнимѣ богамѣ своимѣ возливалѣ на

Ж 2

(*) Дидилія, Славенская богиня дѣвторожденія:
оную просили о плодородіи дѣтей, имѣла
во многихъ городахъ храмы.

жертву молоко, и говорила слѣдующее: Боги власнипели надъ тобою, услышавъ твою молитву, посылаютъ тебѣ сына, котораго имя со славою возгремилъ во всей вселенной. Попомъ подала ему два плода, конхъ красна и благовоиѣ было неизъясншельно, съ такимъ приказаніемъ, чшобъ государыня, его супруга, оные скушала, и окончавъ се исчезла. Наполненный удивленіемъ и радостію государь благодарилъ боговъ и вскорѣ исполнилъ завѣщаніе волшебницы. Плоды были употреблены въ пищу, и Звънслава, (такъ называлась Правоблагова супруга,) призывалась, чшо во всю свою жизнь ничего сладостнѣ ихъ не кушала. Послѣ сего зачала она, и по окончаніи обыкновеннаго времени родила сына, достойнаго себя и дара боговъ.

Между тѣмъ весь городъ находился о бремени ея въ удивленіи; ибо она уже была въ довольныхъ лѣтахъ, и такъ не надѣялись ошъ нея плода, а о предсзаніи и обѣщаніи волшебницы не вѣдали.

Когда же Звънслава разрѣшилась ошъ бремени, тогда князь, по созваніи

народа на свой дворъ, объявилъ ему чрезъ провозглашателя слѣдующее. Князь Правоблагъ завсегда считая счастье подданныхъ своихъ выше своего благополучія, всечасное имѣлъ о благососпоиіи ихъ попеченіе. На послѣдкѣ при спаросиши, не видя у себя преемника, а у народа покровишеля и князя, просилъ всемоутихъ боговъ наградиши его сыномъ. Боги молишву его исполнили и послали къ нему свяшаго своего человека, копоу обнадежилъ князя ихъ мироушю, въ знакъ чего принесъ изъ небеснаго саду два преузорочные плода невиданные доселѣ, съ шакимъ предложеніемъ, чтообъ княгиня Звѣнислава упошребила ихъ въ пишу, что она и исполнила, и съ самаго шого дня зачала сына, копоу нынѣ родился, съ рожденіемъ коего князь Правоблагъ поздравляешъ шеперь народъ Славенскій.

Выслушавъ сіе, народъ воскликнулъ и восплескалъ го славу владѣшеля и наследника. И съ самаго шого часа разлилаеъ радосишь по всему городу. Государь же приказалъ во всѣхъ божицахъ приносиши жершвы и народу праздновати цѣлой мѣсицъ; а княжеской дворецъ во

время сего празднованія завсегда наполненъ былъ народомъ. Во всемъ городѣ и окрестностяхъ его ничего кромѣ веселія и пированія не слышно было. Наконецъ уснувшио веселіе исполненію необходимыхъ нуждъ. По пляши лѣтахъ младенческа Силославова прицяди о немъ по печеніе мудрецы тогдашняго времени: все было употреблено къ украшенію его разума. И по окончаніи семнащцанаго года увидѣли въ юномъ князѣ образъ необъемлемыя красоны и свѣдѣнія.

Тогда Нравоблагъ видя желаніе свое въ совершенномъ удовольствіи, началъ ему предлагать о бракѣ, чинобъ шѣмъ продлишь свое наследіе къ спокойствію государска, чего также желали и его подданные. Почипительной и послушной сынъ послѣдовалъ безъ прекословія воли своего родишеля и охотно на все соглашался. Тогда Нравоблагъ показалъ ему большую картину, на которой были малыя изображенія многихъ царевнъ и княженъ другихъ владѣній; ибо тогда было такое обыкновеніе, и всѣ молодые государи долженствовали выбиратьъ себѣ супругу по симъ изображеніямъ. Самой первой образъ на картинѣ былъ

завѣшенъ. Силославъ весьма долго на другія прочія смолчалъ и не объявлялъ своего мнѣнiя; потомъ просилъ отца своего, чтобы показанъ ему и поимъ закрышой. Упорство его родителя вселило въ него великое любопытство, и Правоблагъ непременно долженъ былъ на просьбу его согласиться. Какъ скоро открылъ онъ образъ, представляющій прекраснѣйшую дѣвицу, тогда Силославъ въ радостномъ восторгѣ объявилъ ее своею супругою. Такое восхищенiе вскревало его родителя: онъ желая узнать приключенiе съ сею княжною отъ своего сына, коимъ, какъ онъ думалъ, не преминетъ за нею слѣдовать и искать во всемъ свѣтѣ, объявилъ ему, что она недавно скончалась. Сія государыня была дочь Сигандарова, коимъ обладалъ многонароднымъ городомъ Сонмомъ. Силославъ имѣя некогда съ нею свиданiе, влюбился въ нее смертельно. Какъ скоро онъ сіе услышалъ, смутился мыслію и сдѣлался безсловесенъ; радость его обратилась въ опечаленiе, и не оповѣщая своему родителю слѣдовалъ въ свои чертоги. Не описанная красавица Прелѣны (такъ

именовалась дочь Спанидарова) поразила Силославово сердце. Онъ началъ съшвашь и старался бышь всегда удивленнымъ: размышленія его произвели въ немъ такую горячность, что уже началъ онъ презирашь свою жизнь и старался искать смерти. Крѣпостанъ, любимецъ его, усмотря сокрушеніе своего государя и соболѣзнуя равно, предпріалъ ему явишь усердіе и увѣдомишь о похищеніи той государыни, кошорю спрадаецъ Силославъ. И шакъ предшкль ему и говорилъ слѣдующее:

Великій государь! сокрушеніе твое и долгъ мой истребуешь, чтобъ я облегчилъ твою печаль и открылъ тебѣ тайну, кошорю сокрываешь оцъ тебя твой родитель: прелѣна естъ дочь великаго государя, кошорой обладаешь многонароднымъ Сономъ. Сей городъ, какъ тебѣ извѣстно, шощишь на берегу Варяжскаго моря къ полуденной шоронѣ оцъ Ениншны. Для превосходной ея красоты, кошорая тебѣ давно уже извѣстна, похищенъ оцъ нѣкошорымъ злымъ духомъ, кошорой едержишь ее у себя въ замкѣ. По похищеніи смѣ сокрушенный

ея родитель призывалъ изъ дальнихъ
 споронъ искусныхъ волхвовъ, копорые
 дѣлали великія заклинанія на похищеніе,
 и принуждали его возвратитиь
 назадъ Прелѣну. Иногда доходили они
 своимъ искусствомъ до того, что духъ
 успрашался ихъ власни и почицай при-
 нужденъ былъ возвратитиь ее къ ошцу
 ея. Три цѣлые года безпокоился онъ
 пакими заклинаніями, и наконецъ воо-
 ружась всѣми своими силами, превра-
 шилъ весь городъ и все княжеское по-
 колѣніе въ каменные ишуканы, а волх-
 вовъ всѣхъ погубилъ неизвѣстнымъ
 образомъ. Государь сей любилъ изоб-
 раженіе змѣнно; и шкъ весь городъ
 испещренъ, всѣ его сосуды, и словомъ
 всѣ вещи имѣли на себѣ начертаніе се-
 го живошного и плещущагося по землѣ.
 Въ города сщѣна ограждена была вели-
 кимъ змѣемъ, копорого хвостъ укрѣп-
 ленъ былъ въ его челюстяхъ. Духъ об-
 рашивъ людей въ камень, далъ движе-
 ніе симъ живошнымъ, копорые шеперь
 населяющъ весь городъ, и ни одинъ че-
 ловѣкъ не дерзаетъ всшдннщ въ него,
 спрашася ужаснаго умерщвленія ошъ
 шѣхъ гадовъ. Движеніе ихъ, свисѣи и

смердѣ, производящій отъ нихъ за нѣскольکو верспѣ, чувствующіе проезжающіе; а похищенію Прелѣпы уже теперь пятой годѣ, и я думаю, государь, что она еще здравствуетъ подѣ властною шого духа.

Силославѣ услыша сіе, какѣ будто бы возбудился отъ сна, и наполнившись великою радостію, которая избржала на лицѣ его надежду, обиялѣ своего наперсника и увѣрялѣ его вѣчною благодарностію. Потомѣ объявилѣ, что намѣренѣ путешествовать и искашь ее по всему свѣту. Крѣпоснанѣ совѣтовалѣ ему оставить сіе предпріятіе, и предлагалѣ, что возвратишь Прелѣпу не возможно; ибо гдѣ она обитаетѣ, шого не извѣстно, и какимѣ образомѣ ее сыскашь, и шо не вѣдомо. Однако совѣшы его молодому и спрасно влюбленному юношѣ еще больше вселяли желаніе послѣдовать своей спрасни, а не ошвращали онѣ предпріятія. И такѣ определено было Силославомѣ спранствованѣ по свѣту. Ни слезы маперы, ни угрозы ошца, ни прозѣбы подданныхъ не могли опровергнушь его желанія. Въ есмѣ случаѣ сдѣлался онѣ преслушенѣ

своимъ родителемъ, и позабылъ, чѣмъ обязанъ своимъ подданнымъ; изъ чего разсудить можно, сколько любовь имѣешь власни надъ нашимъ сердцемъ. Всякая минута казалась ему, что увлекаешь у него время для полученія того, чего не было прѣшнѣе ему на свѣтѣ. Хотя ни мало не вѣдалъ онъ, гдѣ должно ее искать, однако воображалъ всегда, что уже имѣешь ее въ своихъ рукахъ; представлялись ему все ушѣхи, конюрья онъ воображалъ имѣшь по полученіи Прелѣпы, и одно ся имя придавало желанію его крылья. Онъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ только отправишься въ пушь.

Между тѣмъ, какъ разсуждалъ онъ, по какой дорогѣ начнешь пушешеспвѣе, изгошовлено было все къ его онѣзду; только все сѣи приугошовленія для него не годились. Онъ приказалъ привезши множесиво коней, и выбиралъ изъ оныхъ одного, на конюромъ бы могъ отправишься въ пушь; клалъ на спину каждаго коня руку, и конюрой подгибался подъ оною, шонѣ ему не годился. Наконецъ выбралъ одного по желанію, и взялъ принужденное благословеніе онѣ

своихъ родителей оставилъ городъ, копорой провожалъ его слезами и опчаяннымъ воплемъ. Крѣпоспанъ слѣдовалъ за нимъ съ малою юношескою дружиною, копорой Силославъ приказавъ возвратишься въ городъ.

Открытое поле почувствовалъ въ себѣ молодого, прекраснаго и храбраго рыцаря, любовалось на сіе украшеніе смертныхъ; вспрѣчающіеся съ нимъ лѣса, казалось, какъ будто бы уклоняли свои вѣтви, и нѣмъ оказывали ему должную честь; великолѣпный видъ, блестящая одежда и бодрость его коня представляли дѣйствительно, что нѣмъ ему пропитанника во всей вселенной. Крѣпоспанъ удивлялся самъ ему, видя его въ богатырской одеждѣ; ибо въ первой еще разъ въ оной его видѣлъ, а Силославъ наполненъ будучи любовію, понуждалъ только своего коня къ скорѣйшему бѣгу, не думая ни мало куда и для чего ѣдешь. Наконецъ, будучи не малое время въ пути, прибыли они на прекрасные луга города Сонма.

Въ семъ мѣстѣ я замолчалъ, потому что Аленона уже опчивала, такъ и мы опправились на свои поселки.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЬ 2.

Продолженіе Силославовой повѣсти.

Сей городъ стоялъ на плоскомъ мѣстѣ и имѣлъ видъ шестиугольной фигуры, и каждой ея уголъ оканчивался высокою башнею наподобіе Египетскихъ пирамидъ; верхи оныхъ башень покрыты были лишою мѣдью, копорая вызолочена была Аравійскимъ золомомъ. Всякая башня имѣла одни ворота и опускной мостъ чрезъ ровъ, копорой окружалъ весь городъ. Въ серединѣ города блистали превысокія и великолѣпныя палашы; на узкомъ оныхъ верьху сидѣлъ Ашланшъ, и держалъ на плечахъ небо въ видѣ шара, копорой ссыпанъ былъ рубинами и канбункуломъ, коихъ блескъ предшавлялъ его зрѣтелямъ другимъ солнцемъ. Епо былъ дворецъ Сшанидаровъ. Стѣны города закрывались шѣмъ змѣемъ, копорой окружалъ за ровомъ городъ; ибо онъ былъ преогромной вели-

чины и имѣлъ движеніе, испускалъ припомѣ ужасной ревѣ. Свиснѣ и движеніе живошныхъ въ городѣ наводили страхъ всѣмъ приближающимся къ нему. Однако Силославъ безъ робости глядѣлъ на се ужасное чудовище, и обѣзжая кругомъ искалъ способа, какъ бы бысть ему, внутри города. Пономѣ увидѣлъ превеликой чешвероугольной камень, на кошоромъ были высѣчены сѣи сирѣки: Городъ сей тогда применѣ прежнее свое быніе, когда почувшвуенѣ на себѣ земля шакого сильнаго богапыря, кошорой сей камень виссетѣ на раменахъ въ середину города. Силославъ прочишавъ се почувшвовалѣ побужденіе, кое воздвигалѣ въ немѣ бѣлый его духъ (*), и ударилѣ коньемъ въ камень, кошорой рассыпался на мѣлкія часши. Вдругъ изъ подѣ онаго предспала предѣ него обнаженная женщина; шѣло ея было обожжено, волосы на головѣ сошлѣли, кровавыя раны покрывали ея лядси, лице

(*) Вѣлый духъ. Язычники вѣрили, что сѣ самаго рожденія приставляются къ челѣвѣку два духа, одинѣ бѣлой, а другой черной. Первой побуждаешѣ къ доброму, а другой къ злому.

и губы оиѣ жару всѣ испрескались и текла изѣ оныхѣ кровь; въ рукахѣ имѣла она просиѣ съ волшебными на ней изображеніями. Приблизившись къ Силославу приказала ему сойти съ коня; пошомѣ взявъ его за руку, повела ѣ подземную пропасиѣ, копорой ошверсиѣе закрыто было онымѣ камнемѣ, а за ними послѣдовалѣ и Крѣпоспанѣ.

Переснупивѣ девять сшупеней внизѣ, увидѣли они чешверугольную горницу, коея сшѣны сосшавлены были изѣ головѣ свирѣпыхѣ живошныхѣ; они расшворяли свои пасши и дышали пламенемѣ, копорой лешалѣ по всему зданію. Волшебница могла оное спосиѣ, но на Силославѣ и Крѣпоспанѣ разгорѣлись лашы и начинало шлѣпѣ ихѣ плашше. Они сказали волшебницѣ, что скоро сторѣшь могутѣ, ежели шушѣ оспанушся. Волшебница ударила просиѣю въ сшѣну, копорая немедлѣнно сдѣлала изѣ себя ошверсиѣе; они слѣдовали всѣ немедля въ оноѣ, и нашли шамѣ штакое же вданіе, наполненное мерзкими и слизкими гадами, копорые облѣпили ихѣ шомчасѣ. Силославѣ будучи шревоженѣ ими, говорилѣ волшебницѣ, что не можетѣ про-

быль шумъ ни одной минуты; ибо смрадъ и прикосновеніе гадовъ приводили его въ великое безпокойство и ужасъ. Тогда волшебница опять вывела ихъ на поверхность земли. Ешь еще и трещіе зданіе говорила она, въ копоромъ въпры поднимающъ пыль, и ошрывая земляныя глыбы прсвворяющъ ихъ въ песокъ, копорой послъ подъемя съ полу крушящъ землю на подобіе кипящей воды. Въ сіе зданіе намъ не возможно было бы и глядѣшь, не шолько всшупишь. Тогда Силославъ спрашивалъ, для чего произведены шакія спрашныя шемницы? По рождснн швоемъ, ошеѣшспивовала волшебница, я заключена была въ оныя, и шеснашцашь лѣшъ прешерпѣвала сіе мученіе за шо, чшо произвела шебя на свѣшъ. Тонъ сильной духъ, съ копорымъ я имѣю несогласіе, власнню своею заключилъ меня въ нихъ: онъ предузнаешъ свою погибель, и желаетъ меня ишпрешншь, а шебя лишншь жизни; и конечно бы сіе сдѣлалось, есншли бы пы не раздробилъ сего камня, ошъ чего я получила свободу. Онъ бы далъ шебъ способъ войши въ сей городъ, въ копоромъ бы мы превращенъ былъ въ

камень, и тушѣ скончалъ бы свою жизнь. Возвратись теперь въ свое владѣніе, въ конюшоромѣ ожидай меня, и не дерзай прежде всшупнишь въ сей городѣ, конпорой безѣ меня будешѣ шебѣ гробомѣ; а я также всшуплю въ мою обласнь, приму на себя прежній мой видѣ и соберу моихѣ подданныхѣ. По сихѣ словахѣ она исчезла.

Силославѣ размышлялъ долге время, что надобно ему дѣлать; потомѣ вознамѣрился возвратишья въ опечешво по повелѣнію волшебницы; опять желалѣ бышь въ семѣ городѣ, надѣялся получить въ немѣ какое - нибудѣ извѣстіе о княжѣ. Любовь наконецѣ преодѣла его разсужденіе: ибо презиралѣ онѣ всѣ опасности и слѣдовалѣ своей смраши; и такѣ вознамѣрился не онѣвѣзжая онѣ сего мѣсна увѣдомишья о своей судьбинѣ. Чего ради онѣвѣхали они на нѣсколько разстоянїя онѣ города, чтобѣ разогнавѣ своихѣ коней перескочить черезѣ стѣны. Когда они лешѣли черезѣ нихѣ, то вдругѣ сгущенный облакъ удержалѣ ихѣ стремленіе и сдѣлался подѣножїемѣ ихѣ кожей, будучи поддерживаемѣ Сильфами.

Преврапа явившись имъ опять на облакъ (такъ называлась волшебница), имѣя уже прекрасной видъ и будучи облечена въ бѣлую одежду, говорила Силославу такъ: Дерзновенный! предприятие твое пагубно, и еслилибъ не былъ ты мною произведенъ, шобъ конечно за презрѣнїе моего совѣта ославила я тебя на жертву твоему стремленію. Какимъ образомъ безъ моей помощи думаешь ты сыскашь Прелѣпу? Прекрасная и могущая волшебница, ошвѣспивовалъ ей Силославъ, пошерьшь мою жизнь для освобожденїя Прелѣпы почишаю я ни за что; я для нее родился жить на свѣтѣ: а когда не найду ее, то ни одной минушы больше жить не буду. Я вижу твою горячнѣшь, перервала Преврапа, и для того живошворю на нѣсколько времени ея ошца, чшобъ онъ тебя обо всемъ увѣдомилъ. По семъ облакъ принесъ ихъ къ крыльцу чершоговъ царскихъ, въ копорые они немедля и взошли.

Какъ скоро вступили они въ первой покой, то два крылатые змѣя съ великимъ стремленіемъ бросились на нихъ и вдругъ пали на землю нечувшвишель-

ными опѣ почувствованія силы волшебницыной ; пошомъ переходя множество покосѣв , которые были украшены всѣ золошомъ по обыкновенію нѣхъ временъ , пришли они въ просторной чертогъ , въ коемъ подлѣ окна на стулѣ сидѣлъ Станидаръ , а предъ нимъ множество стояло придворныхъ , которые казались всѣ въ разныхъ движеніяхъ , однакожъ были всѣ не подвижны. Волшебница коснулась исшукану , кошорой предспавлялъ государя , оный вздрогнулъ ; когдажъ прикоснулась она еще , тогда началъ онъ имѣть движеніе и получилъ чувство. Взглянувъ на нихъ очень быстро , спрашивалъ : кто вы ? Я волшебница , отвѣчала Преврапа ; я шебя моею силою воскресила на нѣсколько времени , а сей , указывала на Силослава , назначенной женихъ швоей дочери , ежели онъ буденъ счастливъ и моженъ получить ее. Услышавъ имя дочери Станидаръ началъ рыдатель неушѣнно ; однако спзраніемъ Преврапы и юнаго князя нѣсколько ушѣшенъ ставъ , спрашиванъ былъ Силославомъ , не имѣешъ ли онъ какого извѣстія о своей дочери. Станидаръ для удовольствованія своей горести и его любопытства оп-

вѣчалъ ему такъ: Превращеніе моихъ людей, меня, и всего моего владѣнія, думаю, тебѣ не безвѣстно. Знаю, государь, о всемъ швоемъ несчастіи, перервалъ побуждаемый жалосшію Силославъ; Увы! я вѣдаю и шо, чшо прекрасная дочь швоя - - - О дочери моей, перервалъ Спанидаръ, я не имѣю никакого извѣстія, и гдѣ она обитаетъ, совсѣмъ не вѣдаю. И только свирѣлый духъ похищивъ ее отъ меня, оставилъ мнѣ ея изображеніе изсѣченное изъ камня, которое представлялъ ее точно живою. Къ шому же я на каждый годъ въ опредѣленное время получаю чувешко, и приходя къ испукану моей дочери, оплакиваю ея и мое состояніе. По изнесеніи сихъ словъ пошелъ онъ въ шонъ покой, гдѣ находилась минья его дочь, прося прочихъ за собою слѣдовать. У дверей оной храминъ оставлена была отъ духа спража; это были два одутевленные испуканы съ пламенными оружіями. Когда Спанидаръ вошелъ въ чертогъ, тогда испуканы заградилъ оружіемъ своимъ прочимъ путь; но волшебница принудивъ ихъ лишиться чувешка и сдѣлавшись неподвижными, вошла и сама съ послѣдующими въ заперщенную храмину.

Сіе мѣсто было такое; куда дпезной свѣтъ не входилъ; оно освѣщено было чешырями снолбами, кошорые находились по одному въ каждомъ углу наподобіе раскаленной мѣди. Посрединѣ покоя снолла кровать съ опущенными завѣсами; на ней сидѣла дѣвица прекраснаго вида. Силославъ какъ скоро взглянулъ на нее, то шотчасъ узналъ чшо было сіе шочное изображеніе его любовницы. Бросился къ ней и цѣловалъ ее, какъ будшобы шочную Прелѣпу. Пропивъ кровати снопалъ столъ, на коцпоромъ была покрышая чаша изъ чернаго мрамора, кошорая црпслась безъ всякаго прикосновенія. Крѣпоспанѣ любовью чшо въ ней, кошѣлъ ее раскрышь; и какъ шолько поднялъ онъ крышку, то мгновенно блеснула молнія, ударилъ сильно громъ, всколебалась земля и цотряслись черпоги. Спанидаръ и Крѣпоспанѣ окаменѣли, волшебница сокрылась. Силославъ лишился чувствъ и упалъ полумершвымъ подлѣ кровати. Не малое время лежалъ онъ безъ памени; наконецъ получивъ прежіи чувства, смонрѣлъ на государя и на своего друга, звалъ ихъ, но

они ему не отвѣчали, осязалъ онъ, но они того уже не чувствовали. Тогда въ первой еще разъ Силославъ почувствовалъ страхъ, и лишеніе живоша предшавлялось ему изнужаснѣйшимъ; онъ ни о чемъ уже больше тогда не помышлялъ, какъ о избавленіи себя отъ смерти. Изображеніе его любовницы не столь уже было для него мило, сколь пріятна была ему жизнь своя. У дверей сего покоя спража получила прежнюю свою живость; и такъ не было надежды выпни ему изъ онаго. Онъ разсматривалъ въ немъ очень долго, не сыщешъ ли гдѣ другаго выхода, однако нигдѣ не находилъ. Чаша же стоя на столѣ препепала; онъ вознамѣрился опкрыть ее, ибо онъ не видалъ, лобызая свою любовницу, онъ чего произошло ужасное оное приключеніе.

Приблизившись къ ней, снялъ онъ крышку, тогда съ превеликимъ ревомъ вылетѣлъ изъ нее крылатой и огненной змѣй, и лешавши долго по покою, попалилъ все встрѣчающееся съ нимъ, потомъ ударился объ спицу и сдѣлался человекомъ великолѣпнаго вида. Ты мой избавишель! говорилъ онъ пришед-

ши къ Силославу; клянусь тебѣ всѣмъ нашимъ собраніемъ и княземъ всѣхъ духовъ, что въ воздаяніе за твою ко мнѣ услугу проси отъ меня чего хочешь; я все для тебя исполню. Силославъ вышелъ изъ удивленія, въ копію оубо по освобожденіи духа находился, ошвѣчалъ ему слѣдующее: я вижу, что ты полномочной духъ и тебѣ все возможно. Ты заклался мнѣ своимъ собраніемъ и княземъ, что когда я спашу тебя о чемъ просишь, ты мнѣ ни въ чемъ не откажешь; я предложеніе твое съ охотою пріемлю: послушай же. Дочь сего государя находящаяся во власти одного шоварища... Онъ мнѣ не шоварищъ, перехватилъ духъ послѣшно, но полномочной нашъ повелитель, и князь духовъ. Ты желалъ ея освобожденія, только это невозможно. Я покусился было и самъ овладѣть ею, но за то посаженъ былъ на вѣчное заключеніе въ сію чашу, изъ которой ты меня освободилъ. Сей видимой шобойю образъ сдѣланъ для того единственно, чтобы я, имѣя его въ моихъ глазахъ, больше мучился; ибо взоръ мой проникаетъ и сквозь мраморъ; и

такъ я всегда смопря на него мучилоя несказанно; но шы освободилъ меня оиъ сего мученія; я шебъ вѣчно буду другъ и помощникъ, только прозьбы швоей исполнишь не въ силахъ. Въ эиомъ мѣснѣ долго миѣ бышь не можно, и такъ выбирай поскорѣе другую оиъ меня у-слугу. Силославъ ошчаявшисъ въ своей надеждѣ, не могъ ничего избранъ, кро-мъ освобожденія изъ сего мѣста. Духъ приказалъ ему взятьъ себя за одежду и шопчасъ вынесъ его на поле, пошомъ увѣрля его вшорично о своей помощи и дружбѣ, изчезъ.

Силославъ разставшисъ съ Крѣпо-станомъ и потерявъ своего коня, весь-ма сѣповалъ. Незнакомыя мѣсна и не-извѣсшой пушь смущали его мысли; однакожъ уповая на свою храбросиъ, не осшавилъ своего предпріишя, и положилъ ишши, но не въ свое опечесшво, а у-даляся оиъ онаго, слѣдовалъ по неиз-вѣсшнымъ сторанамъ. Сшрансшвуя очсшъ долго, нашелъ оиъ многочисленное воин-сшво порубленное мечемъ. Обширное и просшранное поле все покрыпо было мужескими шѣлами. Такое зрѣлище сму-щило его духъ и вселило въ него лю-

болытство. Онъ очень долго разсмапри-
валъ шрупы, которые находились въ
разныхъ положенiяхъ; наконецъ по се-
рединѣ сего умерщвленнаго ополченiя у-
видѣлъ онъ голову, подлѣ кошорой на-
ходилось щѣло, кошорого плащѣ и во-
оруженiе показывали его военачальни-
комъ, Голова сiя открывала и закрыва-
ла глаза свои испомденно; изъ чего
заключивъ, что она жива, спрашивалъ
ее, кого она представляла въ свой вѣкъ?
Я и щѣло лежащее подлѣ меня, ошвѣщи-
вала голова, называлися вообще
Роксоланомъ, и соснавлиа несчастли-
ваго владѣльца надъ несчастными под-
данными. Государство мое описаннѣ
онъ сего мѣста не болѣе какъ не шесшь-
десяти версти; въ немъ ишѣ уже ше-
перь никого изъ мужескаго пола, а на-
селяющѣ его свирѣпые звѣри, кошорые
въ нѣжномъ щѣлѣ имѣющѣ варварскiя ду-
ши, изверги изъ числа человѣковъ, раз-
вращенной родъ а именно жены; онѣ ихъ
злости и ненависти покрывающѣ шѣла
моихъ подданныхъ сiе поле, и я самъ
нахожусь полумертвымъ. Силославъ у-
слышавъ сiе, пришелъ въ неописанное
удивленiе и ужасъ, и не могъ преидущѣ,

чпобѣ не извѣститься о его судьбинѣ, чего ради просилъ Роксолана разказать его похождение. Роксоланѣ, или его голова согласилась на сіе охотно, и начала повѣсшвовашь такимъ образомъ: - - -

Однако въ самое это время всѣмъ намъ захопѣлось спать, и шакѣ ошложили мы Роксоланову испорію до другаго вечера.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЬ 3.

Приключенія Роксолановы.

До десятаго года владѣнія моего, говорила голова Роксоланова, государство мое находилось во всякомъ благополучіи и шпшннѣ. Я часно ополчался прошиву непріятели; искусшвомѣ, силою моею, и храбростію моихъ подданныхъ всегда одерживалъ надъ ними побѣды, опѣ чего распросширилъ границы моего владѣнія и наполнилъ землю мою богашисшвомѣ и всякими сокро-

вищами. Благоденствіе и жизнь моя и моихъ подданныхъ кончились такимъ образомъ :

Въ мирное время моего княженія въ прекрасной лѣпнѣй день вышелъ я нѣкогда съ супругою моею и съ нѣсколькими придворными сидѣль на крыльцѣ (*) моего двора ; тогда подошли ко мнѣ десяшь челоѣкъ иносѣранцовъ, одѣянные въ бѣлыя одежды, украшенные цѣтшиами. Десяль изъ оныхъ имѣли на себѣ платье изъ тонкаго и чистаго полотна, а десяшой, котораго видъ былъ прелестенъ и величественъ, имѣлъ одѣяніе флеровое шинное и украшенное нанѣжнѣйшимъ образомъ. Сіи сѣранники объявили мнѣ о себѣ, что они купцы и сѣраншвующіи по всему свѣшу ; причемъ просили моего себѣ покровишельства и дозволенія пребыть нѣскольکو въ моемъ государствѣ. Я же неопасаяся ничего и не предвидя своей гибели, принялъ ихъ весьма благосклонно, и къ пущему моему несчастію

(*) У древнихъ княжескихъ дворцовъ дѣлались оеобливо большія крыльца, которыя обыкновенно назывались красными, какъ намъ то и Московской Кремлевской дворецъ доказываетъ.

велѣлъ имъ успокоиться въ моемъ дворцѣ. Жена моя попомъ просила меня, чшобы я сдѣлалъ имъ благосклонность и посадилъ съ собою за столъ. Любя ее весьма много, не хощѣлъ я отказать въ ея прозбѣ. И когда настало время ужины, приказалъ я пригласить ихъ къ моему столу. Влегонъ предсталъ мнѣ шолько одинъ, (шакъ назывался одѣтый въ флеровое платье), и объявилъ, что другіе его рабы, а не шоварищи, и не могушъ имѣть чести за однимъ столомъ сидѣть съ нами; и шакъ ужиналъ онъ у насъ одинъ. Во время стола Влегонъ говорилъ шоль краснорѣчиво и разумно, что я плѣнился его достоинствами; онъ былъ шакъ прекрасенъ, что я описать не могу пріятности лица его. Горячность и любовь ко мнѣ княгини, супруги моей, ни мало не позволяла мнѣ сомнѣваться въ ея вѣрности; и шакъ я всегда выхвалялъ предъ нею Влегона; о разумѣ и о красотѣ его говорилъ съ великимъ восшоргомъ, не имѣя никакого подозрѣнія, не смѣлъ обидѣть ее и мыслю, и думалъ, что любовь ея ко мнѣ никакимъ прекраснымъ предметомъ разрушиться не можетъ.

Наконецъ увидѣлъ, что я надѣялся очень много : сердце ея не столько было твердо, какъ я объ немъ думалъ. Влегоиъ съ перваго взгляду столько ей понравился, что она почувствовала къ нему неизъясненную горячность. Непришворное съ мною обхожденіе преврилось въ ласкашельство и лести ; я началъ получать отъ нея необыкновенныя привѣшшвія, отъ которыхъ спрашное мое сердце распалилось еще пущею къ ней любовію ; прельщенные глаза мои не могли разобрать ея пришворства ; наконецъ сія же спрашная моя начала производилъ во мнѣ подозрѣніе : ибо вся бесѣда, все обхожденіе жены моей состояли только съ Влегономъ. Всякая минуша соединяла ихъ передъ моими глазами ; но я видя сіе думалъ, что еще начинаешся между ими любовь. Сколько тогда горешное мое сердце почувствовало муки ; когда увидѣлъ я, что жена моя имъ до крайности прельстилась. Тогда пришедъ въ бѣшенство и ярость, опредѣлилъ всѣхъ сихъ неспрашцовъ казнить ; но разсудя, что ешо для меня будешъ безславно и порочно, выслалъ ихъ всѣхъ изъ моего вла-

дѣнія, чтобъ шѣмъ удержатъ стремленіе моего несчастія ; но сколькожъ я тогда удивился , что ослученіе Влегона не произвело въ женѣ моей никакого смущенія. Она казалась всегда бытъ довольною и ни малѣйшаго знака не показывалось въ ней , чтобы она печалилась объ отсутствіи его. Въ такомъ случаѣ все подозрѣніе мое исчезло , и любовь усилилась еще больше въ моемъ сердцѣ. Я укорялъ самъ себя, что имѣлъ подозрѣніе на невинную мою супругу , и шакъ оспался спокойнѣ до того времени , которое открыло мнѣ мушныя и ослѣпленныя любовію мои глаза.

Въ жаркіе дни купывалася жена моя часто въ источникъ, находящемся въ моемъ саду. Съ позволенія моего пошла она вѣкогда къ оному. Я вознамѣрился пришедъ къ ней сдѣлать какую нибудь любовную шутку , думалъ я , что оное ей будетъ пріятно. Но какъ же я въ мнѣніи моемъ ошибся ! Подходя очень оспорожно къ тому мѣспу, увидѣлъ я нагаго Влегона сидящаго подлѣ источника и держащаго жену мою у себя на колѣняхъ также обнаженную ; они цѣловались и

дѣлали все то, чѣмъ бы она должна была дѣлать со мною. Немилосердое небо! вскричалъ я тогда, на что ты произвело владыцъ меня народами, когда позволишь отнимать у меня честь мою и славу? Я не могу изобразить, что мною тогда овладѣло; и думалъ, что это сонное мнѣ привидѣнїе, или мечта произшедшая отъ возмущенныхъ моихъ мыслей. На что я ни глядѣлъ, куда ни обращался, все мнѣ представлялось наполнено мерзостію и беззаконіемъ жены моей; она шоржесивовала въ объятіяхъ прелюбодѣя, а мое сердце обливалось кровію, и я не сколько что не могъ опмщевать моему злодѣю, но едва достигъ до моихъ черпковъ. Прибѣжавъ безъ памяти въ мою спальню, упалъ въ постелю и жертвовалъ моему несчастію горькими слезами.

Потомъ мало помалу выходя изъ моего унынія пришелъ я въ огорченіе и бѣшенство. Овладѣвшая мною ярость побуждала меня бѣжать въ садъ и собственною рукою погубить моихъ изменниковъ, и ушопить въ ихъ крови мою обиду и ихъ невѣрность. Но стыдъ раз-

славилъ себя измѣненнымъ женою не только владѣтеля, но и подданнаго бы чувствителью пронулъ. Я опредѣлилъ скрывать мое безчестіе, но положилъ непремѣнно покарать моихъ злодѣевъ. Влегона приказалъ я умершвишь шайно, а невѣрную мою жену бросилъ въ шемницу до шѣхъ поръ, пока справедливой мой гнѣвъ избереши ей достойное наказаніе; но приномъ повелѣлъ, чтобъ совершили моего мщснїя содержали все оное шайно.

На другой день начальникъ шемничной объявилъ мнѣ, что Влегонъ пропадъ и нигдѣ сыскашь его не могли, а у жены моей по всю ночь въ шемницѣ играла музыка и было великое пиршество. Услышавъ сіе, не зналъ я что подумать, и какъ расшодкованъ мое несчасіе; наконецъ по многимъ для извѣдыванїя своего размышленїямъ опредѣлилъ я будущую ночь самому бышь у дверей шемничныхъ. Сей день былъ приношенїе великой жерпвы Чернобогу (*); не медля

(*) Чернобогъ или Черябогъ: Славяне признавали его богомъ злымъ, приносили ему кровавую жертву и дѣлали ужасныя заманзїя, чтобы отвратить его гнѣвъ.

велѣлъ я изгословить все къ моему вы-
ходу и поѣхалъ въ храмъ. Какъ скоро я
идя оной вошелъ, жена моя стояла въ
своемъ мѣшѣ и въ великолѣпной одеж-
дѣ. Какому бы человѣку привидѣніе сіе
не показалось страшнымъ? и кто бы
могъ не возмущаясь мыслію сморщить
на сіе спокойно? Въ превеличайшемъ
смущеніи подошелъ я къ ней и спалъ съ
нею вмѣстѣ для того, что должнѣе
моя того требовала; и сверхъ всего,
чтобъ не подать народу дурнаго мнѣ-
нія. По окончаніи торжества возврашил-
ся я съ нею въ домъ и принужденъ былъ
сидѣть за однимъ столомъ, чтобъ
скрыть ото всѣхъ мое безчестіе; вну-
шенно доездовалъ я, а она веселилась,
и казалась какъ будто бы ни мало не
думаешь о своемъ пресупленіи. По
окончаніи пира ходилъ я самъ ко
дверямъ шемничнымъ, чтобъ увѣдомить-
ся, какимъ образомъ жена моя получи-
ла свободу безъ моего приказанія; но
двери нашелъ я заперты и неповрежден-
ную печать; воины же объявили мнѣ,
что она въ двери не выходила. Тогда
овладѣлъ мною страхъ, и я началъ про-
никашь въ этомъ приключеніи ничто

Часть I.

И

чрезъестественное, въ чемъ и не обманулся. Но прошедши того дня опредѣлилъ я ошмспнншь моей злодѣйкѣ. Когда уже настала ночь и все успокоилось, тогда я взявъ мою саблю пошелъ къ ней въ спальню. Подошедъ пошихоньку къ ей пошелъ ошкрылъ завѣсу. Но что я увидѣлъ? О боги! жена моя лежала въ объятіяхъ Влегоновыхъ. Запальчивость мною овладѣла, и я въ превеликой ярости занесъ мою руку, чпобѣ ихъ обоихъ лишишь саблею жизни. Но какъ шолько я замахнулся, рука моя окосиенѣла и бесь сдѣлался я неподвиженъ; языкъ мой опѣмѣлъ и всѣ окаменѣли члены. Они проснулись; жена моя взглянувъ на меня презришель но сказала съ насмѣшливымъ видомъ Влегону: давно ли эпошѣ испукаиѣ посшавленѣ у кровати? Послѣ чего вся ночь прошла въ язвипельныхъ миѣ насмѣшкахъ, и при миѣ происходили любовныя дѣйшвія. Разумъ мой досадовалъ, но члены мои не имѣли движенія: тогда мысленно просилъ я боговъ или отвраишишь сіе несчастіе, или лишишь меня жизни. Прозьба моя была напрасна и гласъ мой безсмертными не услышанъ. Но унчу они разсма-

ансь, а я остался съ моею нечувствительностью на томъ же мѣстѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ полуденъ услышалъ я плачевные голоса и ошчаянныя рыданія во всемъ моемъ государствѣ. Влегонѣ, пріѣвъ на себя мой, видѣ ѣздилъ въ Сенапѣ и поднималъ смерть всѣмъ знашнымъ окружающимъ княжескую особу боярамъ, и въ сіешо время производилась имъ казнь. Воиншеу моему приказано было выступить изъ города на сіе мѣсто, гдѣ невидимая сила поразила всѣхъ ихъ острымъ меча, и словомъ, въ одну недѣлю во всемъ городѣ не спало ни одного мужчины. Послѣ чего я приведенъ былъ на сіе мѣсто, и шумъ снята голова моя во всѣмъ ея понятиемъ и живосію съ моего шѣла, которое ты видишь подлѣ меня; и шому уже пятой годъ, какъ я прѣбываю на семъ полумерпвомъ одрѣ.

Когда я былъ веденъ на казнь, шотеспіе мое было такимъ образомъ: Напередъ шли десять человекъ, но это всѣ были духи въ бѣлыхъ одеждахъ и въ шакихъ точно, какъ предсказались

И 2

бель. Однакожъ Силосазъ не премѣнилъ своего намѣренія, и проспаясь до возвращенія съ Роксоланомъ, предпріялъ пушь въ обищаніе бесплодныхъ любовниковъ оъ шѣлесными прелестницами. Во время полуденъ разспзлся онъ съ нимъ, и на другой день въ самое то же время достигъ до его города. Онъ подходилъ къ нему съ той стороны, съ коюторой находилось въ мраморныхъ и подогихъ берегахъ не весьма малое озеро, по серединѣ коего удивительнымъ искусствомъ сдѣланъ былъ островъ. Оной не касался водѣ, хотя и казалось, что чешыре плавающіе дельфина держали его на спинахъ своихъ. На берегу по чешыремъ сторонамъ озера стояли неописанной величины чешыре испукана, которые какъ будто бы подъ шажкимъ бременемъ нагнулись, и имѣли черезъ спины на плечахъ желѣзныя цѣпи, и казалось, какъ бы они щащили что-нибудь изъ воды. На сихъ цѣпяхъ висѣлъ тойъ островъ: по серединѣ его находилось небольшое, однако великолѣпное зданіе изъ частаго и блестящаго хрустала; мѣлкая рѣзьба и часные етибы дѣлали при солнцѣ видъ блестя-

пей планшты. Кругомъ онаго посажено было лавровыми деревьями и исшуканами изъ шакогсѣ, какъ и здаше, ссешава. Силославъ очень долгое время па него смошрѣлъ, и искалъ способа подойти къ нему, шолько найши не могъ. Онъ обходилъ кругомъ сѣ озеро; и когда обошелъ на ту сторону, кошорая была къ городу, увидѣлъ прекрасное и увеселительное мѣсто, на коемъ стояли порядкомъ миршювыя, лавровыя и кипарисныя деревья, кошорыя просширались до самыхъ городскихъ воровъ: они дѣлали изъ себя видъ шакой прекрасной пущыни, гдѣ бы и сами боги почли за увеселеніе пребывать. Силославъ поспѣшалъ достигнушь въ середину онаго, гдѣ надѣялся найши чшо-нибудь больше еще достойнаго любованшва.

Но въ семъ мѣстѣ первой часъ по полуночи доложилъ намъ, чшо время опочивать; и шакъ сомкнувъ многоглаголивыя мои уста переешалъ я рассказывать.

(*)

И 4

ГЛАВА XIX.

В Е Ч Е Р Ъ 4.

Послѣдованіе Силославовыхъ похожденій.

Когда Силославъ пришелъ на самую середину оной благоуханной рощи, увидѣлъ шустъ семь великолѣпныхъ зданій, кошорья сдѣланы были необыкновенною рукою, и проходили больше на божескіе храмы и казались неосверзаемыми смершымъ. По срединѣ оныхъ сиялъ на блестящемъ подножіи фарфоровой саширъ, имѣющій въ правой рукѣ опкрытую чашу, изъ кошорой билъ рпушной ключъ. Разсыпающаяся ошъ сашира рпушь по низходящимъ сказамъ дѣлала неописанной блескъ и увеселеніе взору. Великолѣпныя шѣ зданія сияли вокругъ онаго водомеша, и каждое изъ нихъ имѣло у дверей по два крылатыхъ исшукана, кои имѣли видъ блестящаго свѣшнда, и казались движущимися. Прошневъ одного сего божескаго храма, кошорой казался выше и великолѣпнѣе прочихъ, сияло на такомъ

же подножіи крылатіе время, которое въ правой рукѣ держало часы, а въ лѣвой закрытую чашу. Силославъ побуждаемъ будучи пылкимъ своимъ духомъ открылъ ее; но какъ скоро снялъ онъ съ нее крышку, у всѣхъ зданій отворились двери и изъ всѣхъ иешукановъ начали бини ключи, которые превосходили высокою вервато; а изъ сей снани, которая предшлала время, превышало шремленіе ршши въ зданіи. Силославъ положилъ на подножіе крышку, кошлъ войши въ шо зданіе, предъ которымъ онъ стоялъ, однако воспреняшествовали ему иъкошорыя огражденія, кошорыхъ онъ не видалъ, и кошорыя были чище самаго воздуха. И шакъ вошелъ онъ напередъ въ самое крайнее, кошорое шакое имѣло украшеніе: вокругъ подлъ сшѣи сшояли сѣдалища для ошдохновенія, кошорыя были мягче самаго пуху; по серединѣ чешыре купидона держали на головахъ аспидную доску, кошорая имѣла видъ спѣла; по стѣнамъ, начиная онъ полу, сидѣли одушевленные купидоны, имѣвшіе въ рукахъ сосуды иные плоскіе, а другіе глубокіе; на плоскихъ сосудахъ лежалъ

виноградъ и всякіе превосходные плоды, кошорые имѣли свои корни подъ онымъ зданіемъ; въ глубокихъ сосудахъ находилось пресладкое пиіе превосходящее божеской нектаръ. Во вѣпоромъ зданіи снѣны наполнены были шакимиже купидонами, имѣвшими въ рукахъ музыкалыныя орудія; въ шреншемъ купидоны имѣли на рукахъ каждой по поршрену самыхъ наилучшихъ гб свѣпъ красавицъ; въ чепвершомъ купидоны же одѣтые въ разныя геронческія одежды, и казались, какъ будто бы хопѣли драться съ жеспокосердыми мущинами за власть ѣжнаго пола; въ пяпомъ имѣли всѣ смѣшныя виды и одѣянія, и сколько ни еспъ въ свѣпѣ пороковъ, держали оныхъ изображенія въ рукахъ, выключая роскошь; въ шеспомъ блеснуло великолѣпіе, богашспво и всѣ земныя сокровища. Тушъ видны были шолько одни головы купидоновъ; шѣла ихъ покрыто было золотомъ; грудь и препоясанія блвспали онѣ свѣщящихся алмазовъ; въ рукахъ же имѣли шѣ сокровища, кошорыхъ они на себѣ и подлѣ себя умѣспить не могли, и казались будшо они служили имѣ шолько для

одного насыщенія взора. Когда вошелъ Силославъ въ седьмое зданіе, то удивился онъ больше, нежели всѣмъ прочимъ: оно было имъ не подобно. Когда предвѣспница лучей багряная Аврора опроверзашъ свой храмъ испещренный и услащенный розами, то и попіѣ сравнишь ея съ симъ не можешъ. Полъ его сдѣланъ былъ изъ розъ, нарцисовъ и лилей, копорыя были услаены разводами, и дѣлали изъ себя пріятнѣйшую песпироту. Сей полъ былъ столько нѣженъ, что не могъ держати на себѣ Силослава; чего ради вышелъ онъ въ другую храмину смотрѣлъ изъ оныя въ сію и разсматривалъ всѣ ея украшенія. На стѣнахъ сего зданія, какъ будто бы въ рощахъ, сполли живыя деревца, на копорыхъ воспѣвали прекрасныя птицы прелеснѣйшими голосами. Индѣ горы, индѣ рощи, въ копорыхъ бѣгали малые и пріятныя зѣрки; индѣ являлась пріятная долина наполненная разныхъ видовъ и разнаго благоуханія цвѣтами. Ключи и источники извивались по стѣнамъ чистымъ хрушаламъ, и пріятное оныхъ журчаніе заводило сладкой сонъ; и сіе мѣсто именовалоса усюкоюемъ.

По срединѣ оного находилась серебряная съ водою лахаль, поддерживаемая золотыми львами, въ конторой чешыре Сирены на поверхности держали большую раковину, на коей послана была чешная и бѣлая морская пѣна или облакъ сдѣланной изъ прозрачнаго божескими очами эфира; на ономъ ибжитѣшемъ и прекраснѣйшемъ оубо, покровенномъ шонкимъ покрывалѣ, лежала нагая женщина неизвѣстенныя красоны; шѣло ея сшолько было ибжито, что ежели бы шончайшій Зефиръ коснулся ему крыломъ своимъ, шо думаю разрушилось бы сѣ ибжитѣшее сошвореніе: она сшала, а поддерживающіе ее Сирены шихимъ и пріяшнымъ голосомъ воспѣвали божескя дѣла и шѣмъ наводили ей сладкой сонъ; въ головахъ сшояли два кунидона и держали раскрышую книгу. Хошя она и неблизко была къ Силославу, однако онъ могъ разсмошрѣшь оной письмена. Оглавденіе книги было шакое: „ пожелай и исполнища „.

Послѣ оного первое слово сшяло въ книгѣ громъ, второе шинина, и шавъ далѣе. Силославъ по сшасшю сво-

ему пробѣжалъ первое польско глазами, а второе произнесъ шнхимъ голосомъ; шншина. Какъ скоро онъ сіе выговорилъ, шо Сирены, шншцы, шшочники, водомешы, словомъ, все ушшло. Спящая на облакъ красавица спусти нѣсколько времени проснулась: ибо сдѣлавшаяся шншина перервала пріятное шеченіе ея сна. Проснувшись окинула глазами повсюду, и шшчасъ усмотрѣвъ спящаго Силослава, спросила повелительнымъ голосомъ: Кто ты, и какъ ты дернулъ пріипни въ сіе запрещенное мѣсто? но разумной его ошвѣшъ, прекрасное лице и прелестной голосъ шшчасъ перемѣнили ея гнѣвъ на учтивство. Послѣ чего выговорила она пріятной шумъ. Вдругъ сдѣзлось по прежнему; Сирены и шншцы зашѣли, водомешы начали свое шпремленіе, на шшвахъ все, опяшь оживошворилось, а передъ нею предшали пашъ купидоншвъ, изъ коихъ шрое пѣли, а двое играли на свирѣлкахъ. Войди сюда, сказала она Силославу пріятнымъ голосомъ, и успокойся ошъ солнечнаго зноя. Силославъ немедлѣнно исполнилъ ея повелѣніе, и шелъ по шшму же полу не вреда его, кошорой прежде не могъ

его на себѣ держати. Слѣбъ съ позволенія ея на вершину оной горы, кошора при подошвѣ стѣны находилась. Распросивъ всѣ его похождения, и увѣдомясь дѣйствительно о немъ, ударила въ ладоши: вдругъ предспали двѣ дѣвушки съ великолѣпнымъ одѣянїемъ. Одѣвшись въ оное просила Силослава, чшобы онъ послѣдовалъ за нею: она кошѣла показавъ ему всѣ свои великолѣпія. Силославъ просилъ ее, чшобъ она дозволила побывавъ ему въ шомъ зданїи, копорое спояло на озерѣ; однако она отвѣчала ему, чшо яшого ей сдѣлать не возможно. Мое владѣніе, говорила она, населено одними только женами, и ты можешь получишь въ немъ всякое увеселеніе, какое только вообразишь можешь. Я буду тебѣ сама покровительница, и буду защищать тебя отъ всѣхъ шѣхъ случаевъ, копорыхъ тебѣ опасаться надлежитъ. Ежели ты не успрашишься и положишься на мое обѣщаніе, я открою всѣ тебѣ приключенія, копорыя производяшъ въ моемъ государствѣ. Неуспрашимый Силославъ отвѣтствовалъ ей, чшо ничто его на свѣшъ устрашить не можешь; величественная его осанка и безспраше

глазѣ его не позволяли ей больше сомнѣваться въ его ошвѣщѣ. Въ вечеру каждаго дня, говорила она, посвящаяи мой городѣ духи, и принимая на себя видѣ смершныѣ, веселялся о нами. Все сіе великолѣпїе и всѣ зданїа поспавлены ими для моего увеселенїя; а по а въ кошоромѣ ты желаешь бышь, совсѣмѣ не въ моей власни. Когда приходишь ко мнѣ мой любовникѣ, тогда провождаемѣ мы время въ ономѣ: оно со всѣмѣ шимѣ не подобно, а имѣенѣ въ себѣ украшенїе въ пять разѣ лучше; и когда мы съ нимѣ разсѣаемся, тогда занираемѣ оиѣ его самѣ, и нѣмѣ мнѣ способу бышь въ ономѣ. А какѣ ты не можешь имѣшь съ духами сообщенїя, по я въ по время буду сохраняишь себя въ извѣсшномѣ мнѣ мѣсшѣ, гдѣ никзкого вреда приключишь тебѣ не можешѣ. Силославѣ положившись на ея обѣщанїе, послѣдовалѣ за нею въ городѣ. Когда они пришли шуда, тогда насшавало уже время ночи; слѣдовашельно Силославѣ немогѣ ни о чемѣ извѣсшншсь, какѣ только о шой, съ кошорою снѣ пришелѣ: она была государыня сего мѣсшца и супруга Роксоланова и именова-

лась Прелесною. Когда уже надлежало скоро прибыть въ городъ духамъ, тогда нѣсколько придворныхъ женщинъ по повелѣнню Прелесны препроводили его въ великолѣпной и огромной домъ, коимъ находился въ саду и былъ пущенъ въ семь домъ Силославъ препроводилъ всю ночь, и не зналъ, что происходило въ городъ.

Онъ опочивалъ въ превеликой залѣ на мягкомъ и покойномъ ложѣ. Въ срединѣ ночи нѣкошорой снукъ прекратилъ его сонъ: онъ производилъ въ другихъ покояхъ и опазывался такъ, какъ надобно урываясь ишии челоуѣку. Силославъ думалъ, что кто-нибудь имѣетъ до него дѣло, чего ради вспалъ и дожидался сядя. Когда подвинулся спущенъ къ залѣ, при помощи слабого сяннѣя онъ одной лампы увидѣлъ Силославъ, что вошелъ къ нему ужасной величины ошновъ; и такъ вмѣсто того, чтообъ испужашься, легъ онъ опять на свою пошешю, по шому что съ одними коспями не надѣялся имѣть ни дѣла, ни разговора, лишь шолько сожалѣлъ, что ошновъ его разбудилъ. Съ коспяное пушгалище подошедъ къ нему положило на

грудь къ нему руку и начало его шакъ давишь, чпю погнуло на Силославъ лашы. Силославъ сполько на сѣе подосадовалъ, что вставъ ухватилъ его поперегъ и бросилъ въ двери, изъ копорыхъ лешя, растворилъ онъ еще шрое, кон находились прямо другъ за другомъ. Пошомъ въ скоромъ времени увидѣлъ онъ освѣщенными дальнѣе покои, изъ коихъ шли къ нему нагередъ двое въ долгихъ черныхъ епанчахъ съ распущенными на головахъ большими шляпами, съ копорыхъ до полу висѣлъ бѣлый флеръ; въ рукахъ имѣли свѣшнильники и казались погруженными въ глубокую печаль; за ними слѣдовали шесшь въ шакомъ же одѣяннѣ имѣвшѣе въ рукахъ книги; за сими чешыре въ невольничьихъ плашьяхъ; головы ихъ были обрипы и посыпаны пепломъ, слезы капилися по лицамъ ихъ, и стenanія ихъ раздавалися по всему дому. Пошомъ престарѣлой мужъ и шакихъ же лѣшѣ жена били себя идучи въ груди, рвали на себѣ волосы, кусали свои персны и вопили опчаяннымъ голосомъ; за ними двое вели обнаженную женщину; она была вся избита

Часть I.

I

и кровь текла по слѣдамъ ея; за нею слѣдовали двое, которыхъ видѣ казался яростію и мщеніемъ: въ рукахъ имѣли они кровавые и утыканные илами бичи, которыми били немилосердно прекрасную эту женщину. За ними слѣдовалъ человекъ одѣтый въ великолѣпную одежду; за нимъ нѣсколько обнаженныхъ женъ, которыхъ также терзали бичами, какъ и первую, которая увидя Силослава, вскричала въ отчаяніи: Силославъ! оми шебя; спаси мое спасеніе и за шебя я принимаю сіе мученіе. Силославъ весьма удивился, когда узналъ, что это была Прелесна. Въ великомъ будучи изумленіи, бросился къ ней и спрашивалъ, чѣмъ было тому причиною. Но она будучи избѣязвлена, не могла ему отвѣтствовать. Онъ подошедъ къ тому человеку, котораго надѣялся бышии велителемъ. Это былъ Влегонъ, но тотъ ему также неопвѣчалъ, и только приказывалъ мучиши Прелесту. Силославъ не могъ снести сего варварства и озясь на Влегона, ударилъ его столь сильно, что онъ собою сдѣлавъ на полу проломъ, въ ономъ исчезъ.

а вмѣсто его явилось мраморное под-
ножье, на копоромъ сшояли слѣдующія
слова: „да буденѣ мщеніе мое надъ
шобою опшнѣ и до вѣка“, Послѣ
чего пропали и прочіе духи и оспался
шолько шошѣ преснарѣлой мужѣ съ
своею женою. Сѣи были родшпели Прелесны,
а чешверо вѣ невольническомѣ
планшѣ родные ея браншья. Все сѣе прѣ-
угошовленіе и шоржешвенный ходѣ
сдѣланы были для шого, чшобѣ у-
спрашншѣ Сшослава. Бѣдные сродни-
ки прежде всего сшарались о жизни
Прелесны, и всѣ соединенными силами
помогали избавншѣ еѣ ошѣ болѣзни.
Когда нѣскольکو начала она себя чувс-
швовашѣ и собнраншѣ свои силы, тогда
родшпелѣ ея благодарнлѣ Сшослава за
избавленіе нхѣ ошѣ смерти: ибо на-
значена была всѣмѣ нмѣ казнѣ
ошѣ Влешона, и они долженшво-
вали прекрашншѣ свою жизнь вѣ сѣю
ночѣ. Влешонѣ увѣдомншѣ, продол-
жалѣ ошѣ, чшо дочѣ моя презрнла
свое совѣщаніе и прннрла кѣ себѣ ино-
шранца, кѣ копорому вмѣсто смерш-
ной казни за его дерзоснѣ, почувсшво-
вала любовь и успокоила его вѣ сво-

емѣ домѣ, опредѣлялъ лишить ее жизни; а чинобѣ больше удовольствовавши свою ярость, принесли и насѣ изѣ моего владѣнія, и ты видишь во мнѣ обладашеля Ахропа. Силославѣ всемъ сожалеаѣ о несчастіи ихѣ, и радовался что избавилѣ ихѣ отѣ смерти; попомѣ возвратились они вѣ черноти Прелестины, и препроводили всю ну ночь во вспомоществованіи ей и вѣ утѣшеніи другѣ друга.

Но ушру вознамѣрился припесн великую жершву Чернобогу, яко богъ влыхѣ духовѣ, чинобы ошвратишь ихѣ гиѣвѣ; чего ради поразсвѣщаніи дн предспаа они вѣ храмѣ, а за ними весь городѣ. Сей храмѣ спояа ихѣ при горкѣ, сооруженѣ изѣ чернаго мрамора и отѣ вершины до полу просширалис серебряныя полосы на подобіе бѣлой шесемы. Сѣмъ шесемъ сошглася на верху вмѣстѣ и были завязаны узломѣ, за кошорой держался крылатой исмуканѣ, и казалось, что будно бы тошовилс под и шѣ его и носилс по всей вселенной; отѣ уѣ храма насаждена была словая вынаисная роца, кошорая имѣла видѣ непроходимой и ужасной пустыни; чорѣ

ные яшуканы, жерпвенники, посыпанные пепломъ, стenanіe плѣтниковъ, копорыхъ приносили въ жершву, представляли ее адомъ. Въ преддверіи храма, когда вошелъ въ оное Сидосланъ съ Прелестюю и прочими, увидѣлъ споящихъ чешырехъ юношей въ бѣлыхъ одеждахъ; они изгошовлены были на жершву; внутри на стѣнахъ храма изображенъ былъ пылающій адъ, въ которомъ разными муками и разнымъ видомъ мучимы были злые смершныя дьяволами. Исшуканъ Чернобоговъ споялъ по срединѣ храма между чешырехъ покрышыхъ столповъ на пресполѣ сдѣланномъ изъ мешалла; подъ правою ногою лежала у него на боку корона, подлѣ ея мершвая человѣческая голова и волшебныя таблицы; по лѣвую военныя оружія и пламенные адскіе блячи; передъ пресшоломъ лежали двѣ фуртіи и сморпѣли на Чернобога, показываясь внимающими его повелѣнія и вспающими для исполненія его приказовъ, чшобъ мучишь беззаконниковъ. Сей кумиръ сдѣланъ былъ изъ красной мѣди, кошорая имѣла больше черношны, и шѣмъ показывала свирѣпосшь его гнѣва; внутренносшь его была пуспа, и изъ-подъ

Престола часто вылетающей пламень наподнялъ собою кумиръ, кошорой поминутно являлся воспламененнымъ и пошусклымъ; ужасъ лешалъ по всему храму, и входящѣе во оной шрепешали отъ страха, и черезъ шо завсегда пеклись ошвращаться злыхъ дѣлъ.

По учрежденіи въ храмъ торжеспи-ва ввели обѣявленныхъ чепырехъ юношей для закланія. Сей народъ имѣлъ обыкновеніе похищать дѣшней изъ чужихъ владѣній и приносишь ихъ въ жершву. Закадали изъ нихъ по одному передъ престоломъ, и кровію ихъ кропили храмъ, а изъ народа каждой обмокала во оную перспѣ свой, мазали ея свое шѣмя; попомъ положили ихъ на костеръ и зажгли оной. По восхожденію дыма узнавали божескія судьбы. Въ сей день предзнаменованіе показалось имъ изряднымъ, чего ради хвалили Бога на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ и голосахъ.

Но въ ссмѣ мѣспѣ я усмошрѣлъ, что всѣ начали дремашь, шакъ и мы легли спашь.

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЬ 5.

Продолженіе похождения Силослава.

Силославъ по возвращеніи изъ храма имѣлъ довольно времени рассмотреть всѣ покои дворца Роксоланова, въ которыхъ онъ нашелъ все, что ни есть наилучшаго въ свѣтѣ. Прелестна же помощію лѣкарствъ получила сколько силъ, что могла бытъ въ храмѣ и сидѣтъ со всѣми за жершвеннымъ столомъ, по обычаю тогдашняго времени; во время ихъ пированія объявили Прелестнѣ что вошло въ городъ многочисленное воинство; и еще вѣспникъ не докончалъ своихъ словъ, какъ увидѣли со множесивомъ вельможъшедшаго къ нимъ Роксолана. Онъ бросился къ ногамъ Силославовымъ, не взирая на свой высокой санъ, и благодарилъ его за избавленіе свое и подданныхъ; потомъ когда онъ всмалъ, Прелестна упала передъ нимъ на колѣни и облившись слезами просила ошпущенія своей вины, о чемъ также просилъ и Силославъ. Роксоланъ будучи въ неописанной радости

и склоняясь на прозбу своего избави-
теля, прости въ великодушно во всемъ
Прелеспу, и просидъ ее отъ сокру-
шеннаго сердца, чпобы она послѣдо-
вала добродѣтели, и бѣгая тиранства
и пороковъ, прибѣгнула къ своей дол-
жности. Тодъ великое его великоду-
ше произвело въ ней жестокое грызе-
нiе совѣсти и раскаянiа въ мерзкомъ
ея поступкѣ, и которее напоследокъ
сдѣлало ее вѣрною до гроба своему
супругу./

Влегонъ когда оставилъ Прелеспу,
то ожилъ дворилъ Роксолана и все его
воинство, чпобъ оныя пришедъ въ го-
родъ мстили женамъ своимъ за ихъ
безчеловѣчной съ ними поступокъ; од-
накъжъ всѣ подданные послѣдовали при-
мѣру своего государя, и просили женъ
своихъ также великодушно. Когда про-
исходило возстановленiе мира въ госу-
дарствѣ, тогда Силославъ препрово-
дилъ у нихъ еще семь дней, но безпо-
коился повсеминушно о возлюбленной
своей Прелѣпѣ, помышлялъ всякой часъ
осмотрѣть городъ и ѣхать искать ее
по неизвѣстнымъ сторонамъ. И такъ
началъ пригошовляться въ пушь. Рок-

соланъ не зная чѣмъ служить своему
 другу и избавишю, просилъ его, что-
 бы онъ согласился что нибудь взять
 изъ его сокровищей въ знакъ памяти и
 преславной его ему услуги. Сидославъ
 не хотя сдѣлать ему неудовольствія,
 оупешиствовалъ ему, что онъ согла-
 шается на его предложеніе и просишъ
 шолько позволенія выбрать самому о-
 ной подарокъ. Роксоланъ съ окошю на
 шо согласился, а Сидославъ желалъ
 себѣ одного шолько сильнаго и крѣп-
 каго коня, Роксоланъ былъ весьма сему
 радъ; ибо онъ имѣлъ у себя славнаго
 богатырскаго коня, на которомъ самъ
 не могъ ѣздить, и конюшю осмался
 ему послѣ отца его; и шакъ просилъ
 онъ Сидослава вышши съ нимъ на нѣ-
 сколько разстоянія отъ города, гдѣ
 обѣщаль служить ему шѣмъ, чего онъ
 отъ него потребушъ. Потомъ пришли
 они къ подошвѣ не весьма возвышен-
 ной горы, на которой стояли въ окру-
 жении девять дубовъ, по серединѣ ко-
 торыхъ лежала каменная плита съ же-
 лѣзнымъ кольцомъ. Роксоланъ поднявъ
 оную просидъ Сидослава слѣдовать за
 собою. Посемъ они сошли въ нѣкощю

рое подземное зданіе, которое все увѣшено было богатырскимъ снарядомъ, услышали необычайный шумъ. Роксоланъ объявилъ Силославу, что шумъ конь, котораго онъ желаетъ подарить ему. Силославъ весьма обрадованной бросился шумчасъ къ оному и вывелъ его на поверхность земли. Ошвязанной солнцевъ конь онъ яслей не только бываеиъ бодръ и шроенъ, какъ сей: онъ вмѣсто пламени дышалъ чернымъ дымомъ; и когда бодрился, то зыблилась подъ нимъ земля; подымающіяся его ноги не намѣрились сипупанъ по землѣ, а казались желающими подыманъ въ облака; распущенной его хвостъ и грива служили ему вмѣсто крыльевъ; сила же шоль была велика, что вмѣсто чешырехъ солнечныхъ коней, могъ бы сей и одинъ возишь его колесницу, ешьлибъ былъ шолько безмеренъ. Силославъ благодарилъ, Роксолана и возвратился съ нимъ въ городъ, гдѣ ондаеъ должное почшеніе ему и всему его племени, къ великой ихъ прискорбности и неописанному недовольствію на другой день при раз-

свѣтанїи днѣ распался съ ними, и ославилъ сей городъ, кошорому онъ далъ прежде быше и возвратилъ жизнь Роксолану и всему его воинству.

Выѣхавши изъ города, слѣдовалъ Сидославъ по незнакомымъ мѣстамъ. Помощію сильного своего коня онъ ѣхалъ онъ на весьма дальнее разстояніе отъ города; наконецъ ушомясь полудневымъ зносомъ искалъ прохлажденія своего подъ древесною шѣнію, и въ шомъ мѣстѣ подѣзжалъ къ нѣкошорой видимой имъ рощѣ. Выѣхавъ въ оную нашелъ при рубежѣ ея рѣку, кошорая текла споль тихо, что вода ея казалась масломъ, наклонившися надъ нею деревья прикрывали ея воды отъ солнечныхъ лучей и дѣлали шѣмъ берегъ ея прѣшпымъ мѣспомъ успокоенія. Сидославъ прельсился сею роскошью, вознамѣрился сойти съ коня и жаждущаго его напоить водою, самъ сѣлъ подъ шѣнію одного кудряваго и густаго дерева; осмаприваясь повсюду любовался на прекрасное строеніе природы; удивлялся рѣчнымъ берегамъ покрытымъ зеленою шравою на подобіе разноцѣш-

нымъ коврамъ , по копорымъ упомя-
 шіеся онѣ зноя звѣри бѣгая играли и
 кундись въ рѣчныхъ струяхъ. Сило-
 славъ разсуждая обѣ ихъ ненужливости,
 заключилъ изъ того , что сіе мѣсто
 необычемо и населено одними только
 дикими звѣрами и птицами ; но въ са-
 мое то время увидѣлъ чешырехъ дѣво-
 чекъ , копорыя вели пощъ чешырехъ
 овечекъ на розовыхъ лепшочкахъ. Си-
 лославъ очень шому удивился и спра-
 шивалъ ихъ , откуда они? Мы изъ зам-
 ка нашей госпожи , опвѣншвовали онѣ ,
 копорой опсмоншъ опсюда не далеко.
 Силославъ во всякомъ мѣспѣ надѣялся
 получишь извѣстіе о Прелѣнѣ , чего
 ради послѣдовалъ за ними. Они очень
 скоро пришли въ шонѣ замокъ , копо-
 рой споялъ почти на берегу къ вер-
 шинѣ сей рѣки. Одна изъ шѣхъ дѣво-
 чекъ побѣжала напередъ и сказала въ
 домѣ , что хочешъ посѣшншъ ихъ про-
 ѣзжій. Силославъ увидѣлъ на крыльцѣ
 двухъ женщинъ въ богатыхъ одеждахъ ,
 и сколько плаше ихъ было великолѣп-
 но . сполько и онѣ прекрасны были ви-
 домѣ ; онѣ вышли вспрѣшншъ его и съ
 великою учпшвосшю ввели въ покои , и

старались угостить его всѣмъ пѣмъ, чего бы онъ ни пожелалъ. Великолѣпнѣе замка, необыкновенныя и превосходящія имѣннѣ царское украшенія подари Сидославу нѣкошорое сомнѣннѣ : онъ началъ думать, что шунъ обипаешъ какой - нибудь государь оставившій свѣннѣ и посвятнвшій себя уединеннѣ : за ужнномъ имѣлъ онъ разговоръ со вснрѣшнвшнми его женщннами : ибо шрое шолько было ихъ за споломъ. Оннн обвнвали ему, что замокъ, нн называешся домомъ угощеннн ; обладашешннца онаго ешн дѣвннца, ихъ государыня, кошорая, имѣя менсчешнныя у себя сокровнща, упошребляешъ ихъ на вспоможеннѣ пупешешнвшнмъ ; всякой шранннкъ можешъ имѣшъ у нсе прншннннше хошя до конца его жнзнн. Вы шенерь въ шакомъ мѣспѣ, прнмолвнли онъ, гдѣ добродѣшель, шннзхожденнѣ и млосшн опшкроющъ вамъ всѣ швои богашншва ; н ешншли вы желаше, шо все, что вы нн внднше, можеше себѣ прншвошшъ. Сидославъ, чтобъ оказашъ учшнвшую благодарншшъ за шакое невображаешое шннсхожденнѣ, кошораго нн гдѣ получншъ онъ не надѣялся, благо-

дарила ихъ наичувствительнымъ образомъ; а объявленные женщины во время всего снола дѣлали ему новыя обѣщанія, и послѣ ужины, оказавъ ему свое почтеніе, равно какъ своему государю, оснавали его; потомъ два служителя повели его въ покой, въ которомъ приготовлена была для него великолѣпная постель, на коей препроводилъ всю ночь въ неописанной тишинѣ и удовольствіи; утомленные дорогою и безпечальствомъ его члены тотчасъ принудили окончаніе живое стремленіе мыслей и ошдались во власпъ покрывающаго ихъ сна.

Когда настала день, опредѣленные служителями принесли Силославу покойное упреннее платье; причемъ докладывали ему, что не изволилъ ли онъ омыться благовонными водами. Силославъ на то согласился. И такъ повели его въ садъ, гдѣ стояло не большое зданіе на подобіе гроба, коего стѣны сдѣланы были изъ чистой мѣди и снаружи умѣренно раскалялись пламеномъ; полъ уланъ былъ мягкою пружиною, и для ошдохновенія стояло усыпанное благовонными цвѣтами ложе.

Когда Силославъ пошелъ въ него, раздѣвшись, тогда служишель ошвернулъ ключъ, кошорой находился по срединѣ; тогда началъ бить благовоинной водомешъ и орошашъ все сѣны, онѣ чего поднялся легкой и прѣяшной паръ, наполнивъ все зданіе шеплошою; тогда, казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крыльями Силославово шѣло и мягкими своими ушами пускали на него полуденную шеплошу. Въ такой покой роскоши почувсвовалъ Силославъ нѣжнѣйшее расслабленіе членовъ и сладкое млѣніе души. Рабъ ошворилъ другіе водомешы, изъ кошорыхъ полилась вода на Силослава благовоинѣе и прозрачѣе Аврориныхъ слезъ, онѣ коея распусившееся онѣ пару шѣло его намѣсно крѣпоспи наполнилось прѣяшсшвомъ и нѣжностію. Немалое время лежалъ онѣ на мягкомъ шомъ ложѣ, которое ему упомянутому нѣжностію не позволяло всшашъ на ноги, во время чего наслаждался онѣ прѣяшностію музыки; водяные органы, сдѣланные удивительнымъ искусшвомъ, усыпили Силослава прѣяшнымъ своимъ звукомъ. Послѣ сего всшавъ онѣ и одѣвшись въ

и жное и легкое платье, въ кошоромъ походилъ больше на Адонида, нежели на Ироя, возвратился въ покои, въ коихъ всирѣшили его двѣ женщины въ бѣлыхъ одѣяняхъ: онѣ были споль прекрасны, что еспѣлибы Силославъ не отдалъ сердце свое Прелѣпѣ, но конечно бы посвятилъ его кошоройнибудь изъ оныхъ: онѣ его проводили къ сполу, за кошорымъ все было глазамъ его прелесивно; кушанье, разговоры, собесѣдницы, музыка, все наполнено было великолѣпемъ и нѣжностію. Послѣ половины дня, когда солнце удерживало свои лучи и больше уже не раскаляло оными землю, тогда предложили ему, не изволишь ли онѣ прогулянься въ саду. Онѣ съ охотою на то согласился и шакъ повели его въ оной. Когда пришли они къ ворошамъ садаымъ, тогда увидѣлъ Силославъ удивительное сплешеніе искусствомъ человеческихъ рукъ. Вороша сѣи имѣли въ ширину десяти лаконѣ, а въ высоту пятинащцати: они сдѣланы были наподобіе рѣшотки, кошорая сплешена была разными узорами и съ разными изображеніями животноныхъ изъ чистаго и прозрачнаго

яшаря ; въ саду дороги , цвѣтники , накры и испуканы прищягивали къ себѣ взорѣ и принуждали осипаваться шупѣ до конца жизни . Все сіе приводило въ восхищеніе Силослава : а что больше наполнило его удивленіемъ , то было сіе : Садѣ окруженѣ былѣ сѣ шрехѣ сторонѣ хоромами , кошорыя посшроены были въ шри жилья ; въ каждомѣ окнѣ сидѣла великолѣпно одѣшая красавица , кошорыхѣ находилось больше тысячи : онѣ были сшоль прекрасны , что казалось Силославу , будтобы природа сшаралась собирать пріятности со всего свѣша и заключила ихѣ въ семѣ мѣсшѣ ; онѣ не зналъ кошорой дашь изѣ нихѣ преимущественно ; глаза его лешали по всѣмѣ , и находили все шю , чего не видѣли они прежде ; всякая красавица исполнена была прелесшми и видѣ ея показывалѣ склонность къ Силославу ; глядя на него усмѣхались сѣ пріятностію и казались желающими сшу понравиться . Прельщенный Силославѣ млѣлъ и не хотѣлъ осшавить сего мѣсна ; чего ради сѣвши будшо для ондохновенія на дерновую лавку , спрашивалѣ у своихѣ собесѣдницѣ , кошорыя

Часть I.

К

его провожали, какое божество собрало къ нимъ только прелестей, и какая непоснижимая сила наполняетъ сіе мѣсячно споль невоображаемою нѣжностію и великолѣпіемъ? Я думаю, продолжалъ онъ еще, что здѣшній воздухъ не услаждаетъ сего мѣсяца, но самъ услаждается зыбляся на вѣтрихъ нѣжностей? И предвѣстница Свѣшовидова (*),

---

(*). Свѣшовидъ . или Свѣшовидъ , или Свѣшо. вичъ богъ Солнца, либо войны, имѣлъ храмъ въ Ахронѣ Славенскомъ городѣ , къ себѣ жатели и ризался Ругянами. Каждой годъ Ругяне какъ мужи, такъ и жены приносили въ храмъ подати по чиняю; кумиръ былъ огромн и величины еѣла нѣ изъ дерева и четырехъ лицахъ на подобіе фноря, и со всѣхъ сторонъ образъ его видѣть было можно; не имѣлъ бороды и былъ съ завитыми кудрами по обыкновенію Славянъ Ругянскихъ въ длинной одеждѣ даже до ногъ, держалъ въ правой рукѣ рогъ изъ металла. Оной рогъ исполнялъ брадаш и священникъ виномъ съ великими и торжественными обрядами и такъ оставлялъ до утра. По утру по умаленію или несумаленію вина гад тайствовалъ, будуще ли, или нѣтъ предбудущій годъ изобилуетъ. Се же идола лѣвою рукою подперлася и имѣлъ на бедрѣ великой и украшенной мечъ, и въ споронѣ оной руки лежали узды и седло его коня кумиръ стоялъ середѣ каплицы находящейся по срединѣ храма, завѣтной

я чаю, не спыдидиша восходя на небо, что усмашириваешъ здѣсь превосходящихъ себя въ красотѣ? А свѣтъ носецъ Фебъ не премѣнно оспанавливаешъ своихъ коней, когда проиѣкаешъ мимо сего мѣста, и оспанавляешъ его съ прискорбиносипію, однимъ словомъ: скажише мнѣ, съ смер-

К 2

со всѣхъ сноровъ краснымъ и богато украшеннымъ вѣломъ: одинъ только жрецъ наступивши годъ въ день праздника одна въ капальцу удерживая дыханіе; когда хотѣлъ отдохнуть, то выбѣгалъ и дѣржалъ каплицы и выставляя голову дышалъ, дабы не оскорбить божество дыханіемъ смертнымъ. Сему идолу посвященъ былъ бѣломъ конь, у коего изъ гривы и изъ хвоста не позгла съ ни единого выдернуть волоса, ниже сѣсть на него, кромѣ жреца: ибо народъ вѣрилъ что свѣтовидъ на немъ вѣдилъ для пораженія ихъ неприятелей во время войны; во увѣреніе чего прдлагалось ѣ стойлѣ что когда оставляли его вычищенного и привязанного, то находили часомъ по утру вспотѣшаго и эмараннаго, какъ будто кто на немъ вѣдилъ ночью въ дальній путь. Отъ путешествія его предвѣщали счастливой и худой коней своихъ рашей; а для окончанія гаданія выпыкали стоямъ передъ храмомъ шесть коней въ зедю по два въ рядъ одно подлѣ другаго въ равномъ разстояніи и ко вселкой двойнѣ привязывали одно къ е попе, егъ такъ высоко, какъ можно коню безъ

пными ли я нахожусь здѣсь, или бессмертными? Мы уведомили уже шебя, государь, что наша обладательница, онѣшествовала провожаемая. Замокъ эношѣ весь населенъ женщинами, и наша должность принимаеъ чужестран-

пачганія перешагнуть; и потѣ въ уста, новленной день сего дѣйствія жрецъ по прочтеніи долгихъ и торжественныхъ молитвъ, взявъ съ великими обрадами к на узду переводилъ его черезъ три сныя лю. перечныя клявья; и ежели перешагалъ рсѣ при правую ногу безъ помѣшательства съ лѣвою, то знакъ былъ доброй, а итѣ помѣшательства худой. Изъ всѣхъ полученныхъ користей давалось идолу претѣя часть; кромѣ того давалось еще для по. чести ему при спа коней и при спа чело. вѣкъ съ его стороны на войну, и онѣмъ всю добычу вручали жрецу, к торъ все то въ Свѣтовидово сокровище клалъ, откуда ни малѣшей части не позволялось вы. нуть. На всякой годъ по собрани до. х. донѣ приносили ему въ жертву множество скота и птицъ Христіанъ, о коихъ утверждалъ жрецъ, что весьма ихъ кро. вью идола услаждаетъ; послѣ оной жертвы приносили большой кругъ и пироги сѣлан. ной изъ муста, въ котромъ могъ вмѣ. ститься человекъ: въ оной вшедши жрецъ спрашивалъ громкимъ гласомъ людей, ви. дятъ ли его? Всѣ отвѣтствуютъ нѣтъ, а онъ оборотился къ идолу молить ег, чтобъ въ в. р. д. будущій годъ хотя мало его увидѣли.

довѣ и оныхъ угощать по ихъ снзволению; и ежели ты имѣешь намѣреніе препроводить здѣсь свой вѣкъ, шо можешь пользоваться всѣми этими красавицами, онѣ будутъ всѣ во власни швоей Чшоужѣ касаются до нашей государыни, она повелѣваетъ нами, а мы ея подданные; сколько она насъ выше сапомъ, сколько и красота ея превосходитъ нашей; ты не можешь вообразить ея прелесней, и всякой увидѣвъ ее захочетъ лучше лишиться жизни, нежели распаться съ нею, для чего и ты увидѣвъ ее не можешь; она не показывается никому въ свѣтѣ: однакожъ мы опасаемся, чшобъ и одно воображеніе о ея красотѣ не вспревозмогло твоихъ мыслей и не родило бы въ сердцѣ швоемъ непобѣдимой любви. Но свирѣпоснѣ такая болѣе въ ней для шого, что она имѣетъ у себя любовника, кошорому посвятила жизнь свою и сердце навѣки, и желаетъ лучше умереть, какъ учинить ему малѣйшую невѣрноснѣ: но ты ешьли только желаешь, шо можешь здѣсь найти довольно красавицъ, кошорым не менѣе принесешь тебѣ забавъ.

всякой день новыя благооклонности оубъ перемѣняющихся красавицъ. Восхищался роскошами, услаждалъ зрѣніе свое разными великолѣпіями сего замка; и шаубъ не осмавалось ему ничего иного думать, какъ шолько, что оубъ по всеубъ свѣтубъ не можешубъ найши увеселенія лучшаго и дешонубѣйшаго; укрывающающаяся владѣтельница сего замка подвалаа ему сомнѣніе и надежду; любовь его къ ней усиливалась, и какъ искалбъ оубъ неизвѣснаго, но не осмавлялбъ ни одного мѣсна, чубобъ не увѣдаешъ все вбъ оубомъ общоашельно; и сего ради не хошѣлбъ выѣхашъ избъ онаго мѣсна до шѣхѣ порѣ, покамѣшубъ не увѣдаешѣ имя госпожи его. Нубкогда по ушру принесли къ нему служилшели весьма богашое плашье, кошорое походило больше на царскую одеждубъ; пошомѣ предснали по обыкновенію идѣлѣ красавицы одѣшныя еубѣлѣое плашье, и казалсь гошоващимися къ великому шированію. Чудась оубому Силославѣ, спрашнвалбъ у нихѣ, не шоржесшво ли какѣе будешѣ у нихѣ сего дня вбъ замкѣ? Такѣ, государь, ошвѣсшвовали оубъ, сегодншшй день будешѣ у насѣ празднесшво, кошорое ошправляемѣ мы по

скончаніи каждаго года , и на которое прѣзжаетъ обыкновенно и наша государыня , и дѣлаетъ намъ честь , кушая съ нами за однимъ столомъ ; сколькожъ и ты будешь счастливъ , что получишь участие въ нашей радости и будешь видѣть лице нашей государыни , на которое ни одинъ еще смертной не удостоился взглянуть , да и видѣть его было не можно. Силославъ услышавъ сіе пришелъ въ неописанное восхищеніе , и поспѣшавъ убрать себя всѣмъ шѣмъ , что тщеславіе и любовь представили его глазамъ прелеснѣйшимъ. Вдавшись въ великую роскошь и нѣжностъ не мужество уже сіяло на его одеждѣ и не укрѣпленное силою богатырство , походилъ онъ болѣе на Парцисса , любовавшася собственною красоюю.

Наконецъ когда онъ увидѣлъ , что къ наряду его болѣе уже ничего не недоспавало , пошелъ въ черпоги угошовленные для празднества. Оныя всѣ наполнены были прекрасными женами , и всякая изъ нихъ усугубляла красоту свою приспосойнымъ убранствомъ. Когда вошелъ къ нимъ Силославъ , то всѣ сдѣлали ему поздравленіе , подобно какъ

любимцу царскому. Вскорѣ потомъ вошла и государыня, коя взглянувъ на Силослава быспро вскричала: Ахъ Силославъ! и упала въ руки послѣдующихъ ей женщинъ. Удивленный Силославъ не зная, что иное начашь, бросился было ей помогать; но вдругъ спалъ пораженъ удивленіемъ, радостію и восхищеніемъ, едва было и самъ не упалъ безъ чувствъ; потомъ пришедъ въ прежнія силы, бросился передъ упавшею въ обморокъ на колѣни. О боги! пронутые нашими несчастіями, возопилъ онъ: Такъ ужъ вы переснажи насъ разлучать? Прекрасная Прелѣпа! тебя ли я вижу? Твою ли руку лобызаюшъ уста мои? Такъ ещѣ ты! ты самая та, которую я спрашивуя по всѣмъ землямъ искалъ, и теперь вижу, что милосердые боги умилосердившись надъ нами и возвратили мнѣ тебя, а тебѣ вѣрнаго по гробъ Силослава. При названіи Силослава Прелѣпа открыла глаза свои, и увидя его стоящаго передъ собою, кинулась къ нему въ объятія. Ахъ Силославъ! вскричала она, которому богу должна благодарить за свиданіе первое со мною! Великая Лада! ты мнѣ его воз-

вращала, а я уже себя и увидѣшь не надѣялась, любезный мой Силославъ! Сколькожъ я вамъ обязана: всещедрые боги! вы ошдали мнѣ шо, чего иыпъ для меня драгоцѣннѣе на свѣпъ.

Наконецъ по многимъ разговорамъ и лобызаніямъ пошли они къ сшолу, ко- шорой ихъ уже давно ождалъ. Сколь- ко можно вообразишь великолѣпїя и из- обилїя, шо еще не могло сравнишься съ десятишою часшшо; сшолько-шо былъ сей пиръ великолѣпенъ. Посдъ онаго увѣ- домила его Прелѣпа, о своемъ псхище- нїи, о пребыванїи ея у духа, и какъ она ошъшого освободилась. Я всегда сѣшо- вала, говорила она, о пошерянїи себя, и ни одной минушы во всю мою у него быпность небыла спокойшою. Духъ при- лагалъ всѣ старанїя ушѣпншь меня; онъ выдумывалъ разныя и невоображае- мыя забавы, однако они увеселишь не могли меня ни мало, и служили еще къ большей мнѣ прискорбношш. Онъ ду- малъ получишь ошъ меня увеселенїе, однако получалъ вмѣсшо шою одну до- саду. И какъ онъ не видѣлъ ошъ меня ни малѣйшей къ себѣ благоскломношш,

и холодность моя всегда его огорчала, но началъ презиратьъ меня: любовь его обратилась ко мнѣ въ холодность; онъ уже не искалъ бытъ вмѣстѣ со мною, а старался всегда меня удалять, и пошомъ когда любовь въ немъ со всѣмъ уже истребилась, но приказалъ перенести меня въ сей замокъ, гдѣ надѣялся истребить себя у меня изъ памяти и послѣ получить мое сердце, но только этого никогда онъ отъ меня не получилъ. И такъ уже другой годъ нахожусь я въ этомъ мѣсѣ. Прибывъ сюда, старалась я всѣми силами сыскать себя; но не смотря на всѣ мои старанія не могла о себѣ ничего и услышать, отъ чего спенала я повсеминутно, но теперь благополучіе мое меня находить, и любовь моя ожидаетъ только одного увеличанія. Оставивъ это замокъ, возлюбленный мой Силославъ! и взявъ нѣсколько вѣрныхъ моихъ подданныхъ поѣдемъ въ швое отечество. Ахъ! государыня, вскричалъ тогда въ восторгъ Силославъ, когдабъ только учинили боги это со мною благополучіе, сколько я имъ былъ за сіе одолженъ! Щаснѣе сіе починаю я шоль высокимъ и завид-

лымъ , что сбышя его и надѣяться по-
чши не смѣю. Будь несомнѣнно о немъ
обнадеженъ, опвѣстствовала ему любов-
ница : не ужели ты думаешь , что я
предъ шобою лицемѣрю ? Могу ли я епо
думаешь , государыня! перехватилъ вос-
хищенный Силославъ : я шебѣ споль-
ко же , какъ и самимъ богамъ , вѣрю.

Разговаривая інакимъ образомъ, не
примѣшно выходили они изъ покоевъ и
подвигалися къ саду , а прельщенный
Силославъ ни мѣло шого не видѣлъ ;
сполько шо любоеъ насъ ослѣпляетъ !
наконецъ пришли они въ оной. Тогда
Прелѣпа ласкаяся къ Силославу раскры-
ла плашье на его груди , и увидя на
немъ повѣщенной золошой досканецъ ,
спрашивала у него , чтобы это інакое
на немъ было ? Епо волшебной іпализ-
манъ, опвѣстствовалъ Силославъ : когда
я поѣхалъ изъ моего опечесипва , чтобы
искать шебя по всему свѣшу , тогда ро-
дипель мой подарилъ мнѣ его , обнаде-
живая припомъ , что доколѣ оиб на
мнѣ будешъ , шо никакой маизлѣйшій
духъ не можешъ осмѣлишя погубить
меня сѣонымъ. Ешо очень чудно , оп-

вѣстествовала Прелѣпа, я еще отъ роду эдакой рѣдкости не видывала; какъ бы я хошѣла и у себя эпакой же имѣшь! Силославъ при семъ словѣ гораздо смутился: желаніе любовницы своей хошѣлось ему шошчасъ исполнишь, но ошцовъ приказъ запрещалъ ему оное. Я бы тебѣ съ охотною его подарилъ, говорилъ онъ своей любовницѣ, но родителъ мой, отдавая мнѣ сей залогъ своей любви, заклиналъ меня никому его не отдавать, утѣряя, что сколь скоро я его лишусь, шо потеряю шотѣ часъ и живощъ мой. Изрядно ошвѣстествовала Прелѣпа, я его у тебѣ уже не прошу, шолько скинь его и дай мнѣ разсмошрѣшь. Въ сей прозбѣ Силославъ не смѣлъ ей пропивишья, хошя ошцовъ приказъ касался и до сего.

И такъ подумавъ нѣсколько скинулъ его и отдалъ Прелѣпѣ. Едва успѣлъ онъ ей его отдать, какъ красавица онъ него исчезла, и на мѣсто се увидѣлъ онъ передъ собою ужаснаго Исполина, кошорой стремился разсѣчь его саблею. Силославъ зашрепешалъ, и познавъ свое преступленіе гошовилъ уже къ смерти, какъ вдругъ превращаясь въ сокола увидѣлъ

себя парящаго въ воздухѣ. Въ одно мгновеніе ока, исчезли всѣ зданія, сады и прелесни, кошорые его населяли, а вмѣстѣ со оного увидѣлъ онъ подъ собою волнующееся море, коего сердитые и сѣдые валы мчались въ черную и кипящую пучину. Чшо со мною сшалось, разсуждалъ онъ самъ въ себѣ? чшо за приключеніе, куда дѣвалась онѣмен. Прелѣпа, и какой злой духъ превращалъ все сіе селеніе въ сію бездну водъ? О боги! никакъ это шотъ проклятой духъ, копорой ее и прежде похишилъ. Онъ никакъ узнавъ наше соединеніе позавидовалъ нашему благополучію и ошнчалъ ее оплшь у меня: но онъ не доволенъ былъ симъ и хотѣлъ меня еще умершвишь, и конечнобъ шо сдѣлалъ, есплблбъ я не превратился въ пшцу. Но кошожъ меня въ оную превратилъ? никакъ онъ самъ, чшобъ сдѣлалъ жизнь мою горешнѣе и самыя смерши. А свирѣпый духъ! шы всему моему несчастію причина; но не надѣйся, чшобъ спалъ сношишь шоль поносную жизнь. Сіе свирѣпое море прекратишь всѣ мои напашни. Выговора сіе, усшремилася въ пучину, чшобъ въ ней пошощишь и жизнь свою и несчастіе.

Но когда уже находился онъ опѣ оныя не болѣе какъ на пять саженъ , то вдругъ изъ свирѣпаго моря сдѣлалось огромное широкое , кошораго влещѣль онъ въ середину. Это была большая горница, сдѣланная изъ черного мрамора , коея всѣ стѣны исписаны были Гіероглифическими письменами. Въ углу оной храмины стоялъ на золотомъ подножии изъ слоновой кости ишуканъ Чернобога, которой почишался власшишелемъ надъ всѣми духами волшебницами ; предъ онымъ кумиромъ стоялъ жершвенникъ изъ бѣлаго мрамора съ золотомъ на немъ жаровнею и углями ; по серединѣ оной стоялъ столъ, на кошопомъ лежало премножесшво волшебныхъ преполсаній и знаковъ. Другія же украшенія комнашы соощѣшсшвовали прочимъ.

Спустия нѣсколько времени налетѣло множесшво разныхъ видовъ птицъ , кошорыя принудили сокола вылетѣть въ другой покой ; изъ коего могъ онъ смощрѣть на дѣйсшвіе ихъ свободно, кошерое начала птица, имѣющая видъ орла. Она подошѣ къ Чернобогову жершвеннику, и распросшраня свои крылья

въ знакъ своего повинненія , допрону-
лась головою до жершвенника въ по-
мѣсто , на которомъ сшояли неизвѣст-
ныя волшебныя писмена, отъ чего вдругъ
приняла образъ человѣческой ; попомъ
пришедъ къ сшолу сняла съ онаго свое
препоясаніе и надѣла на себя , и шакже
приняла жезлъ , коимъ все въ свѣшѣ
управляла. Другія волшебницы подра-
жая оной шакимъ же образомъ получи-
ли видъ людей. Между оными находи-
лась и ша волшебница , кошорую онъ
освободилъ изъ - подъ камня.

Когда волшебницы приняли насто-
ящій свой образъ , шогда всякаа при-
нявъ свое мѣсто ожидала отъ главной
волшебницы повелѣнія. Оная сѣвши на
своемъ прешолѣ , кошорой весь былъ
изъ чистаго золоша , и по мѣспамъ у-
крашейъ дорогими камнями и усланъ
багрянницею , сдѣлала знакъ Преврангъ ,
чшобъ она къ ней подошла. Когда оная
къ ней подшупила , шогда волшебница
говорила ей слѣдующее: Превраша! чего
шы отъ меня желая , побудила меня при-
быть сюда изъ далечайшихъ странъ , и
шакже все сіе собраніе. Великая пове-
лишльница непобѣдимыхъ духовъ! прос-

ти мое дерзновеніе, что я осмѣлилась на нѣсколько разрушить покой швой и швоихъ подчиненныхъ. Призванію шебя и всего сего собранія вина естъ слѣдующая: Широшлвый и неспокойный духъ Влегонъ, не повиная швоей власпи и всечасно лелая по свѣшу, приключася швоимъ подданнымъ досады и людемъ напасши; оный не укрощимый духъ шременился шеперь потубишь любимого мною смершнаго, извѣснаго шебъ Силослава. Иго оболсна онъ очи, предшавилъ на свирѣпомъ морѣ прелеснаго вида домъ, гдѣ нѣсколько времени его угощая; пришелъ на концъ къ нему, прѣявъ образъ похищенной Прелѣпы, въ коемъ видѣ оболсшивъ его, выманилъ у него роковой его шализмаиъ, копорой дѣлалъ его безопаснымъ ошъ смерти, и пошомъ хопѣлъ лишишь въ шомъ свирѣпомъ морѣ жизни; чшобы и дѣйствительна сдѣлалъ, ешьлибъ я его не превршила въ сокола и не спасла его шѣмъ ошъ хипрыхъ его сѣшей: чего ради, государыня, сей домъ совѣша, по заклинанію моему, на сіе мѣсто принесенъ, и вы всѣ собраны: я прошу, чшобы позволено было предшашъ въ

Часть I.

Л

еіе собраніе Силославу, при которомъ я окончаю мою прозьбу. Ты увидишь, царица духовъ, что онъ милосіи швоей доспоннѣ.

Волшебница на прозьбу ея согласилась. Тогда Преврата вышедъ къ Силославу взяла его и внесла передъ судилице. Вошѣ, государыня, сей гонимый Влегономъ смершный! вошѣ чѣмъ я его принуждена была спасши, и прошу теперь, чшобъ и ты приняла его подъ свое покровипельство. Тогда волшебница махнувъ своимъ жезломъ на Силослава, сказала: будь шѣмъ, чѣмъ ны былъ прежде. Вдругъ всѣ перья слеснѣли и Силославъ принялъ прѣжній свой обраѣ; послѣ чего увидѣлъ онъ; чшо на престолѣ сидѣла дряхлая и сѣдая старуха, у которой шряслась голова, и все шѣло было въ движеніи онѣ глубокой смаросіи; исподнее плашье было на ней бѣлое, опущенное багрянцею, а сверху покрывала черная спанча; сѣ праваго плеча подъ лѣвую руку лежалъ голубой зодіакъ сѣ золошными небесными знаками на подобіе перевязи; на головѣ была долгая черная сѣ городками шапка, по спорамъ оной придѣланы

были два крыла отъ большихъ рыбъ; на верху споялъ знакъ Сапурновъ; въ лѣвой рукѣ держала маленькой земной шаръ, а въ правой жезлъ волшебной; подлѣ ея по сторонамъ стояли по старшенству другія волшебницы въ разныхъ и чудныхъ одеждахъ, но всѣ съ волшебными препоясаніями и жезлами. Тогда Силославъ, получившій прежній свой видъ, благодарилъ главную волшебницу нанчувствительнѣйшимъ образомъ за ея къ нему покровительство; а Превраща поблагодаря оную подобнымъ образомъ, говорила такъ: Сей смертной, кошорому шеперь сама ты хочешь быть покровительницею, съ швоего позволенія произведеиъ споль сильнымъ и храбрымъ на свѣшъ. Угождая его спрасти оживошворила я исшуканъ Спанидаровъ, чшобъ могъ онъ увѣдомишь Силослава о своей дочери. Въ то время Крѣпоспанъ любимецъ его открылъ шу чашу, въ кошорой заключенъ былъ Ноннешъ, тогда князь духовъ произвелъ всѣ шѣ спрахи, о коихъ я шебя уже увѣдомила, и коихъ я усшрашася не могла шущъ спояшь и принуждена была сокрыпья, въ ономъ случаѣ погибъ бы и Силославъ.

Д а

есильлибѣ не успѣла я, ухватить съ головы моей околдованное перо, вошкнушь въ шлемъ ему. Онаго силою освободилъ онѣ Ноннеша изъ заключенія, и чрезъ него нашелъ способъ вышши изъ шого города; послѣ чего пришелъ онѣ, въ шо владѣніе, въ которомъ весь мужескій полъ испребленъ былъ Влегономъ. Силославъ изгналъ его изъ онаго силою своей руки, и шѣмъ Влегона озлобилъ несказанно, чего ради Влегонѣ, желая ему ошмстити, выдумалъ для погубленія его шу хищросшь, о кошорой я тебѣ уже увѣдомила. Бѣ ономъ мѣспѣ лишилъ онѣ его пера, даннаго мною Силославу, и роксваго его шализмана; чего ради я прошу тебѣ, великая обладашельница невидимыхъ, призвашь сюда Влегона, чшобѣ онѣ здѣсь при всемъ собраніи заклался не имѣть впредѣ на Силослава злобы и не гнашь его болѣе, и чшбѣ при томѣ возвратилъ ему перо и шализманѣ. Такой спешени духи, примолвила она, каковѣ Влегонѣ, должны повиновашься намѣ, а не восшавашь пропшвъ насѣ.

Но въ сіе время господинѣ Морфей ухвалія насѣ расшацилѣ всѣхъ по постелямѣ.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЬ 7.

Продолженіе повѣсти Сило- славовой.

Повелительница духовъ выслушавъ Преврашину прозбу, махнула по воздуху нѣсколько разъ своимъ жезломъ, и послѣ того выговорила сіи слова: дерзкой духъ! по данной мнѣ власти оиъ великаго Чернобога и оиъ князя всѣхъ духовъ, заклинаю тебя, чшобъ шы явился сюда въ сіе мгновеніе въ шакомъ видѣ, въ коморомъ шы, прельщая юнаго Силослава, намѣрился погубить, и чшобъ шы принесъ сюда его шализманъ, шлемъ, и прочее его вооруженіе. Едва она успѣла окончатъ свое заклинаніе, какъ ошворилась дверь и Влегонъ явился во образѣ Прелѣпы, неся съ собою все шребуемое оиъ него; и какъ шолько увидѣлъ главную волшебницу, шо запрепешалъ и палъ предъ нею на колѣни. Силославъ увидѣвъ его обомлѣлъ оиъ удивленія, и не зналъ, вѣришь ли ему глазамъ своимъ; слышалъ онъ, чшо эшо Влегонъ, шолько повѣришь

этому еще не смѣлъ, опасаясь, чтобъ не названъ любовницы своей злымъ духомъ. Въ то время главная волшебница обо-ропясь къ Влегону, и кинувъ на него сердитой взоръ, дерзновенной! вскричала ему, оставь сей непринадлежащій тебѣ образъ и прѣими швой гнусной видъ. Какъ скоро волшебница сіе выговорила, Прелѣпа исчезла, и вмѣсто ея явился ужасной Исполниъ кривой, горбашой и хромоногой, съ рогами и козлиною бородою, съ змѣинымъ хвостомъ и съ лошадиными ногами, будучи приномъ весь покрытъ свиною щетиною, а на головѣ вмѣсто волосовъ имѣлъ вѣющихя и свистящихъ змей.

Тогда начальная волшебница указывая на Чернобоговъ испуканъ, симъ повелѣшею духовъ, говорила она, заклинаю тебя безпокойный и непокорливый духъ, и всѣмъ адомъ, котораго иреспубли и я, чибобъ ты предашь вѣчному забвенію злобу твою на Силослава, и не осмѣливался ему ни мало вредить, ешьли не хочешь подвергнуться всѣмъ адскимъ испязаніямъ, и потомъ преобразиться въ ничто. Великая повелѣтельница духовъ! отвѣщствовалъ иреспубли-

щій Влегонъ : весь адъ знаешь, сколько я волю твою почитаю, и все, что тебѣ ни угодно, съ охотою исполнить готовъ. Исчезнижъ съ глазъ моихъ, вскричала волшебница. Тогда Влегонъ исчезъ, а начальница обращаясь къ Превращъ говорила : я все исполнила, что тебѣ ни хотѣлось, и съ словомъ, симъ исчезла, за нею и все собраніе.

Удивленный Силославъ едва вѣрилъ тому, что въ глазахъ его произошло, и обращаясь къ Превращъ, которая съ нимъ одна осталась : какъ это Влегонъ былъ, а не Прелѣпа, могущая волшебница ! Да, ошвышвовала она, и погубилъ бы тебя, ежли бы я хоть чуть не ускорила тебя избавишь; но теперь тебѣ опасаться болѣе нечего, ты слышалъ самъ, что главная волшебница приказывала Влегону; повелѣнія ея преступишь онъ не смѣетъ, хотябъ еще во сто разъ сильнѣе былъ. Ну, проси любезный Силославъ, намъ должно теперь разспаться, и домъ сей не можетъ здѣсь болѣе получаса пребыть, и я также должна слѣдовать туда, куда зовешъ меня должностъ моя; спунай ищи своей возлюбленной. Ежли будешь наблюда

должность Ироя, получить все. Болѣе шебѣ сказаиъ не смѣю, прощай! Сѣ симѣ словомѣ она исчезла, домѣ пропалѣ, а онѣ осндался на берегу морскомѣ, усыпанномѣ каменьями, вѣ копорые ярыя волны ударяя, производили страшной шумѣ.

Естьлибѣ не былѣ онѣ Славянинѣ, шо конечно опчялся бы при случаѣ семѣ жизни, и умерѣ бы онѣ ужаса на семѣ лустомѣ берегу, причемѣ окружающіе оной дремучіе лѣса, неприсипупныя и ужасныя пещеры усугубляли его страхѣ. Свирѣпые звѣри рыскали безѣ боязни повсюду; и хопя онѣ ихѣ и не опасался, однакожѣ не имѣлѣ онѣ онѣ ихѣ никакого увеселенія. Причемѣ возсндала ужасная буря, свирѣпые вихри дсшдали яряся по горамѣ, ломали деревья, а инья вырывали сѣ кореньями, онѣ чего дѣлался превеликой шрескѣ; шемныя и угрюмыя шучи наводили мракѣ шемнѣйшей ночи и проливали пресильной дождѣ; молнія, громѣ и градѣ привели Силослава вѣ ужасѣ. Хопя храбростѣ его была велика, но вѣ разсужденіи природы онѣ былѣ ничшо иное, какѣ ея созданіе. И такѣ началѣ онѣ искашь убѣжища, но

безпрестанной блеекѣ молніи затмѣвалѣ почти его зрѣніе, — часное сплѣтене деревѣ прекращали его пушь; наконецѣ укрылся онѣ подѣ ихѣ вѣнцями и спалѣ нѣскольکو безопасенѣ онѣ суровосии по-годы.

Когда усмирѣли вѣтры и буря начала утихашѣ, тогда багряная Зимцерла взошла уже на небо, а сіяющій Свѣтъ іовидѣ слѣдуя за нею согрѣвалѣ землю. Въ то время проснувшисѣ Силославѣ прогуливалсѣ по лѣсу, и услышалѣ идущаго челоуѣка, кошорой воснѣвалѣ пѣснѣ, сдѣланную въ честь Перуну. Челоуѣкѣ сей имѣлѣ на себѣ покойное и не Свѣтское плашье, и припомѣ казалсѣ больше роскошнымѣ, нежели посшникомѣ. Я радуюсѣ, говорилѣ онѣ, увидя Силослава, что нахожу здѣсѣ челоуѣка, а радость бы моя была еще большею, есмьлибѣ ты былѣ чужестранецѣ. Такое привѣтсшвіе весьма удивило Силослава. Я можешѣ эпимѣ несчастливѣ, что нону на себѣ дейсшвишельно шакое имя, онѣвѣчалѣ онѣ. Никакѣ, а я шѣмѣ шолько щасшливѣ, онѣвѣсшвовалѣ незнакомой, и прошу тебѣ послѣдовать за мною. Потомѣ пришли они въ просшранное под-

земное жилище, которое освѣщено было хрустальными лампадами. Уборы и порядокъ онаго показывали мѣсто сіе обитаніемъ разумнаго и добродѣтельнаго человека, Видѣ мужа того казался крошкымъ и добродѣтельнымъ. По приходѣ въ пещеру приказалъ онъ тотчасъ служителью своему перемѣнить на Силославѣ плащъ, которое вымочено было дождемъ. Тотчасъ подали ему изрядную и покойную одежду. По многихъ привѣщаніяхъ со обѣихъ сторонъ, и когда уже они довольно опознались, тогда Силославъ спрашивалъ его учинивымъ образомъ о причинѣ его уединенія. Я охотно рассказалъ ему оное соглашаюсь, оповѣстивовалъ ему старикъ : изъ повѣсти моей ты познаешь, что несчастіе на того спремислѣ свирѣпѣе, кшо на высшей предѣ прочими степенями, и думаеніемъ о себѣ, что онъ счастливейше всѣхъ смертныхъ ; я могу навващаться истиннымъ примѣромъ сего льстиваго щасія и игралицемъ его непостоянства. Все я видѣлъ на свѣтѣ, все переиспыталъ, и былъ всему подверженъ. Онъ самаго моего рожденія былъ я прежде несчастливъ, потомъ

въ ономъ посредствѣнѣ , посемъ благополученъ и преблаженъ , а на конецъ наинесчастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ , а теперь благополученъ. Силославъ весьма удивился шоль чудесному обращенію судьбы его , и просилъ его неперпѣливымъ образомъ разсказать свои приключенія. Съ охотою , ошвѣнствовалъ шарикъ , а шебл уведомлю о всѣхъ со мною происшествіяхъ ошъ рожденія моего до сего часа ; пѣномъ нѣсколько подумавъ , началъ онъ шакимъ образомъ :

Я называюсь Славурошъ , родился въ городѣ ; называемомъ Русъ , и произошелъ на свѣшъ онъ людей бѣдныхъ и немѣвшихъ почти пропитанія ; по рожденіи моемъ мать моя ошдала меня на воспитаніе въ домъ къ нѣкопорошъ боярынѣ , потому что содержашъ ей меня было нечѣмъ. Госпожа сія не меньше была скупа , сколько и зла : имѣшъ человека она желала , а кормишъ его не хѣшъла ; и шакъ живя у нее , не шолько я шлъ , сколько былъ бишъ ; и когда я плакалъ и просилъ пищи , тогда она меня была немилосердо , желая сдѣлать во мнѣ привычку ,

чтобъ я въ три дни бѣдъ однажды. Въ такомъ прѣпномъ упражненіи пре- проводилъ я восемь лѣтъ, и ошъ шоль изряднаго воспишанія поперялъ было образъ человѣческой, и начали было уже называшь меня шѣнью; наконецъ добродѣпельная моя воспишашельница пре- спавилась, и я наследилъ послѣ нее продолжительную болѣзнь, которая въ изнемогломъ моемъ шѣлѣ привела было и душу въ изнеможеніе. Домомъ ея овладѣлъ брашъ ея родной, гражданинъ добродѣпельной и посшоянной; причемъ оный зная злой нравъ своей сесшры, первое имѣлъ спараніе, чтобъ осмо- рѣшь всѣхъ ея служишелей, между ко- рыми и я находился. Видѣ мой ему по- нравился, онъ приказалъ имѣшь за мною смопрѣніе, и ошдалъ меня для изле- ченія къ одному врачу. По сшасшю мое- му сей врачъ не выдумывалъ шогда никакого лекаршва, и не испышывалъ его надо мною, ошъ чего я поскорѣ вылечился; и когда собралъ уже всѣ пошеряшныя мои силы, шогда хозяинъ мой взялъ меня ошъ него. Послѣ чего нашедъ во мнѣ склонносшь къ наукамъ, послалъ въ Конспашиннополь учишься

на собственномъ своемъ иждивеніи. Я споллъ ему на каждой годъ по цѣлому серебряному таланту. На пятомъ году моего въ наукахъ упражненія получилъ извѣстіе, что благодѣтельница мой скончался. Тогда-то будучи я безъ всякаго призрѣнія и на чужой еще сторонѣ, сдѣлался прямо бѣднымъ и несчастнымъ человекомъ. Все, что я ни выучилъ, зашло бы во мнѣ опчаяніе, если бы учитель мой не обнадежилъ меня своимъ покровительствомъ. Сей Грекъ былъ весьма достойной человекъ и жилъ очень роскошно. Все его упражненіе состояло въ извѣдываніи природы и въ узнаніи сокровенныхъ ея тайнъ, чему научалъ и меня. Я узналъ отъ него философію, математику и исторію, и совершенно говорилъ Греческимъ языкомъ. Тогда учитель мой выключилъ меня изъ числа учениковъ, сдѣлалъ по себѣ наследникомъ всего его имѣнія, и съ эшихъ поръ содержалъ меня, какъ роднаго своего сына. И такъ я, какъ будто бы предвидя мою судьбину, началъ щеголять, и носилъ такіа платья, въ какия одѣвались въ городѣ очень мало

Нареченной мой отецъ вмѣсто того ,
 чинобъ запрещашь, радовался глядя на
 меня, и случалось часно, чшо когда я
 одѣвался, тогда онъ самъ мнѣ прислу-
 живалъ, любуясь на мое щегольство. Не
 злобивой мой нравъ и нѣсколько сшарані-
 емъ его просвѣщенной разумъ вкоренили
 въ него ко мнѣ любовь; онъ почиалъ
 меня, какъ роднаго своего сына и имѣлъ
 ко мнѣ прямо родипельскую любовь.

Но несчастіе мое не долго мнѣ
 позволило милосшію его пользовахья.
 Благодѣтель мой пресшавился на
 шрешнемъ году послѣ перваго моего
 милосшивца ; и хопя я наслѣдилъ все
 его имѣніе , но ни мало шому не ра-
 довался. Я сожалѣлъ объ немъ, шакъ
 какъ о родномъ моемъ ошцѣ. Лишеніе
 его мучило меня несказанно, и сколько
 я ни сшарался развеселишь себя, шоль-
 ко никакъ не могъ ; онъ не выходилъ
 никогда изъ памяти моей , милосши
 его глубоко были начершаны на моемъ
 сердцѣ; однимъ словомъ ; я шолько о
 немъ грушилъ, чшо весь городъ цвѣт-
 спенъ сталъ о шомъ , и сколько прѣ-
 штели мои ни сшарались меня развесе-
 лишь и сколько ни изыскивали способовъ

къ моему утѣшенію, только ничто не могло утѣшить моей горести.

Во время сей моей печали объявлено было въ городѣ, что на другой день будетъ казнь многимъ несчастнымъ полонникамъ. Горесть моя не позволяла мнѣ итти на такое плачевное позорище; но не знаю, какая-то тайная сила принудила меня туда слѣдовать, и такъ пошелъ я на другой день на доброе мѣсто, на коемъ производилась казнь; и едва туда пришелъ, то вдругъ глаза мои и сердце поразились ужаснѣйшимъ видѣніемъ. О боги! и теперь еще безъ слезъ вспомнить не могу, между несчастными узниками увидѣлъ я моего отца, ожидающаго себя лютаго окончанія жизни. Всецѣдые боги! для чего вы тогда не извлекли и моей души? Прости мнѣ, храбрый незнакомецъ, что слезы, кающіяся неволею изъ очей моихъ, прерывающія мое повѣствованіе; потомъ оберши глаза продолжалъ онъ слѣдующимъ порядкомъ: Едва я его въ такомъ состояніи увидѣлъ, кровь моя замерзла, и холодной потъ, выступя на мое шло, лишилъ меня употребленія чувствъ; я

упалъ безъ памяти, и друзья мои вмѣстѣ со мною, увидя оное, старались мнѣ помогать и привесить меня въ прежнее чувство. Какъ скоро я очунулся, то первое мое стараніе было, чтобъ бросишься избавлять моего отца, но уже было поздно, лютые звѣри расперзали шѣю его на части. Увидя оное, поднялъ я ужасной крикъ, клялъ судьбу виновницу моего несчастія, проклиналъ осудившихъ его на казнь, и воплемъ моимъ обратилъ на себя глаза всего народа. Пріятели мои, желая меня спасти отъ большого неурядка, силою увлекли меня въ мой домъ. По изліянн и многихъ слезъ и по долгомъ терзаніи просилъ я одного изъ моихъ друзей, чтобъ послѣдовалъ онъ дослѣдить мнѣ списокъ всѣхъ расперзанныхъ въ томъ день невольниковъ: онъ мнѣ скоро оный принесъ, и я нашелъ, что всѣ они исполнены были въ морское сраженіе, въ числѣ кошорыхъ и отца мой былъ. По привезеніи ихъ въ Констанцинополь приказалъ Кесарь всѣхъ шѣхъ погубить, кошорые не примуть оружія противу Славянъ его неприятелей. Отецъ мой будучи зѣрнымъ сыномъ ошечесива, по-

желалъ лучше лишиться жизни, нежели поднявъ оружіе противу своихъ однородцовъ ; и шакъ умеръ съ прочими послѣдовавшими въ помъ ему. Тогда - по осмачки крѣпости моей исчезли : совѣшны друзей моихъ не подкрѣпляли болѣе моего духа ; я вдался въ неописанную горесть и дошелъ до отчаянія ; опдалъ все мое имѣніе бѣднымъ людямъ, и попомъ хощалъ удалиться въ пустыню. Предпріятіе мое желалъ я расположить порядочно; чего ради съ вѣрнымъ моимъ пріателемъ, на котораго дружество я надѣялся, завсегда хаживалъ изъ города не въ весьма опдаленную рошу, въ коей прохаживаясь совѣшывалъ, или располагалъ мое намѣреніе.

Нѣкогда возвращаяся изъ оной, услышалъ я, что кличущъ меня моимъ именемъ, я оглянувшись назадъ, увидѣлъ почтеннаго вида шаруху, которая поклонясь мнѣ низко сказала слѣдующее: ме пошавъ пожалуй въ дерзновеніе, что я помѣшала шебъ ишиши шы хощя меча и не знаешъ, только я шебъ всегда была пріятельница, которая желала шебъ завсегда хорошаго; я не давно извѣстилась о швомъ несчастіи и намѣ-

Часть I.

М

реніи: опчаяніе швое произвело во мнѣ сожалѣніе , и я не могла преминушь , чшобѣ не сообщить объ ономѣ брату моему , о которомѣ увѣрю себя , что онѣ человекѣ довольно знающій мѣрскія суепы и случаяющіяся въ жизни перемѣны: онѣ будучи человекѣ мягкаго сердца, пронулся швоимѣ несчастіемѣ , и просилѣ меня себя съ нимѣ познакомилѣ . Я вѣдая , что шы людей добродѣшельныхѣ и свѣдущихѣ почиашь и любишь , обѣщала ему оное; и шакѣ прошу тебя не оставишь моей прозьбы и удовольшвовашь желаніе моего брата. Я зналъ дѣйствительнѣ , что никакой человекѣ перемѣнишь судьбы моей не въ силахѣ , и возвратишь моего опца и двухѣ благодѣшелей никакой совѣшѣ не въ соешоятіи ; однако подумавѣ , что можешѣ онѣ дасиѣ мнѣ наставленіе , какимѣ образомѣ продолжашь мнѣ оставшую мою жизнь , поблагодарилѣ ей за ея обо мнѣ спараніе , и просилѣ , чшобѣ она предспавила меня своему брату. Очень хорошо , опшѣисповала она : завпра при окончаніи дня на ешомѣ же мѣстѣ увидише вы человекѣ , которой проводишь васѣ въ мой домѣ ; и когда вы изѣ совѣшомѣ его прѣобрѣшете свое.

благополучіе , тогда судьба ваша переменится и вкоренитъ въ васъ благодарность къ той , которая была причиною вашего счастья ; потомъ она разсталась съ нами.

Осшавшись одинъ съ моимъ другомъ , разсуждалъ я , чшобъ было ешо такое , и наконецъ подумалъ , что ешо какой нибудь обманъ , и такъ хотѣлъ ешо дѣло оставишь ; но мнѣнія моего друга принудили меня шо извѣдашъ и посмотришь хваленаго шого мужа ; припомъ же говорилъ онъ мнѣ , что еспь много такихъ людей , которые берутъ участіе въ несчастіи другихъ , и болѣзнуя о нихъ онъ чистаго сердца стараются отвращать оное двоякими способами , и шѣмъ заслуживающъ на семъ свѣшъ будущее блаженство ; а какъ ешакими людьми Греція славилася издревле , шо я больше не сумнѣвался , чшобъ шонъ , которой ищешъ моего знакомства , не пекся о моемъ благополучіи ; и такъ опредѣлилъ съ нимъ познакомиться.

Между шѣмъ госпожа полночь гораздо принахмурилась , и дѣлала намъ шѣмъ знакъ , чшобъ мы дожились спать ; и такъ побрели мы къ своимъ постелямъ.

ГЛАВА XVIII. — 18.

ВЕЧЕРЬ 8 8. VIII.

Продолженіе Славуроновыхъ
приключеній.

На другой день, когда уклонялося къ западу солнце, и ночь уже гсшовилась взойши на небеса, тогда оставивъ я въ домъ моемъ моего друга, пошелъ одинъ на назначенное мнѣ мѣсто; на ономъ дожидался уже меня человекъ; онъ спросилъ меня о моемъ имени, и узнавъ кшо я, просилъ учтиво за собою слѣдовать. Вскорѣ дошли мы до одного великолѣпнаго дому, которой сшоялъ въ предградіи. Сіи дома обыкновенно называются въ Греціи домами увеселенія. Какъ шолько мы взошли на крыльцо, то встрѣшила меня та же женщина, которая на камуфъ со мною говорила и звала къ своему брату. Сдѣлавъ мнѣ небольшое привѣщаніе, провела меня черезъ нѣсколко поклевъ въ большую горницу, которая освѣщена была лампадами: они удерживали лучи находящагося въ нихъ огня, и чрезъ то произ-

водили слабой свѣпъ, при коемъ образѣ
человѣческой не совсѣмъ разсмотрѣшь
было можно; а для чего такъ было сдѣ-
лано, оное шы узнаешь въ окончаніи
моей повѣсти. Когда я съ нею сѣлъ, то
приказала она служишело доложитъ обо
мнѣ своему брашу; и такъ во ожиданіи
его препровождала со мною время во
взаимныхъ привѣтствіяхъ.

Вскорѣ попомъ вошелъ къ намъ и
братъ ея: видѣ его показался мнѣ важ-
нымъ и величественнымъ; голова его
покрыта была пухыническою шерстя-
ною шапкою, которая закрывала лобъ
его по самыя брови, а сѣдая и долгая
борода закрывала и другую половину его
лица; долгое и безпорядочно сшитое
плащье предсавляло его презришелемъ
пухлаго украшенія тѣла. Какъ скоро я
его увидѣлъ, то топчасъ сдѣлалъ ему
низкій поклонъ, и поручалъ себя въ
его милость при прозьбѣ моей пріятель-
ницы. Порученіе мое принялъ онъ
весьма благосклонно, и предсавлялъ
мнѣ свои услуги, которыя его добродѣ-
тель показать мнѣ опредѣлила. Оозна-
ванье наше было скорое, и мы топчасъ
начали весшь разговоры дружескіе, изъ

коихъ я увидѣлъ, что онъ былъ чело-
вѣкъ преразумной и пресвѣдущій; по-
томъ склона рѣчь свою ко мнѣ, гово-
рилъ мнѣ слѣдующее: Я стараюсь всегда
быть увѣдомленъ о шѣхъ людяхъ, ко-
торые подвержены ударамъ превращаго
счастія, и будучи въ горести, не нахо-
дящъ ни въ чемъ ошрады, кромѣ ошча-
ннн, а я въ шакомъ случаѣ не могу
ихъ оставитъ безъ ушѣшенн.

Сеспра моя увѣдомила меня о шво-
емъ соспояннн; ты лишился двухъ бла-
годѣшелей и ошца, которыхъ ты всѣхъ
равно почиталъ. Что ты печалишься
объ ихъ кончинѣ, ешо похвально, и ты
шѣмъ показываешь чувствительную къ
нимъ благодарностъ; но когда сожалѣнне
о нихъ производитъ въ тебѣ ошчаянне,
ешо знакъ малодушнн. Всякое несчастнне
должны мы сноситъ великодушно, и че-
ловѣкъ для шого принимаешъ свое бышнне,
чтобъ испытать ему всѣ колдовранно-
сти сего свѣта: ибо всякое въ ономъ
несчастнне чѣмъ оно свирѣще, шѣмъ больш-
ше ошужитъ челошѣку въ исправленнне,
и смиряя его угощовленнне ему будущее
блаженство. Мы шогда, когда не быва-
емъ довольны, возсылаемъ на небо жа-

лобу, негодуемъ на опредѣленіе и сѣшумъ о недолгомъ нашемъ безпокойствѣ; проклинаемъ нашу жизнь и безразсудно ропщемъ на Создателя, не предвидя или не разумѣя, что Онъ все на пользу нашу спрощѣ. Премилосердное и справедливое существо захочетъ ли для такой бѣдной швари, каковы мы, бытъ когда нибудь свирѣлымъ? Гнѣвъ его не можешь умѣспинишь во всей вселенной, еслили мы раздражимъ его милосердіе нашими несповсшвами: но и тогда Вседержитель нашъ оппустишь намъ грѣхъ наши, а не исребнишь насъ до конца. И такъ приписуя наши несчастія, въ копорыя мы впадаемъ сами собою, Божіему произволению, или думаемъ, что оно насъ наказываетъ, погрѣшаемъ противъ его, и въ заблужденіи нашемъ не видимъ своего малоумія. Мы всегда спремимся къ счастью, и просимъ Бога, чтобы Онъ сдѣлалъ насъ его участниками въ нашей жизни; но еслили спросишь хотя одного, что есть счастье, и въ чемъ онъ его заключаетъ, и чего просишь; то тогда и откроснется, что онъ и самъ не знаетъ, чего, длаетъ. Намъ свѣшъ нѣишь ничего для насъ по-

лезнаго, кромѣ добродѣтели и премудрости; но врожденное стремленіе имѣемъ мы къ снисканію благополучія съ начала нашей жизни, и всякую минушу ищемъ онаго; только оно покажется намъ въ будущей жизни, а не здѣсь, да и тому, кпо онаго досшонѣ явишся. Начало нашего бышя сспремился всякой часѣ къ окончанію, а конецѣ сей есш. благополучіе, для котораго раждаемся мы всѣ. Добродѣтельной и боголюбивой человекѣ достигашъ онаго скорѣе, нежели шонѣ, кошорой ведешъ жизнь свою въ порокахѣ и ошягчаешъ неисповѣсшвомѣ природу.

Ты шеперь сѣшуешъ, что лишился своего счастья, кошорато шы ишшшшо не имѣлѣ и имѣшь никогда не можешъ, потому что нѣшѣ ево на семѣ свѣшѣ. Люди даюшъ имя сіе богаишшву, и шѣмѣ погрѣшаюшѣ сами прошиѣ себя: нбо получивѣ оное получаюшѣ сѣ нимѣ всякое безпокойшшво; другіе именушѣ онымѣ высокія шшпени, а наипаче прешшолѣ: но сколько великіе господа прешшпѣваюшѣ печали, о шомѣ уже всѣ извѣстны. Мудрѣйшіе даюшъ сіе имя мудролюбію и покойшшвію души; но сіе шшкойшшвіе ничшо иное, какѣ преддвѣ-

рѣ къ счастію, а прѣмаго благополучія ни одинъ смертной не только получишь, но и вообразишь не можешь.

И такъ не разумно сожалѣшь о томъ, чего мы не имѣли; такое самопроизвольное сираданіе не будешь согласованъ съ мудростію, и етакое сѣшованіе можешь назваться безразсуднымъ. Ошашки нашего великодушія исчезающъ припоминаніями несчастныхъ случаевъ, и приводящъ наконецъ въ ошчаяніе: чего ради всѣми силами издлежащъ сираданъ ошваживашъ себя искашь душевнаго спокойства, ибо одно оно только можешь сдѣлать насъ нѣскольго совершенными. Ты сѣшуешь шеперь о пошеряніи своего ошца и двухъ благодѣшелей, оплакивашъ ихъ кончину и сожалѣешь объ нихъ; но мнѣ кажется, ты ихъ шѣмъ оживишь не можешь; и такъ надобно радовашъ, что они ошавили всѣ суетны сего свѣша и наслаждающъ сладкимъ упокоеніемъ въ блаженныхъ Иллисейскихъ поляхъ. Не ушно ты желаешь, чтообъ они приняли опять здѣшнее бытіе для шого, чтообъ шерзались столько же, сколько шерзались они въ прошедшей своей жизни? Ешо ли знакъ

твоей къ нимъ любви? Повѣрь мнѣ, что хотябъ ты и звалъ ихъ отсюда и могъ ихъ опять оживить, но они сами не захотятъ этого; и такъ слѣдственно, что спенаніемъ своимъ ты ихъ только оскорбляешь. Пожалуй оставь менужную свою печаль, и старайся лучше употребить опаски своего вѣка на снисканіе добродѣтели и на покровительствованіе бѣдныхъ людей; прибѣгай чаще молитвами къ Творцу вселенныя, проси его о низпосланіи тебѣ способъ къ полученію честныхъ нравовъ, любви къ добродѣтели, конми ищися пріобрѣсти путь къ блаженной кончинѣ.

Въ такихъ и подобныхъ симъ разговорахъ прошла у насъ съ нимъ цѣлая ночь, и первое сіе свиданіе уменьшило нѣсколько моей горести; потомъ всякой вечеръ посѣщадъ я сего добродѣтельнаго и разумнаго мужа, и всякой часъ получадъ новыя облегченія совѣщаніями его въ моей печали; и наконецъ не въ весьма долгое время искоренилъ онъ совсѣмъ мою печаль. Я слушалъ его наснавленія съ великимъ прилѣжаніемъ и пріятностію, и начерпывалъ ихъ въ мое сердце; частое мое съ нимъ обхожденіе

вселило въ меня неописанную къ нему любовь; разумъ его и добродѣтель сдѣлали во мнѣ къ нему сердечное приязнаніе; я нащелъ въ немъ моего отца и обѣихъ моихъ благодѣтелей. На послѣдокъ не хошѣлось уже мнѣ его никогда и осматривать; и такъ я положилъ, чшобъ прерождатьъ съ нимъ жизнь мою до самаго его скончанія, что послѣ дѣйствительнаго и сбылось.

Почувствовавъ въ сердцѣ моемъ необычайную къ нему склонность, и наполнившись истинною любовію, не бывалъ уже никогда съ нимъ розно. Нѣкогда вечеромъ, когда я имѣлъ съ нимъ разсужденіе о преселеніяхъ душъ, и на какой конецъ имѣнѣтъ человѣкъ свое бытіе, и когда мы были въ серединѣ онаго важнаго разговора: тогда нечаянно и безъ всякаго примѣчанія взглянулъ я на его ногу, которая нѣсколько выступилась изъ-подъ долгой его епанчи. Вдругъ овладѣло мною чрезвычайное удивленіе, которое привело меня въ сильное движеніе: я не зналъ, какъ мнѣ расположить мое привидѣніе; нога его была обуита въ женской башмакъ, да припомъ же и сама казалась женскою. Чшобъ

скрыть мое смященіе, тотчасъ принялъ я на себя спокойной видъ. Прежде я не иначе думалъ объ немъ, какъ о пустынникъ, и не старался примѣчать того, что не входило совсѣмъ въ мою мысль; а тогда началъ я разсмаширивать свои руки, копорыя, какъ помню, прежде онъ онъ меня скрывалъ; а я, не имѣя ни малаго подозрѣнія, совсѣмъ о томъ не догадывался. Но счасію моему сдѣлалъ онъ тогда, разговаривая такое движеніе, что открылъ свою правую руку, на которую тотчасъ любопытные глаза мои усстремились. Рука сія показалась мнѣ наипрелеснѣйшею рукою женскою, и я увидя оную зашрепешалъ, не зная самъ онъ чего; и какъ любопытство мое уже не упустило ничего, тогда и голосъ его показался мнѣ нѣжнымъ, хотя пустынникъ и старался произносить его съ нѣкоторымъ напряженіемъ, чтобъ шѣмъ онъ походилъ на мужеской. Сколько ни слабо было сіяніе онъ лампадъ, однако глаза мои примѣтили между бѣлыми бровями и сѣдою бородою такую нѣжность и красоту лица, копорыя совсѣмъ перемѣнили мои мысли и обратили дружество мое къ

ма мое молчаніе. Тебѣ непремѣнно должно показаться удивительнымъ мое превращеніе: я еному вѣрю, и въ томъ соглашаюсь; но когда ты услышишь причины, побудившія меня къ оному, то конечно пересудишь тогда ему удивляясь; и вошъ причина, побудившая меня къ сему чудному превращенію. По славѣ твоихъ изрядныхъ качествъ и добродѣтелей узнала я о тебѣ уже давно, и имѣла къ достоинствамъ твоимъ всегда почтеніе; пошомъ увѣдомилась о всѣхъ твоихъ общошельствахъ, что ты Славянинъ и здѣсь иностранецъ; что ты лишился двухъ благодѣтелей, и наконецъ своего родителя; что ты впалъ отъ того въ пресильную печаль; что возненавидя свѣтъ и непостоянное его счастье, пришелъ въ такое странное опчаяніе, что хошѣлъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, оставя чловѣческое обхожденіе, удалиться въ уединеніе, и уже принялъ къ шому мѣры.

Тогда я побуждаема будучи чловѣколюбіемъ и славою твоихъ достоинствъ, захошѣла вывести тебя изъ твоего заблужденія; но разсуждая о способахъ къ шому, не находила ихъ, пошому что

ежели бы я стала тебя увѣщевать въ такомъ образѣ, въ какомъ шеперь нахожусь, по непремѣннобѣ ны меня не послушалъ; а что больше всего, побѣ могла я впаснь чрезъ сѣ въ оковы злословія, да и ны бы самъ не иначе оно счелъ, какъ признакомъ или моего неразумія, либо шщеславія, или же знакомъ моей къ тебѣ любви, кошоря хотпя сама по себѣ ни мало не подвержена порицанію; но злословцы дали бы ей непремѣнно имя беззаконія. И шакъ видя себя съ сей стороны неспособною подати тебѣ помощь, прибѣгнула я къ сей хитрости изъ одного сожалѣнія къ чловѣку, чшобѣ прекращаясь въ пущыинника и чловѣка, живущаго подѣ закономъ сирогія добродѣтели, спознашься съ шобою, и ошвлечь тебѣ ошѣ швоего шрачнаго намѣренія, доказавъ тебѣ заблужденія смященныхъ швоихъ мыслей. Намѣреніе мое мнѣ удалось; и шакъ я шеперь довольна, исполнила должностъ, шакъ чшобѣ заслужишь ошѣ тебѣ имя прѣшельницы, коею хочу я бышь тебѣ ошѣ искренняго сердца.

Представъ себѣ, продолжадѣ Славуромъ обращаю къ Силославу, какво

тогда было мое удивленіе по выслушаніи ея рѣчей. Я почти не вѣрилъ самъ себѣ, что все то слышалъ, и на нее смотрѣлъ; я не могъ себѣ вообразить, чтобы женщина въ ея лѣтны могла вмѣщать въ себѣ такую добродѣтель и разумъ для спасенія ближняго своего оубъ напасши; напоследокъ оправясь оубъ моего смяшенія благодарилъ ей начувствившійся образомъ, прося ее и впередъ продолжать ко мнѣ свою благосклонность, за которую обѣщалъ ей во вѣкъ оснанъся преданнѣйшимъ ея слугою.

Но я уже не одну чувствовалъ къ ней тогда благосклонность: прелестнь ея лица, добродѣтель и разумъ лшая въ удивленныхъ моихъ мысляхъ, производили въ сердце моему неугасимый пламень; и я уже не шолъ былъ больше Славуронъ, конорой снремился бѣжашъ въ пустыню. Все мое сердце и мысли прилѣпилися къ прекрасной моей правдоучительницѣ: разлученіе мншшное съ нею казалось мнѣ ужаснымъ гробомъ и зборищемъ всѣхъ напасней; и шакъ опредѣлялъ себя сшаранъся узнать ея обо мнѣ мысли, и вывѣданъ, не любовь

Часть I.

И

ли была причиною сшаранія ея объ удержаніи меня въ свѣпѣ.

Предпріявъ сіе намѣреніе вникалъ я во всѣ ея рѣчи ; но прошиву желанія моего находилъ въ нихъ неизвяснимую скромность. Наконецъ доведя разговоръ до ея сосшоанія, просилъ ея, чшобъ она удостоила меня обѣявленіемъ общошпельствѣ, касающихся до ея жизни. Прозьба моя безъ ошговорокѣ была удовольствована. Я, говоряла она, уроженница города Аѣниѣ : ошецъ мой имѣлъ тамъ санъ священника Палладина. Нѣкогда пришелъ въ домъ нашъ иноспираниецъ, подѣ зидомъ, чшобъ просипъ опца моего принесетъ Аѣниѣ обѣщанную имъ жершву; но въ самомъ дѣлѣ желаніе его было увидѣшь меня и свестъ съ ошцемъ моимъ знакомшво, чшобъ чрезъ шо получишь свободной входъ въ нашъ домъ. Онъ былъ жинель здѣшняго города, и начальникъ Легіона ; въ Аѣинахъ былъ онъ шогда для нѣкошораго дѣла по повелѣнію здѣшняго Кесаря: онъ меня по праздникамъ видывалъ въ Минервиномъ храмѣ и влюбился въ меня. И такимъ образомъ сседиши попомъ съ родишелемъ моимъ хорошее знакомшво ;

зачалъ за меня свататься. Отецъ мой зная его доспосиштво и добродѣшель, безъ всякихъ ошговорокъ на шо согласился. Свадьба наша была сыграна благополучно, и по нѣсколькихъ послѣ оныхъ дняхъ ошправля мужъ мой положенное на него ошбъ Кесаря дѣло, возвратился въ свое ошечеснво; на послѣдокъ по полугодномъ со мною сожишнн, будучи въ походѣ противъ варваровъ, убишъ на сраженнн; и шакъ я оспалась вдовою и наслѣдницею всего его имѣння, пошому что другихъ кромѣ меня наслѣдниковъ у него не было. Вошъ вся моя ншопрн, примолвила она мнѣ, и я уже мѣсяца сѣ два вдовою.

По окончаннн своей повѣснн разговаривала она со мною о вещахъ пошороннихъ; а я напрошнвъ шого будучи мучнмъ любовно, не думалъ уже болѣе ни о чемъ кромѣ моей сшраснн; покушался штысячу разъ ошкрышь ее моей побѣднпельннцѣ, но робосшь и сшпыдъ и важной ее видѣ всегда меня удерживали ошбъ исполнення онаго. По крайней мѣрѣ сшарался я ошкрышь оную околичностями, и оными же взаимнымъ образомъ и ошбъ нее получалъ. Такимъ успѣхомъ

хншрости моей будучи ободренъ, хотѣлъ было ей настоящее сдѣлать открытіе; но наснуписьшая глубокая полночь помѣшала моему благополучію. Обладательница моя не давъ миѣ докончить начатыхъ мною словъ, всшла посиѣнио со сна, и пожелавъ миѣ доброй ночи, осватила меня въ пущемъ прежняго смяшеніи; послѣ чего и я пошелъ домой кленя несчастливую мою участь, сдѣлавшую меня на всегда игралищемъ счастья,

А я въ ешо время пересталъ повѣсшвовашъ мои рассказы, по шому что первой часъ ночи объявилъ намъ, что по Ипнову указу не должно было болѣе не дремлючи сидѣшь; и шакъ пошелъ я къ своей постелѣ,

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЬ 9.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Пришедши домой, продолжалъ Славуронъ, бросился я въ постелю; но

не для вкушенія сладкаго сна, а чшобъ опдаться волѣ моихъ мыслей, копорыя всеминнушо накладывали на меня крѣпчайшя любви оковы. Наконецъ по долгомъ размышлении покрылъ меня Морфей своими крыльями; и едва я заснулъ, какъ прелесный призракъ представилъ передъ меня обожаемую мною красавицу. Сердце мое наполнялося восхищенемъ, я бросился къ ея ногамъ и гошовидся изъяснить все мое чувшво, какъ вдругъ вскружившійся вихрь похишилъ ее изъ глазъ моихъ. Я закричалъ, и въ самое шо время вошелъ ко мнѣ мой служишель и докладывалъ мнѣ, что незнакомой человекъ желаетъ со мною видѣшья. Я его приказалъ впустить; служишель мой его кликнулъ, и незнакомой подалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержания, кошорое я еще и до сихъ поръ помню:

„Что я шебя любила Славуронъ, оше
 „доказали все шебѣ мои посшупки; но
 „я видѣла, ешшли шолько не обманывалася,
 „что и ты ко мнѣ шо же чувшвуешь.
 „Я было опредѣлила скоро уже увѣнчашъ нашу
 „спраснь, и доказала бы шебѣ, что я спою швосю.

Н 3.

„быль: я не Аюпянка и не жрецова
 „дочь, какъ тебя вчера увѣряла, а зиа-
 „ниаго въ здѣшнемъ городѣ господица;
 „по жестокиѣ случаи вопрошивались
 „моему желанію. Просни Славуронѣ! я
 „ѣду, судьба лишаетъ меня шьего при-
 „сушсшвія и влечешъ въ неизвѣстную
 „миѣ дорогу; но есшди шы меня пря-
 „мо любишь, то будешъ искашь меня
 „и на краю свѣша; Просни! и помни
 „по, что я тебя люблю.

Ахѣ! вскричалъ я тогда, ужасной
 громѣ не можешъ сильнѣе поразишь,
 сколько я былъ пораженъ жестокиѣ
 симъ извѣстіемъ. Теченіе крови моеѣ
 осшановилось, грудь моя сширалася вздо-
 хами, лице обливалося слезами, и я не
 иначе споялъ, какъ приговореннымъ
 на казнь. Въ шакомъ плачевномъ буду-
 чи сосшояніи едва черезъ часъ моѣ со-
 брашъ расшоченныя мои мысли, и обо-
 рошившись къ писмоноесцу спрашивалъ
 его, ошкуда онѣ ешо письмо получилъ,
 и кто ему его далъ? Я, ошвѣщсшво-
 валъ онѣ, имѣлъ нужду бышь сего дня
 рано въ предмѣстїи города; и когда
 исправя оную возвращался въ городъ,
 тогда поравниалась со мною дорожная

кареши, изъ коей закричали возницѣ, чибѣ онѣ остановился, а послѣ и меня прикликали къ карешѣ; въ оной сидѣли двѣ женщины, одна изъ нихъ въ самомъ цвѣтѣ молодости; а другая уже въ довольныхъ лѣтахъ, которая спрашивала меня, знаю ли я шебѣ? Я ей ошвѣтснвовалъ, что хопя шебѣ никогда не бывалъ знакомъ, шолько по славы мени швоста о шебѣ извѣсненъ. Тогда старая женщина говорила мнѣ, что ты ея племянникъ, и просила меня ошданы шебѣ это письмо и извинишь ее, что она безъ прощенія съ побѣо разснвается, но шому что ешого ей сдѣланы не можно; да и подлинно не лзя ей было никакъ изъ карешы ошлучишь, продолжалъ рѣчь свою незнакомецъ, по шому что окружали оную шеснь вооруженныхъ конниковъ, которые и меня на силу допустили къ карешѣ, и съ великой прозьбой и слезами старой женщины ошпустили меня съ письмомъ къ шебѣ. Воиъ вся моя исперя, примолвилъ письмоносецъ, и поклонясь пошелъ онѣ меня.

Я оспался неподвиженъ, разумъ мой меня оставилъ и разсужденія мои

опѣ меня удалились, лишиться живота въ то время починалъ я небеснымъ даромъ; но мнѣ уже и предсавлялось, что смерть моя ко мнѣ приближается и возносишь опирую свою косу, чтобъ сѣчь меня и свергнушь въ мрачное Ниево жилище. Напоследокъ вышелъ я изъ моего заблужденія, но чтобъ опдашь въ жесточайшую печаль; попомъ въ опчаяннн моемъ предпріялъ я ѣхашь и искашь ее по всему свѣцу. Приказалъ пошчасъ осѣдлашь себѣ коня, и не разсуждая ни о пригошовленнн къ пупи, ни о снабдѣваннн себя нужнымъ, сѣлъ и поѣхалъ не зная самъ куда. Смяшеннн мое повсюду за мною слѣдовало, и не оставило бы меня долго, ешьлибъ шумъ, сдѣлавшнйся подлѣ меня, не разогналъ его. Я поднялъ глаза и увидѣлъ себя окруженнымъ вооруженными людьми, кон не медля ни мало схватили меня съ моей лошади, посадили въ прѣугошовленную коляску, завязали въ ней мнѣ глаза, и попомъ повезли меня; причемъ запрещали кричашь и рвашься, ешьли не хочу бышь умерщвленнн. Сколько жизнь моя была ни несносна, однакожъ не хощѣлъ я лишиться ее

отъ рукъ моихъ похитителей; и такъ въ халъ ни мало имъ не прошивась.

Попомъ привезли меня въ шемницу, копорая показалась мнѣ ужаснѣе и самой смерти, и шуиъ заключили. Я препроводилъ всю ночь въ великомъ ужасѣ, и не зналъ что мнѣ начашъ въ моей опасности. По утру вошелъ ко мнѣ начальникъ спражи шемничной и объявилъ, что приказано содержать меня шуиъ наиспрожайшимъ образомъ. Я спрашивалъ его, въ чемъ я проснуиился, и за что долженъ шердѣшь такое наказаніе? Но онъ мнѣ изъ шо ошвѣш. сшвовалъ незнаніемъ, прибавляя къ шому, что онъ шолько шо вѣдѣиъ, что я обвиненъ, и что казнъ совершшися надо мною черезъ шри дни. Сказавъ сіе вышелъ онъ воиъ я ошавялъ меня ушопашъ въ моемъ ошчаянш. Тогда горешъ моя ошъ часу прибавлялася, и неизвѣсшная судьбина шерзала мое сердце наилошѣйшимъ образомъ. Я ошдался совѣмъ сшѣдающей меня шоскѣ, и положилъ шеробко лишшися шревожной моей жизни, нежели ошдашъ на свѣшѣ по всякой часъ новаго сшраданія.

Мало спустя потомъ услышадъ я стукъ у дверей моей шемницы, я оглянулся къ нимъ, ожидая кто войдетъ; но какой ужасъ поразилъ мое сердце, когда узналъ я въ вошедшей ко мнѣ женщицѣ Веспону, наперсницу моей любезной! Я почти помертвѣлъ, и не зналъ что подумать: она была окружена спражею; печальное ея лице не предвѣщало мнѣ ничего добраго; въ смятеніи моемъ не могъ я ничего ей выговорить. Наконецъ она поглядѣвъ на меня глазами извѣстными ошчаяніе и страхъ: увы! возопила потомъ, несчастной Славуронъ! такъ и себя никакъ судьба на шо же осудила, на что и невинную Филомену. Какъ! перервалъ я скоропосѣнно ея слова, не уже ли и Филомена содержишя въ сихъ ужасныхъ мѣстахъ? Ишъ, продолжала Веспона; она уже въ царствѣ мершвыхъ. При сихъ словахъ разумъ меня оставилъ, и я уже не помнилъ, гдѣ я находился, жестокой обморокъ лишилъ меня всѣхъ чувствъ.

Спустя нѣсколько времени я очуствовался, раскрылъ упомянутые мои глаза и увидѣлъ Веспону и спражу ея

спарающихся мнѣ помочь. Оставивше
 ваннѣ шрудѣ, говорилъ я имъ ослаб-
 шимъ голосомъ, смернѣ въ семъ случаѣ
 для меня не ужасна, я ее почишаю не-
 беснымъ даромъ. Увы ! на что мнѣ
 жизнь лишешному Филомены? Она одна
 ее удерживала ; а теперь болѣе она
 ни къ чему не служилъ, какъ только
 къ шерзанію моего сѣрдца и къ преда-
 нію шѣла моего на казнѣ несправедннго
 суда. При сихъ словахъ слабость моя
 опять ко мнѣ возвратилась, и я при-
 шелъ въ прежнее безнамншство; но по-
 печеніе Весшонно скоро меня опять
 ошѣ шого избавило. Успокойся, говори-
 ла оца мнѣ, теперь не время шобѣ ош-
 чаяваться, а надобно шпараннѣ о изба-
 вленнн себя ошѣ грозящей смернн; по-
 шомъ она дала знанн шпаражѣ, шшобѣ
 она удалнлась, что она и учинила.

Тогда Весшонна уменьшая свой го-
 лосѣ говорила мнѣ шакѣ : ешнлибѣ я
 не шпараннлась о швоей жизни, почи-
 шая шобѣ за высокн швой досшонншн-
 ва, и не боялась бы шакже и себя по-
 губншн; шакѣ на что бы мнѣ и при-
 ходншн сюда о шомъ шобѣ увѣдомншн;
 но прежде всего хочу шобѣ увѣдомншн

о несчастіи нашемъ. Ты ужъ вѣдаешь, что Филомена не Авинянка, а дочь знатнаго Вельможи сего гѣрода; но несчастіе не переснаешь за людьми гнащся и при великихъ ихъ санахъ. Онецъ швоей любовницы имѣлъ у себя давнишняго непріятеля, кошорой завсегда старался его погубишь. Оное ему шрешьяго дни и удалось: онъ оклеветалъ прошивника своего Кесарю, у кошораго онъ въ великой милосши. И шакъ вчерашняго дня приказано надъ нимъ свершишь казнь и умершвишь ядомъ его дочь и всѣхъ домашнихъ; а шебя взяли подъ караулъ, какъ ихъ сообщника: ибо злодѣй нашъ ищешъ всѣхъ шѣхъ погубишь, кошорые хонъ чушь ему покажутся подозрѣшельны. Я бы и сама уже давно была въ царствѣ Плутоновомъ, ешь либъ не удержалъ жизни моей до сихъ поръ случай; о кошоромъ я шебя шеперь же увѣдомляю.

Когда вчера насъ повезли на казнь, шогда къ окружающему насъ караулу прискакалъ человѣкъ, кошорой пошепшавъ нѣчно начальнику нашей спражи ошянь уѣхалъ. Начальникъ не медля ни мало велѣлъ мнѣ вышши изъ каре-

ты, и посадя меня въ другую, кошорую велѣлъ тотчасъ сыскать, приказалъ меня везти въ сіи шемницы, въ коихъ я до вечера находилась. никого не видя. Подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ объявленной начальникъ стражи, и приказалъ мнѣ изъ шемницы за собою слѣдовать. Выведши меня на дворъ, приказалъ подвезти карету, въ кошорую сѣвши со мною приказалъ ѣхать въ назначенное имъ мѣсто.

Такимъ образомъ прѣехали мы въ городъ и остановились передъ самымъ великолѣпнымъ домомъ. Провожаной мой провелъ меня въ оной черезъ пошатенную лѣстницу, и введши въ пошатенную комнату оснавилъ меня одну. Мало спустя пошомъ вошла ко мнѣ дѣвица, кошорая по виду и плашью своему показала мнѣ дочерью знатнаго господина, въ чемъ я и не обманулась. Я поклонилась ей очень низко, и положила ошъ нес ожиданъ прерванія молчанію. На поклонъ мой опвѣщивовала она мнѣ своимъ; пошомъ сѣвши въ кресла приказала и мнѣ сѣсть. Я опговори- валась, о днако она меня принудила; по-

шомъ помолчавъ нѣсколько начала она шакъ:

Посшупокъ мой покажешя, можешъ бышь, шебъ сшраннымъ, и кшо не любилъ, шонш сочиншъ его безразсуднымъ и непошребнымъ, а знающшй сшльную руку Брошову найденшъ его конечно извиненшя досшойнымъ. Я шебъ признаюсь, люблю и любовь причиною шво его освобожденшя онш смерши. Знаш, я дочь шего, кшо причиною несчастшя вашего дому: мой ошецъ погубилъ шво его господина, дочь его и всехъ сродникоеш и служштелей, шъ кошоромъ числъ и шы была бы, ешшлибъ я шебя не избавила.

Услышавъ сше бросилась я къ ея ногамъ и благодарила ее за великодушное ко мнш покровишельство, а она подиявъ меня продолжала шакъ: Да, Весшона, шы шеперь мнш обязана своєю жизнью, а я шебъ буду своей, ешшли шы пособишь моему предпршшю: слушай, я люблю Славурона, и полюбила его сш швхъ самыхъ поръ, когда покойная швоя госпожа начала его любшшь. Я знала, чшо и онш ее любилъ; и шакъ не надъясъ шогда искоренишь изъ серд-

ца его такой страсти, коя одною смертию изгоняешься, спаралась и свою къ нему скрывать и умѣрять; но шеперь смерть Филоменина воздвигла се на высочайшую степень надежды, и ласкаюсь, что помощію швоею могу пользоваться его нѣжною любовію, кошорую онѣ ощущалѣ къ моей совѣсшницѣ, и кою шеперь пишашь ему къ ней бесполезно и поздно.

Окончавѣ свою рѣчь она замолчала и ожидала онѣ меня ошвѣща; а я не знала, что ей сказашь, нечаянное ея ошкрышіе смушило меня несказанно; наконецѣ, боясь се прогиѣвашь долгимѣ молчаніемѣ, ошвѣщшвовала ей шакѣ: милость швоя, государыня, оказанная мнѣ въ спасеніи моей жизни, столь для меня велика, что я не перешану во весь мой вѣкъ се чувшшовать и молишь Боговѣ, чтобѣ они наградили шебя за нее шмокрашно. Что же касаешься до Славурона, то я хоща охощно желаю шебѣ услужишь, но не знаю, какѣ сіе дѣло начашь: первое шо, что я въ заключеніи, и не могу его сыскашь - - - Нѣшѣ, перехватила она, шы его можешь завшра же

найпч : ибо онъ по приказу моего роднела взянъ и посаженъ въ ту же шемницу, въ кошорой и ты находи- лась; ты можешь къ нему завпра пой- ти и объявишь, что я его люблю, и что спасеніе жизни его зависнъ онъ сошвѣшсшвованія его на мою любовь; впрочемъ ни ты, ни онъ безъ сего не останешесь живы. Сказавъ сіе, она ушла и оставила меня въ ужасъ, же- сшочайшемъ прѣжняго.

Посомъ вскорѣ послѣ сего при- шелъ ко мнѣ начальникъ шражи, и онъвезъ меня опашъ въ сію шемницу, подшверждая мнѣ слова госпожи своей; а сего дня по приказанію приведена я къ шебъ, чшобъ извѣсшшь шебя обо всемъ шомъ, и получишь на шо онъ шебя онвѣнъ. Окончавъ свою рѣчь Весшона замолчала и ожидада онъ ме- ня онаго.

Предсшавъ ты себѣ, примолвилъ Славуронъ, какво шогда было мое смущеніе? Мысли мои и шакъ уже были усшрашены шемницю, а смерть любезной моей незнакомки почши ли- шила меня разума; но принужденіе ондашь мое сердце другой, коея ошецъ

лишилъ меня всего того, что льстило мнѣ на свѣтѣ, показалось опверснымъ адомъ. Я пришелъ въ ужасное бѣшенство, проклиналъ причинителя общаго нашего несчастія, оплакивалъ смерть моей возлюбленной; негодовалъ на ея совмѣстницу и выговаривалъ съ укоризною Веспонъ за неврѣдность ея къ своей госпожѣ; и за подлую робость къ смерти; пошомъ пригошовлялся великодушно умереть. Веспона съ своей спороны прилагала все способы меня упѣшить и склонить на свое прсбованіе, не оставила ни ласкашельства, ни слезъ, ни вздоховъ, копорыми бы ей пронушь меня было возможно; но ни чѣмъ не могла поколебать меня, и шакъ ушла, угрожая мнѣ скорою смертію. Я осмался одинъ и призывалъ смерть, что бы она меня сама сразила, и лишила бы шѣмъ спыда умереть подъ рукою палача.

Однако въ самое ешо время сонъ шолкнулъ меня въ запылокъ шакъ исправно, что началъ я дремать; и шакъ сомкнувъ многглаголивья мои ушна, оставилъ повѣснгованія мои до другаго дня.

Часть I.

0

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЬ 10.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

На другой день, когда я лежалъ на моей постели, и исполнялъ голову мою страшными воображеніями о предстоящей моей кончинѣ, отворилась дверь моей шемницы и множесствомъ огней освѣнилось ужасное мое жилище; пономѣ вошли чинше невольника одѣтые въ великолѣпное платье, которое несли чинше золотые подсвѣшника со множесствомъ свѣчъ; за ними слѣдовали нѣсколько другихъ, которые несли преблаганные золотые ковры, и оными поочасъ услади по бѣдственнаго моего жилища; пономѣ принесли покойныя сѣдалища покрытыя бархатомъ, а за ними слѣдовали еще нѣсколько и послѣ серебряную жаровню, которая благоухала разными ароматами, и услышали все оное вездѣ по надлежцему.

Все это прѣугошовленіе показалось мнѣ воображеніемъ, которое сонъ при-

чиняетъ намъ въ своихъ обѣщаніяхъ. Я думалъ, что это одно только привидѣніе. Въ сихъ пребывая мысляхъ и не избавясь еще совсѣмъ отъ моего смущенія, вдругъ увидѣлъ я новое позорище представившееся моимъ глазамъ. Прекрасная и великолѣпно одѣтая дѣвица вошла ко мнѣ, въ препровожденіи нѣсколькихъ женщинъ, увидя меня сдѣлала мнѣ учинивое привѣнчивіе и сѣла пономъ въ пригошловенныя кресла; а я съ моей стороны, желая ей отпѣнчивованіе, наклонился и упалъ безъ чувствъ на землю. Я не знаю, что отъ со мною тогда дѣлала; но когда я очутившовавался, то увидѣлъ, что пришедшая госпожа, Вещона и невольники упражнялися въ шомъ чинобъ подати мнѣ помощь. Увы! государыня моя, возопилъ я вславиши помогающей мнѣ госпожѣ, щещении ны испощеваеишь попеченія свои, подавая мнѣ не нужную помощь для спасенія живота моего. Я не хочу жизни болѣе извѣннѣ: отъ для меня несноснѣ и ужаснѣ, когда лишился я въ немъ того, что мнѣ болѣе жизни моей льщило... По семъ я замолчалъ и пошупилъ глаза мои въ землю извѣсняющіе глубокое мое сокрушеніе.

Я почишаю швою печаль справедливою, говорила мнѣ нѣсколько помолчавши незнакома я гсспожа, она показывалась швое доброе сердце и благодарносшь къ шой, кошорая шебя любила спрашива; но шенерь не имѣешь шы нужды вдаваться въ нее сколько много. Досшонисшва швои сыскали шебѣ другую обожашельницу, кошорая не усшулаешь (Филоменѣ ни внушренними, ни внѣшними качесшвами. Это я, продолжала, она нѣсколько покраснѣешь и дѣлая видѣ и голосѣ гораздо нѣжише прежняго; я, кошорая съ усердіемѣ хочешь заснуишь ее мѣсто, сдѣлаешь шебя владѣиелемѣ моего сердца, имѣишь и досшонисшва. Ты уже знаешь, что я знаишаго ошца дочь, и могу сдѣлаешь все, что шолько ни захочу, и думаю, что шы мою благосклонносшь не пребрежешь, когда найдешь во мнѣ высочайшее швое счастье; пошомѣ она замолчала и ожидала съ жаждущими глазами моего мнѣиша.

Я не хочу шебѣ извясияшь, продолжалъ Славуронѣ, какими чувствѣями наполнялось шогда шревожушееся мое сердце; ошчаяише, кончина моей возлю-

бленной, досадное открытіе, мщеніе за
смерть моей любовницы и мое заклю-
ченіе разрывали оное на части и воз-
двигали чувство мое на всякоѣ бѣд-
ство. Въ семъ будучи огорченн взглянулъ
я на нее весьма презрительно, и сказалъ
ей съ гордымъ видомъ, что прелестни-
ца не шокмо не въ состояніи привести
меня въ восхищеніе, но ниже выгнать
изъ сердца моего огорченіе, а на про-
шнвъ шого усугубля: а въ мнѣ жела-
ніе скорѣе умереть, и щѣмъ избавишь-
ся оиѣ зрѣнія гнусныхъ убійцъ моей
любовницы. Но семъ бросился я въ
мою постелю и болѣе ничего не ошвѣш-
сшвовалъ на всѣ ихъ ласкашельства и
прошбы. И шакъ окончавъ она безплод-
но свое предпріятіе, пошла оиѣ меня
съ великимъ гнѣвомъ, грозя мнѣ скорою
смершю и мучительною казню. Вес-
шона ошавшися со мною, сшгралась
еще меня уговариващ; но наконецъ уш-
ла болѣе посрамленною, нежели первая.
Спусшя нѣсколько времени увидѣлъ я
Весшону опашь со мною вмѣстѣ: она
брослась предо мною на колѣни и про-
сила меня еще о шомъ со слезами.
Когда шы сшолько швердѣ въ своей

любви, говорила она мнѣ проливая свои слезы, но по крайней мѣрѣ избавь меня невинную отъ мученія; прошу тебя хоть для этого соощивѣнствовашь на любовь новой швоей благодѣшпельницы. Завтра конечно намъ умеренъ назначено. Оснавь въ семъ необходимомъ случаѣ на время непоколебимую швою върносшь къ Филоменѣ; избавь меня отъ смерти: извиняшъ посшупокъ сей всѣ люди и самая швоя совѣсшь. Услышавъ имя моей возлюбленной, сердце мое окаменѣло, прогнало сожалѣнше о Весноцѣ и вложило въ меня безспрашше высшупишь изъ сего сѣша.

Насшупившую ночь препроводилъ я всю въ превеличайшемъ безнокойсшнѣн; смущенныя мои мысли и безпрешанно шерзающееся сердце ни на одну минушу не имѣли ошдохновенія. Я ошваживалъ себя къ смерти, но природное чувсшвованше вселяло въ меня ужасъ и шрепешанше; впрочемъ не думалъ я искашь избавленія измѣною моей возлюбленной. Ужасная и плачевная для меня ночь сцимала уже свой покровѣ, и смертоносный день показывалъ свое лице; все покондось къ своей ошрадѣ, одне

только мое страдающее сердце наполнялось большимъ мученіемъ. На что я ни глядѣлъ, куда ни обращался и что ни воображалъ при близкой моей кончинѣ, мнѣ все казалось мило. Мимоидущіе люди, конорыхъ могъ извѣстности видѣть, казались мнѣ родными, и я всякаго облобызалъ мысленно; на конецъ и спрашная моя шемница сдѣлалась мнѣ милымъ обитаніемъ. Я оплакивалъ и то, что долженъ разстаться шеперь съ нею. Когда я былъ наполненъ такими воображеніями, отворилась дверь моей шемницы и вошли ко мнѣ ненадобная моя благодѣшельница и пропивная взору моему измѣница Веснопа; увидѣвъ ихъ пришелъ я безпамятство и упалъ отъ превеликаго сманіенія на землю. Что онѣ мнѣ говорили и какъ старались опять склонять меня, того уже я не чувствовалъ: онѣ были шумѣ очень долго, и на конецъ такъ какъ и прежде, безъ всякаго успѣха оставили меня. Возвративъ опять слабыя мои чувства и спустя малое время, увидѣлъ я передъ собою начальника шемничной спражи, конорый говорилъ мнѣ сквозь слезы, чтобѣ я го-

повидся къ моей смерти, и что уже часъ шопѣ насупаешѣ. Услышавъ эицъ запряслись и подогнулись мои ноги, кровь во мнѣ оспановилась, блѣднось покрыва лице мое; я хотѣлъ говоришь, однако языкъ мой не поворошился. И шакъ возвѣспишель моей кончины положилъ меня безчувственнаго на носилею,

Пошомѣ, когда я пришелъ нѣсколькo вѣ себя, предснאלъ мнѣ жрецѣ и повелѣлъ, чшобы я сдѣлалъ послѣднее покаянiе Богу; чшо я не медля и исполнилъ; и когда наснало опредѣленное время, принесли мнѣ бѣлую одежду, вѣ которой обыкновенно водила осужденныхъ на казнь, и вѣ нее меня одѣли. Когда уже я былъ совѣмъ гошовъ, шогда Вещнона прибѣжавши ко мнѣ, упала къ моимъ ногамъ и просила меня со слезами, чшобы я согласился на ихъ предснавленiе, и чшобы я оспался жишь еще на свѣишѣ; и еще вѣ самое шоже время принесъ невольникъ мнѣ письмо онѣ новой моей благодѣтельницы. Я взялъ его шрепещущими руками, и сколько ни слабъ былъ вѣ моемъ разсужденiи, однако прочишалъ

его: оно было слѣдующаго содержанія, я и теперь еще его помню. Когда уже души не жалѣешь себя, то по крайней мѣрѣ, прошу тебя, пожалѣй эту невзвѣсную, которая теперь перзаеется своею смертію. Я чувствую мученіе въ моемъ сердцѣ, и можетъ быть сама умру вмѣстѣ съ тобою. Прочитавъ его взглянулъ я на начальника шемницы и сказалъ ему опечальнымъ голосомъ: Ну! - - - уже ли время вести меня на казнь? При семъ словѣ приказалъ онъ воинамъ окружить меня; и шакъ повели изъ шемницы, и выведши изъ оной посадили въ украшенную карету, и закрывши всею снѣжкою повезли въ неизвѣстную мнѣ дорогу.

Наконецъ бѣжавъ очень долго остановилася карета, расшворили у оной двери и просили меня съ великимъ подобострашіемъ, чтобы я изъ нее вышелъ. Какъ только я выступилъ, начальникъ спражи и другой подобной ему господниъ взяли меня подъ руки и повели на великолѣпное крыльцо. Ты меня извинишь, приговаривалъ Славуронъ, что я смѣлленно само буду тебя рассказывать, по тому что я въ то время

почини самъ себя не чувствовалъ. Накрыльцѣ сшояло множество господъ и встрѣчали меня какъ большого и надобнаго человека; пономѣ сдѣлавъ мнѣ съ инокшорымъ подобоспраснѣемъ дружеское привѣщеніе повели въ покон, конорые убраны были весьма великолѣпно, и у конорыхъ все двери расшворены были нашинжѣ. Когда я черезъ оныя шелъ провожда мѣ встрѣщеними меня господами, вевольники передо мною открывали сшоядѣя по сшоронамъ жаровни, конорыя благоухали разными аромашами; вшедеди увидѣлъ я преольшую залу и сшоль накрывшой на множество особѣ весьма великолѣпной, какъ надобно бы бышь Царскому браку. Перешедъ все покон, какъ шолько я перешунидъ черезъ пороѣ въ украшенную разными и рѣдкими сокровищами шое залу, шо вдругъ огромная музыка. . . .

При семъ словѣ я занулся; со мѣ дернулъ меня за языкъ и зжалъ мои губы. Тушъ надобно рассказывашъ хорошенько, а мнѣ захошѣлось спать; и шакъ оставилъ я описаніе сшого великолѣпнѣя до другаго чечера.

Иной можетъ быть нешерстливой охотникъ слушать скаски вознегодуща на ено, чшо повесть перервана на шакомъ мѣстѣ. Расказчикъ говоритъ, чшо соиъ шому виною; а соиъ глаголетъ, сочинитель шому причина; а сочинитель высокою своею особою изволкииъ предлагати, чшо расказчикъ виноватиъ. Однако изъ шрехъ изъ энихъ кошорое шибудь да правда; впрочемъ сочинитель окончавъ первую часть захошѣвъ итсколько успокоившя, шпобѣ приняшя ему за шноруиу съ свѣжими мыслями.

ТОЛЬКО ВЪ ЭТОЙ ЧАСТИ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ
СКАЗКИ.

ЧАСТЬ II.

изданіе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева,

1789.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

ВЕЧЕРЪ II.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Я остановился на словѣ музыка... перервала мое изступленіе; мысли мои начали касаться насущаго, живящему пуши; окаменевшее сердце начало смягчаться; и нѣкоторое побужденіе приводило его въ радость; пред-

Часть II.

▲

шестивующая глазамъ моимъ смерть скрылась отъ моего взора . Въ семъ великолѣпномъ залѣ собраніе было небольшое, и показалось мнѣ пріятельскою бесѣдою; всякой подходилъ и поздравлялъ меня съ полученіемъ отъ Кесаря милости, чему я весьма удивлялся, и не зналъ, что отпѣчанъ на ихъ привѣщенія . Потомъ , когда уже все поздравили, начальникъ шемничной стражи просилъ , чтобы я за нимъ послѣдовалъ . Мы пришли въ богатоубранную спальню , гдѣ изложено было для меня множество великолѣпнаго плашья; онъ спрашивалъ, какое я хочу теперь надѣсть , они все къ моимъ услугамъ . Прежде всего просилъ я его рассказать мое превращеніе, которое въ явѣ смуцало мои мысли . Государь мой ! отпѣчалъ онъ мнѣ , ты скоро все узнаешь ; первой министръ теперь въ швоемъ домѣ , которой уведомилъ себя обо всемъ . Услышавъ онъ него, что это мой домъ, не зналъ я, что ему отпѣчанъ . Приключеніе это зашворило мои уста , и я положилъ молчанъ до времени; удивленіе разсѣявало мой разумъ , и мнѣ представлялось , что безпокойной соиъ тревожилъ мою природу .

Сняли съ меня шо плащье , въ ко-
ромъ долженъ былъ я появиться въ Плу-
тоново владѣнїе, и нарядили въ богатое,
которое предзнаменовало, что жизнь моя
опянь возвращаешя. Когда же изумленїе
начало опсипуть опъ меня понемногу ,
шога нѣсколько ободрясь, вышелъ я опянь
въ залу ; въ оной приняли меня еще съ
большимъ почтенїемъ, и сѣли мы все за
столъ. Минисиръ сѣдѣлъ начальною осо-
бою, а я по правую у него руку . Проче
сѣдѣли по должностивамъ. Всѣхъ, сколько
шунъ ни было, сердца и лица наполне-
ны были радоснїю ; очень мало продол-
жался между нами молчанїе. Минисиръ
началъ мнѣ говоришь такимъ образомъ,
что слушали и все: Пришель мой Славу-
ронъ ! желаю, чтобъ шы не счелъ слова
мое деснїю обыкновенною всемъ при-
дворнымъ людямъ, коихъ увѣренїя
не согласуются съ сердцемъ ; мое при-
знанїе истинно и ненорочно , я хочу
объяснїишь о тебѣ мое мнѣнїе ; знаю
опянь и шо , что хвалишь персонально ,
знакъ посмѣянїя или нечувствительна
звинительной десни ; но шо должно бышь
изъ уснъ развращаго человека ; а мое
сердце и языкъ къ шому не обыкли.

4

Безпримѣрная швоа добродѣпель и по-
сшупки, о кошорыхъ извѣсненъ я и
весь городъ, шолкое произвели во мнѣ
почтеніе, что я починаю себя неудоб-
нымъ сдѣлать шебъ за нихъ воздаяніе.
Я здѣсь первой минисиръ и сенапоръ;
слѣдственно должностъ моя увѣдом-
лясья о разумныхъ и добродѣтельныхъ
людяхъ, предшашельсшвовашъ о нихъ
Кесарю, и возводилъ на приличную имъ
сшепенъ. Я сдѣлалъ шю и сѣ шобою;
шолько не знаю, не покажешья шебъ
сше ненадобнымъ. Ты здѣсь чужесшра-
нецъ; хошя мы и живемъ шеперь въ
несогласіи со Славянами, однако сѣ
шобою посшунилъ мы не намѣрены шакъ,
какъ сѣ невольникомъ, въ доказатель-
сшво чего предшавляю я ешо: Онъ вы-
нялъ изъ кармана бумагу, подалъ ее
своему секретарю, и приказалъ ему
чиншшь. Ешо былъ имяшшой указъ слѣ-
дующаго содержания:

„ Милосшїю и произволеніемъ бо-
„ говъ, мы, Кесарь, облакашель Греці-
„ ею, и повелишель многія окрешшныя
„ земли и неисчешныхъ оспрововъ, усмо-
„ шря ошмѣшную и безпорочную жизнь

„ иноплеменника Славурона , жалуемъ
 „ въ наши нѣбохранители Сопникомъ.
 „ Црѣское слово ненарушимо , и пребу-
 „ дейъ вѣчно досщонѣ и почтенѣ Сла-
 „ вуронѣ онѣ моихъ подданныхъ. По-
 „ велѣваю Кесарь Ал.

Какъ скоро окончалъ Секретарь ,
 Министръ взялъ у него указъ , и опдалъ
 мнѣ ; пономѣ всѣ начали меня поздрав-
 лять ; и шущъ я узналъ дѣйствитель-
 но , что жизнь моя перемѣнилась. На-
 полнившись великою радостію , бросил-
 ся я къ ногамъ сенатора и благодарилъ
 его , сколько восхищенныя мысли поз-
 воляли моему языку. Пономѣ началось
 пированіе , котораго я здѣсь обѣяснять
 не буду ; возьми въ примѣръ веселыхъ
 и нѣсколько удивившихся людей , но лю-
 дей благородныхъ и пріятелей , що они
 будущѣ примѣромъ и чей бесѣдѣ. Во все
 это время слушалъ я новыя онѣ минис-
 тра обѣщанія. Когда же настало время
 уснокониться , тогда сенаторъ и всѣ съ
 нимъ бывшїе изъ дому моего уѣхали , и
 я ошадся въ ономѣ съ моими служиве-
 лями , которые мнѣ опредѣлены были
 не знаю онѣ кого , и служили мнѣ съ
 великимъ усердіемъ.

Когда я былъ при смерти, то и тогда не выходила изъ памяти моеѣ Филомена. Проснувшись по утру, разсуждалъ я о сенаторѣ, и очень много погрѣшилъ моимъ мнѣнiемъ пропивъ его добродѣтели; я думалъ, что онъ шонъ, которой истребилъ отца ея, и по прозбѣ своей дочери сдѣлалъ меня счастливымъ. Когда я разсуждалъ о семъ, то прислалъ министръ за мною, чтобы я поѣхалъ съ нимъ во дворецъ. Одѣвшись очень поспѣшно, пошелъ къ нему, и поѣхали мы въ царской домъ. Кесарь принялъ меня весьма благосклонно и поздравилъ самъ въ новомъ моемъ чинѣ. Приглашенъ я былъ къ столу Кесареву, и въ немногихъ особахъ обѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Во время нашего обѣда Государь не говорилъ ни съ кѣмъ больше, какъ со мною; я ему поправился сколько много, что приказалъ онъ мнѣ жить во дворецѣ. Очень въ короткое время сдѣлался я у него въ великой милости, и получилъ высокую степень. Когда Государь наименовалъ меня своимъ другомъ, тогда я сдѣланъ былъ военачальникомъ, и имѣлъ сколько счастья въ семъ случаѣ, что любимцы

государевы, копоры были прежде меня и послѣ, не имѣли такого успѣха. Впрочемъ при всемъ моемъ благополучи, сердце мое не находило прямого увеселенія, спрадая о кончинѣ моей любовницы. Въ одно время, желая опомъ дѣйствительно выпросить, позвалъ я секретаря моего въ кабинетъ, и требовалъ отъ него чпобы онъ разсказалъ мнѣ сверженіе любимаца царскаго перваго министра; но онъ опвѣчалъ мнѣ: Государь! сколько я помню могу, и сколько слышалъ и знаю всѣхъ министровъ, но въ Конспанпинополѣ такого приключенія не бывало. Такъ епо неправда, вскричалъ я съ восхищеніемъ? министры всѣ здравствуютъ, и ни съ однимъ никакого несчастія не было? Справедливо, опвѣчалъ мнѣ секретарь. Тутъ мысли мои совсемъ перемѣнились и опчаянная любовь вспрѣшилась съ великою надеждою. Съ выпихъ поръ я спалъ больше задумчивъ, безпокоенъ; ничто уже не могло увеселить меня, и я спарался быть всегда уединеннымъ. Нѣкогда прохаживаясь въ придворномъ саду, вспрѣшился я съ однимъ человекомъ, копорой подалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія:

„ Несчастливая Филомена благополучно
 „ ному Слапурупу желаю здравія.

„ Я нахожусь теперь въ семьъ горо-
 „ дѣ , и просила бы тебя , чтобы ты
 „ меня посетилъ , ежели еще охотки
 „ швоей ко мнѣ любви тебѣ оное доз-
 „ воляишь ; но бѣдное мое состояніе и
 „ порочная жизнь принуждающъ меня ,
 „ чтобы я спыдилась моего нещас-
 „ лива. Проси изъ вѣки.

Какъ скоро я взглянулъ въ письмо,
 и увидѣлъ имя Филомены , бросился
 облобызать подавшаго письма , равно
 какъ будто бы ту , которая его пи-
 сала. Прочитавъ его послѣднюю , просилъ
 я съ нешерпѣніемъ служить я , чтобы
 онъ проводилъ меня къ ней. Служивель
 извинялся передо мною , и предсказывалъ,
 что мнѣ въ шонѣ домъ войши не мож-
 но безъ поврежденія моей чести ; ибо ,
 говорилъ онъ , живецъ она въ водьломѣ
 домѣ. Я всюду слѣдую моею спрасни ,
 и ничего не опасаясь , говорилъ я ему:
 проводи меня.

Ночь уже была въ полной силѣ , и
 такъ началъ я дремать , какъ и всѣ
 покойные граждане , и перескалъ раз-
 сказывашь.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЬ 12.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Привелъ онъ меня въ самое бѣдное и послѣднее жилище, которое определено было для сраму и безчестія. Какъ только я вошелъ въ него, то кровь моя замерзла; бѣдность и нечестіе моея любовницы представилась мнѣ во всей своей славѣ. Пономѣ съѣлъ я въ размысленіи, и приказалъ привести ее къ себѣ; но посланной объявилъ, что она показавшись мнѣ не хочешь, причиною чему сыдыъ ея и раскаяніе: однако по долгомъ сопрошнвленіи вошла она ко мнѣ. Премилосердые боги! въ какомъ состояніи я ее увидѣлъ? плашье ея состояло изъ шерстянаго и худаго рубища. вмѣсто шого, чшобъ мнѣ обрадоваться, обнался я слезами, и сколько возможно, оплакивалъ ея состояніе; пономѣ освободясь нѣсколько онъ великой моей горести, началъ увѣрять ее неиспрѣбленною мсею любовію. Бѣдность швоя продолжалась,

говорила я ей, по этому часу; естьли еще оспались въ тебѣ хотя малые знаки ко мнѣ горячності, но забудь ее, и будь со мною вмѣстѣ благополучна; оспавъ это жилище и перейди въ другое, которое я тебѣ назначу. Ты несчастлива шѣмъ, что жила въ такомъ состояніи; а я еще болѣе себя несчастливѣ, что имѣю злополучной случай видѣшь тебя въ ономъ. Никакъ, говорила она, я недоскойна того; я не для того желала тебя видѣшь, чтобы ты вознамѣрился перемѣнить мое состояніе; жизнь моя порочна, и исправленія швои шеперь уже не годящся, а желала я видѣшь тебя для того, чтобы предшаваясь въ такомъ неистовомъ состояніи, омерзѣшь предъ шобою и испребишь слабые оспашки швоей ко мнѣ любви. Ты не шрайся исправлять меня; я опредѣлила себя безчестію, что можешь и тебѣ приключишься то же. Я все забываю, говорила я ей, и желаю видѣшь тебя со мною. Я никакъ на то не соглашусь, и не спарайся, сказала она.

Ты повѣришь не можешь Силославъ, сколько шшондо мнѣ уговоришь ее. На-

конецъ я сказалъ , что все презираю , и желаю бытъ съ нею вмѣстѣ. Выслушавъ сіе , бросилась она лобызаять меня , и въ великомъ восхищеніи говорила : теперь перитіе и сомнѣніе мое кончилось , возлюбленной Славурою ! я сколько достойна бытъ швоею , сколько ты мнѣ вѣренъ. Я приношу тебѣ въ даръ сердце наполненное непорочностію ; я вѣрна тебѣ и ничто не можетъ привести меня на другія мысли. Не сожалѣй о моей бѣдности ; я сколько богата , что можно только вообразить , а не имѣть. Я въ семь домъ не за тѣмъ , чтобъ подражать въ немъ живущимъ , а предпріяла еще испытать себя ; ты вѣренъ мнѣ , того я и желаю. Боги для меня милосивы , и я получаю тебѣ такого , котораго осмѣляла на время для извѣдованія : однако я расскажу обо всемъ происранно у себя въ домъ ; подожди нѣсколько меня ; я переодѣнусь въ свое и приличное роду моему платье. Пономъ она осмѣвила меня , и вскорѣ пришла одѣною великолѣпно ; и шакъ съди мы въ карешу , и приѣхали на дворъ перваго того минисира , котораго шпаніемъ и милосшію получилъ я сіе до-

сноплетство. Вотъ домъ моего отца , говорила она мнѣ , когда мы вѣзжали въ ворота. Сколько я этому дивился , мнѣ казалось и безъ описанія : всякому вообразишь возможно. Пошомъ вошли мы на крыльцо и въ покой ; въ то время хозяйна не было дома , а встрѣчила насъ ея родная сестра и Веспана. Сестра ея была ша дѣвица , которая приходила ко мнѣ въ шемницу искашь моей склонности. Неожиданное приключеніе ! я желалъ съ нешерпѣливостію о семъ увѣдомисься : однако просили меня , чпобъ я нѣсколько пошерпѣлъ , а пошомъ желаніе мое буденъ удовольствовано. Ожидая ихъ родишеля , препроводили мы время во взаимныхъ прѣбшсшвіяхъ , и сіе свиданіе сполько приключило мнѣ радости , что я починалъ благополучіе мое безпримѣрнымъ ; восхищеніе и надежда овладѣли моимъ сердцемъ , и наполнили желаніемъ.

Когда насналъ вечеръ и время подходило уже къ ужину , тогда объявила намъ , что хозяйннъ съ Государемъ дожидается насъ въ своихъ покояхъ ; мы не медля пошли всѣ шре къ нему. Какъ

скоро вошли въ эту комнату, гдѣ они находились, но Кесарь взглянувъ на меня съ великимъ воспоргомъ, говорилъ мнѣ: другъ мой Славуронъ! тебя я вижу въ семь домъ; конечно благополучной эпошъ день хочешъ увѣчашъ твою добродѣтель. Скажи мнѣ, сколько ты теперь веселъ? Благополучіе твое совершается; я зналъ всю вашу тайну, и починаю те нѣкошорымъ провидѣніемъ боговъ, тебя счастливымъ, а Филомену благополучною; ты долженъ теперь оставишь все твоей безпокойству; прямое счастье тебя находишь; будь веселъ и раздѣли радость твою со мною. Послѣ сихъ словъ благодарилъ я его ошъ всей моей искренности. Пошомъ пошли мы за столъ, за коншорымъ ужинали все пріятельи, все друзья, и шакъ какъ будто бы родились изъ одной утробы. Я никогда не видывалъ столько веселымъ Государа, какъ въ это время; ошъ, какъ мнѣ казалось, забавлялся и шѣмъ, чшобы въ другое время могло привесши его нагишъ, чего однако шущъ не было. Въ половинѣ нашей ужины, или къ оканчанію оной, говорилъ ошъ мнѣ: Славуронъ! мнѣ кажется, ты не имѣешь при-

чины сомнѣваться въ моей къ тебѣ искренности ; я тебѣ другъ , но другъ еще такой , которой , не смотря на свой высокой санъ , починаюсь меньшимъ передъ тобою ; я ищу истинной дружбы , много разъ старался доказать тебѣ мою дружбу , но не имѣлъ еще такого случая , которой бы открылъ тебѣ мое сердце ; непереносимое приключеніе довольно и предовольно къ тому. Пошомъ , оборонясь къ Неону (такъ назывался первой министръ) и къ Филомену , съ позволенія вашего , говорилъ онъ имъ , начну я сказывать приключенія ваши и мои. Неонъ всматриваясь со слуха , говорилъ великій Государь ! ежели вы принимаете на себя эти шруды , то мы не только чинъ на се согласаемся , но и съ превеликою радостію слушать будемъ. Мой другъ Славуронъ ! оборонясь ко мнѣ продолжалъ Государь , ни одинъ человекъ врожденныхъ въ насъ силъ удержанъ не можетъ , и долженъ имъ следовать ; я люблю Филомену , и можете быть равно какъ и вы ею пленены : но судьба и са сердце прошившая моему желанію. Я предлагалъ все старанія , какія только представила глазамъ моимъ спростная любовь ; но

но всё они были безъ успѣха. Чѣмъ больше я старался склоняшь ее, тѣмъ больше чувствовала она ко мнѣ ошвращеніе. Признаюсь, что я сколько былъ слабъ въ моей снрасни, что ни въ одну минушу не могъ успокоиться; снраснное мое сердце не позволяло никогда имѣть мыслямъ моимъ другаго воображенія, какъ только обинала въ нихъ Филомена. Наконецъ по долгомъ мученіи, и когда уже начало разсужденіе колебанъ мою любовь, тогда предпріялъ я извѣститься ошъ Филомены, кому она ошдала свое сердце. Она мнѣ объявила, что обладаешъ имъ чужеснранецъ Славуронъ. Въ то время безразсудная любовь совѣтовала мнѣ величаться моимъ саномъ; я предснвлялъ ей, что я Государь, а ны человекъ бѣдной: но послѣ увидѣлъ, что въ снрасни этой пынное имя Царь сколькоже велико, сколько и просной гражданинъ. Она не скрывала уже ошъ меня ничего, и увѣдомила меня, что происходило у васъ въ увеселишельномъ домѣ, какъ она воздержала себя ошъ швого ошчаянія, какимъ образомъ съ шобою разснчалась, и что уже ны находишься шеперь въ шемницѣ. Съ

сихъ поръ сдѣлался я участникомъ вашей тайны, и предпріялъ осудить тебя на смерть, чшобъ шѣмъ поколебать швою вѣрносшь къ Филоменѣ, и послѣ получишь ея сердце. Вѣ сей для тебя крайности просилъ я ея сестру, чшобы она искушала тебя. Все было произведено вѣ дѣйствио, и шло изряднымъ порядкомъ, но вѣ прочемъ не имѣло никакого успѣха. Ты ошвѣчалъ съ презрѣншемъ на любовь новой швоей благодѣтельницы, клялся вѣрносшю къ Филоменѣ, не смощря на шо, чшо обвѣляли тебѣ, чшо она уже мершвая; шпы хотѣлъ принести ей и вѣ царство мершвыхъ вѣрное сердце, шелъ безъ робости на смерть, и еше желалъ скорѣе, нежели тебѣ назначено было. Все ешо мучило меня несказанно; самолюбіе мое и санъ мой совѣшовали мнѣ умершвить тебя тайно; я признаюсь вѣ моей слабости: но воля боговъ и врожденное во мнѣ сожалѣніе преодолѣли шакое варварство. Потребно мнѣ было укрѣпляшьяся, чшобъ не опорочишь себя; началъ наполняшьяся я великодуштемъ, хощя и былъ къ шому неудобенъ. Силы меня покидали: однако казался я бодръ и спо-

конецъ , и нынѣ столько превозмогъ себя , что желаю совокупить васъ бракомъ , чѣмъ докажу Славуронъ , что я и тебѣ другъ. Несишь на это согласенъ , и мы уже съ нимъ условились.

Послѣ сихъ словъ я и Филомена бросились къ ногамъ Кесаря и Неона , благодарили ихъ , ожидая своего благополучія. Въ одинъ часъ все было расположено , и назначенъ день , въ который преденать намъ въ храмъ. Всѣ наконецъ развѣхались , а я выпросилъ позволеніе какъ у Государя , такъ и у Неона , османивъ еще нѣсколько шумъ , чтобъ болѣе насладиться мнѣ оиъ Филомены желаннымъ извѣщеніемъ : шакже и она не меньшее имѣла желаніе уведомить меня обо всеяъ. И шакъ когда османились мы двое , то говорила она мнѣ слѣдующее : Теперь я столько въ тебѣ увѣрена , что увѣриться болѣе не можно , и съ охотою отдаюсь во власть швою ; мнѣ казалося весьма страшно повѣрить себя мушникъ , видя , сколько нѣкошорые изъ васъ вътрены и непосояпны. Они предпринимаютъ все очень скоро , но еще скорѣе того отстаютъ оиъ своего предпріятія , а ты не изъ

Часть II

Б

шого числа, я шебѣ вѣрю. При первомъ моемъ свиданіи предпріяла я извѣданіе, вѣренъ ли ты. И шакъ выдумала эту хитрость, сказанъся шебѣ другимъ именемъ, и послѣ объявишь несчастіи моему отцу подъ прямымъ моимъ именемъ, чпобѣ вѣрояннѣе шебѣ показалось. Послѣ, когда уже ты былъ въ шемницѣ осужденъ на смерть, и не колебался въ швоей вѣрности, тогда я шоржесшвовала надъ всеми, кошорымъ мушны измѣняющъ. Послѣ шого прозьбою моею родишель мой принялъ о шебѣ шваранъся, и возвелъ шебя на высокую штепень. Тушъ еще шпрасшное мое сердце шому не вѣрило. Я думала, чшо шакое великое достшншшво и богашшшво можешъ шшребшшш меня изъ швоей памяти, и шакъ предпріяла я приняшъ на себя неприличное имя и бѣдное плашье, и шѣмъ шебя извѣданъ, не возгордишя ли ты передо мною. Однако милосштію боговъ, и больше шисходшшельной Афродшшы, все по моему желанію сдѣлалось. Ну! шеперь уже довольно мы говорили о прошедшей нашей жизни, шшанемъ шомышляшъ о будущемъ. И шакъ разсуждали мы о наступающей нашей жизни прилично шпрасшнымъ любовникамъ, разис-

давали ее по нашему желанію , или лучше , играли веселыми воображеніями , и наконецъ разошались.

Ночіи и Государь какъ возможно снѣвши , чинобѣ сочешашъ насѣ бракомъ , и для того всякой день были сѣ нами вмѣстѣ , и дѣлали приугошвленіе ; наконецъ насталъ шоніи день , и мы пошди (*) вѣ храмъ сѣ великою и шоржесшвенною церемонією . Свадьба наша не меньше была царской . Скольکو радовался Государь , шо вдвое еще его подданные ; ибо имѣлъ я счастье , получа великое досшонненіево , поправившя народу . Когда окончилась брачные обряды , шо первосвященникъ Вспернии вѣ присутствіи всего народа прорекъ миѣ созволеніе боговѣ , что я вѣ день моего брака зачнешя у меня сынъ . Услышавъ сіе , упалъ я на землю передъ богинєю , благодарилъ ее и просилъ ошѣ сокрушеннаго сердца , чинобѣ послѣ шакъ великаго моего благополучія не преш рпѣшь бы миѣ какой бѣды . Сердце мое миѣ предвѣщало ,

Б 2

(*) Славенской идолопоклоннической законъ позволялъ имѣ входить вѣ чужіе храмы , и приносить всякую жертву . лишь бы потѣ кумирѣ имѣлъ приличную жерпѣвѣ должностъ .

однако радостно заимчивала его предвѣщаніе. По окончаніи всего въ брачныхъ одеждахъ и въ вѣникахъ повели насъ въ царскіе покои, гдѣ все торжественно совершалось. Оно продолжалось не менѣе, какъ цѣлой мѣсяцъ, въ которое время не только что дворъ праздновалъ, но и весь городъ находился въ неописанномъ увеселеніи; а въ какомъ я былъ восторгѣ, то и въ самое время извѣстивъ бы мнѣ его было не возможно. Всѣ мои несчастія кончились въ одну минуту; а ихъ позабылъ, и исполнился всѣмъ нѣмъ, что можно вообразить изряднаго. Фидомена, божественное мнѣ имя, я теперь безъ сердечнаго движенія вспомнить его не могу, привѣтствіями и ласканіями сродными иъжиному женскому полу, умножала безпредѣльную мою къ себѣ любовь. Столько благополучіе мое было велико, что когда размышлялъ я о немъ одинъ, то казалось оно мнѣ спраннымъ; и послѣ уже узналъ дѣйствительно, что оно чрезвычайно благополучіе, шонъ скоро пошомъ бываетъ и чрезвычайно несчастливъ.

Тутъ я пересталъ рассказывать за шѣмъ, что мнѣ спашъ захошѣлось.

ГЛАВА III.

ВЕЧЕРЬ 13.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Время шло очень скоро, и я почти совсѣмъ не видалъ, какъ кончилось бремя Филомены. Родился мнѣ сынъ, коимъ былъ плодомъ безпримѣрной нашей любви, божескаго спусхожденія и началомъ моего несчастія. При словѣ Славуронъ вздохнулъ съ великою прискорбношью, и со слезами началъ продолжанъ свои приключенія. Филомена любила его чрезвычайно, и для того не хотѣла отидать въ руки нянькамъ, и предпріяла воздоннъ своею грудью, никогда не спускала его съ рукъ, и плала съ собой на одной постелѣ. Можешъ бынъ опредѣлено было судьбою, чшобъ начиналося мое несчастіе. Нѣкогда пошру, когда она проснулась, шо не нашла подлѣ себя своего сына, и послѣ, какъ увѣдомилась оно всехъ домашнихъ, чшо они не вѣдающъ о немъ, тогда на-

Б 3

чала она неуспѣшно рвануться. Вопль ея услышалъ я въ моихъ покровѣхъ, кошко-рою шончасъ вспревожилъ душу мою и сердце; я съ неперпѣливостию посѣ-шилъ къ ней, и какъ обо всемъ увѣдо-мился, шо пришелъ въ несказанное ош-чаянїе, необыкновенной и печальной ша-кой случай вспревожилъ мою природу. Скоро узналъ объ эшомъ Государь и весь дворъ; жена моя должна была подверг-нуться духовному суду за шо, что у-спала младенца. Жрецы опредѣлили ей при ноши въ Плушонновомъ храмѣ, что-бы шѣмъ умиловшнвшъ боговъ и полу-чншь прощенїе себѣ, а младенцу избав-ленїе ошъ муки. Довольное время въ ожиданїи сего исполненїя (*) позволило родншься еще у меня дочери на мѣсно пошеряннаго сына. Рожденїе ея нѣсколь-ко уменьшило моей печали, однако сму-щенїе меня не ославляло; пребышь Фн-доменѣ одной цѣлме при ноши въ ужас-номъ Плушонновомъ храмѣ, казалось мнѣ для женщины было невозможно. Нако-

---

(*) Въ шо время было узаконенїе у Грековъ, что женщина послѣ бременн не прежде очи-щалась, какъ черезъ три года, и не входила прежде въ храмъ.

нецѣ пришло то время и насталъ назначенный день ; долженъ я ѿ ; аь спарашься и исполнить ее безспрашемя , и такъ цѣлой день не выходилъ изъ ся покоя , и укрѣплялъ сколько мнѣ возможно было. Уже приближился и вечеръ ; первосвященникъ и два жреца посѣщали мой домъ , и повели Филомену въ храмъ Плутоновъ ; учредя надъ нею все обряды , велѣли вышши мнѣ войти , и сами вышли , заперли двери , у которыхъ поснавлена была ошъ меня спража ; всю ночь находилась я въ великомъ безпокойствѣ ; домашняя жернова у меня не угасла , я шречалъ охранителей домовъ и нашего здравья , чшобъ не приключилось чего нибудь спрашнаго съ Филоменою. Настилу могъ я дожидаться ушра , и когда се увидѣлъ несмущеннойю , шо несказанно обрадовался. Я же л а лъ нешерѣбливо знанш , не случилось ли ей какого нибудь воображенія. Она мнѣ начала сказывать шкъ : вчера , когда настало время ишши мнѣ въ храмъ , шо я забывъ все швом поснавленія очень много онасалась. Первосвященникъ поснавилъ меня передъ завѣщеннойю канлицею , и окружилъ на полу мѣломъ , попомъ прочи-

Б 4.

ставъ принадлежаша къ шому молнивы, ославилъ меня, и вышли вы все вой, Нападъ на меня превеликой ужасъ, и я думала, что невозможно мнѣ будещъ перенести его чрезъ цѣлую ночь. Мнѣ казалось, что весь храмъ въ движеніи, и все спарася меня усиранишь, однако мало по малу ужасъ мой началъ уменьшанься, но въ самую полночь пришелъ онъ на высшую сценень. Завѣсы капицы шончасъ поднялся къ верху, и я увидѣла снозяща подлѣ Плутона другаго бога, котораго имени я не знаю. Онъ былъ въ долгомъ бѣдомъ плашь смѣшеннымъ съ розовымъ, на головѣ его былъ вѣнокъ изъ разныхъ и рѣдкихъ цвѣшовъ; онъ примѣшилъ, что я испужалась, и для шого говорилъ мнѣ ибжнымъ и шикимъ голосомъ: прекрасная изъ всехъ смершныхъ Филомена! красона швоя принудила меня, ославивъ величешво и неописанное небесное великолѣпіе, сойши на землю, и пребышь иѣсколько въ сей бѣдной моей капицѣ единешвенно шолько для насыщенія моего взора несказанными швоими прелестями; шы видишь передъ собою Плутона присущешвующаго на небеси и во адѣ

бога. Я шолъ , кошорому ты должнъ
ощебчашъ за швоего сына ; онъ былъ въ
моемъ владѣнн , но съ швхъ поръ , ког-
да обратилъ я глаза мои на прекрасной
швой образъ , шо оцослаиъ онъ въ Зе-
весово владѣнне въ поля Елисейскія ; ты
не должна просишь о процени шакого
бога , кошорой самъ просишь шебя о
шредемъ снисхожденн (о всею моею сла-
вою почну я себя несчастнымъ , когда
не буду имѣть учашия въ швоемъ сер-
дцѣ. Пошомъ приближился ко мнѣ , и
говорилъ все шо , что можешъ спраши-
ной и разумной любовникъ , ласкалъ
меня и цѣловалъ мои руки. Троица ,
прекрасная , говорилъ онъ мнѣ , и почув-
сивуй въ сердцѣ швоемъ хотя малую ко
мнѣ прѣязнь : я безмерней ; но красота
швоя унишожая се досшонншво , сдѣ-
лала меня спрашнцамъ. Всею ночью пре-
проводилъ онъ въ шакнхъ привѣшншѣ-
яхъ ; наконецъ когда увидѣлъ , что на-
чало уже разсвѣшашъ , шо укорялъ онъ
Аврору , какъ богиню господнвшую
надъ началомъ дня , для чего превра-
щаешъ она его удовольствне , не полу-
чивъ еще ни малѣйшаго начала пред-
прѣяшню ; ибо не видѣлъ онъ онъ меня

никакой себѣ ласки, и не прежде меня оставилъ, какъ ты пришелъ ко храму, и началъ отпирашь двери. Услышавъ шумъ, вскочилъ онъ поспѣшно, поцѣловалъ у меня руку, и ушелъ въ каплицу, коюшорой завѣсы немедленно опустились.

Ночью спрашивала она у меня, что ты думаешь о такомъ привидѣннн? Мнѣ кажется, что это былъ не богъ, а какой нибудь злой духъ, коюшорой изъ обыкновенной къ намъ ненависти старался искушить меня. Всконечно, ошвѣчалъ я ей, и ты всеми силами должна стараться укрѣплить себя; погибеть швоа пошчасъ послѣдуешь, ежели ты вознамѣришься съ нимъ разговаривать. Много уже случалось, какъ ты, я думаю, и сама слышала, что женщины, преснунающія въ семъ случаѣ жреческія поведѣнія лишились жизни.

Начала другая ночь; я проводилъ ее въ храмъ, и отсталъ шакъ, какъ и въ прошедшей. Признаюсь, что штакое привидѣніе смутило меня очень, и для того ранѣе вчерашняго поспѣшилъ въ храмъ. Тушь уведомился я онъ нес, что

Плушойъ показался ей уже безъ бороды въ щегольскомъ и обыкновенномъ платьѣ, и что онъ только былъ деревосеицъ, что она насилу могла онъ него изба-
 виться. Приключеніе это вспревозмогло
 меня, и я не хотѣлъ имѣть соперникомъ
 ни самаго главнаго греческаго Бога Діа,
 не только Плушона. Греки заговѣ свой
 наблюдающіе очень крѣпко, и что еже-
 либы жена моя не пришла прежде ночь
 въ храмъ, но непременно сожгли бы ее
 жрецы, въ чемъ уже и государь не водилъ;
 и такъ избѣжать онъ того никакимъ об-
 разомъ было не возможно. Я пошелъ къ
 первосвященнику, чтобы ошъ, выи ему
 шакое приключеніе, хотя Плушойъ и
 накрѣпко заказалъ Филоменѣ, чтобы ни-
 кому о шомъ не сказывалъ, однако перво-
 священника не могъ я увидѣть. Сказано,
 что онъ чрезъ полгода повинился людямъ,
 а въ то время буденіе производилъ не-
 когорыя шаншесвенныя жершвы для
 испрошенія милосши онъ боговъ народу.
 Предпріалъ я будущую ночь быти въ
 храмъ, а какъ бы это сдѣлалъ, то этого
 я не зналъ, и для того послалъ за
 жрецомъ, котораго надѣялся сказати къ
 шому деньгами, въ чемъ и на обманулся;

за нѣкоторое число обѣщавъ оубъ мнѣ сдѣлать сію услугу. Послѣ вечерней молитвы проведу я себя, говорилъ оубъ мнѣ, въ посвященное мѣсто, и шамъ посвящавлю. Когда же настало время, шо увидомилъ я оубъ зномѣ Филомену, и жрецъ меня опгелъ на назначенное мѣсто. Когда храмъ заперли, шо я не выходилъ къ Филоменѣ, и дожидался полуночи. Во время оной появилась богъ въ капанду; оубъ подошедъ къ Филоменѣ склонилъ ее ласкою. Но послѣ, когда увидѣлъ, что она не соглашается, хонѣлъ принудить ее силою. Я не могъ шого снести, и въ ошчаянн момѣ дерзнулъ прошить бога, предирѣялъ лучше лишиться жизни, нежели чтооубъ сдѣлалось въ глазахъ моихъ шакое мнѣ безчестіе. Какъ шолько я подбѣжалъ къ нему, обнаживъ мою саблю и однимъ замахомъ перенесъ пополамъ влюбленнаго бога, обѣявъ меня страхъ, и я не шолько что не могъ укрѣплять Филомену, но едва и самъ не преселился шогда въ царство мертвыхъ. Я боялся божескаго мщенія, и размышлялъ самъ въ себѣ, возможно ли, чтооубы могъ я умершвишь безсмертнаго. Въ семъ страхѣ

и размысленнѣи прошла уже вся ночь ; по утру вошедъ въ храмъ, жрецы увидѣли оной обгаренъ кровію, и меня снощаго вмѣстѣ съ Филоменою, удивились такому случаю, и тотчасъ побѣжали увѣдомишь первосвященника. Они его искали очень долго, однако то было напрасно ; я его нашелъ скорѣе всѣхъ, для чего что онъ лежалъ подлѣ моихъ ногъ ; и наконецъ какъ узнали это всѣ, сдѣлалась при дворѣ и въ городѣ несканная тревога ; ни гдѣ ни о чемъ больше не говорили, какъ судили первосвященника и меня ; иной старался оправданыи меня, а другіе прошевъ боли обвиняли, и не прежде умолкло дурное эпоэо, какъ духовной и гражданской судъ опредѣлили первосвященнику и мнѣ наказаніе. Прозьбы и воля государева поому не помогли, что было мнѣ назначено, и такъ въ опредѣленной день при собраніи народа на публичной площади провозглашатель чиналъ наше опредѣленіе, которое было слѣдующаго содержанія :

„ Первоначальные жрецы, государь,
 „ Сенатъ и народъ двухъ снеспеней вы-

„ слышалъ дѣло, бывшаго недоспойнаго
 „ первосвященника и Славурона, опредѣ-
 „ лемъ перваго сжечь и прахъ его раз-
 „ сѣять по вѣтру за шю, чшо онъ влю-
 „ бленъ въ Филомену, и не имѣя способа
 „ къ ошкурившю своей сиротни, прика-
 „ залъ укрѣснть у Славурона младенца.
 „ Во время снотннн ея во храмѣ принялъ
 „ на себя образъ Плутона, обрилъ боро-
 „ ду, и хощѣлъ получить ея склонноснъ
 „ ласкою, а наконецъ и силою. Впсраго,
 „ какъ иноплеменика, за оскверненіе
 „ кровню божескаго храма, высланъ воиѣ
 „ изъ Греціи, не учиня ему никакого о-
 „ злобленія, наблюдая долгѣ сиротно-
 „ прѣмешна; а шу Славуронову рабу,
 „ которая украда у Филомены младенца,
 „ и ондала его иносиротцамъ прѣбхав-
 „ шимъ сюда на корабль, уморилъ въ
 „ пенельной хранишъ (*), чшо и под-
 „ шверждаемъ.

По прочтеннн сего сожгли пѣло
 первосвященниково, и повели шакже ра-

(*) Храмина сія наполнена была пѣломъ, и
 когда выпускали шудя осуденнаго, то
 поднимали великую пыль мѣхами, которые
 проведены были подъ снѣною, онъ чшо
 онъ захнувшись умиралъ.

бу мою на смернь, а мнѣ положено было сроку мѣсяцѣ, и по окончаніи сего, чинобы не бышь мнѣ въ Греціи. Я не сожалѣлъ, что оснаваю Коисшанинополь, но болѣзновалъ о томъ, что долженъ разснаться съ Государемъ, кошоной меня много жаловалъ; однако оиъ переѣнилъ мое заболѣваніе въ печаль другаго рода. Въ шонѣ срокѣ, въ кошоной я собирался въ свое ошечество, оиъ преснавился. Послѣ его смерни дворѣ совѣмъ переѣнился, и не для чего было мнѣ шуиъ оснаться, хошабъ меня и удерживали. Вшуналъ послѣ его на прешолъ сынъ его родной, кошоного мнѣ рѣдко и видѣшь случалось за часнымъ ошеснствѣмъ изъ города; и шакъ сожалѣлъ я шолько о Государѣ, а изъ Греціи съ великою радоснію ѣхалъ. Проспившись съ Неономъ, когда уже было все гошово, ошправилася мы въ мушь; въ ономъ находились не меньше мѣсяца. Филомена оснавивъ свое ошечество, нѣсколько объ ономъ шосковала, однако моими разговорами и всякою новоснію вспрѣчающеюся ея глазамъ шшребляла помалу свою печаль. Наконецъ прибыла мы въ Русь; съ недѣлю вре-

мни старался я смыскивать мою родню, кошорыхъ всѣхъ находилъ бѣдными, исправлялъ ихъ соснованіе, старался познатькомандиванье съ другими, препоручалъ себя тѣмъ ихъ милосердію, и кошорыхъ принималъ самъ, и шѣмъ старался заслужить славу моему имени. Хотя я и долженъ былъ поѣхать ко двору, однако безъ позволенія сдѣлавъ шого не хотѣлъ; а получивъ оное, немедленно началъ собираться, и выбравъ удобной къ шому день поѣхалъ.

Однако сошъ сжималъ уже мои губы и приказалъ отправиться на постелю.

ГЛАВА IV.

ВЕЧЕРЬ 14.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Государь Руской принялъ меня такъ, какъ военачальника, и разсмотрѣвъ препорученіе отъ Константинопольскаго

двора , пожаловалъ меня и у себя тѣмъ же названіемъ. Я имѣлъ и пушъ счастье , чтобъ понравился Государю и народу ; и такъ препроводилъ слишкомъ десяти лѣтъ во всякомъ спокойствіи. На пятнадцатомъ году пребыванія моего въ своемъ опечесствіи постигло меня самое величайшее несчастіе ; Филомена занемогла и въ скоромъ времени преснавилась. Сколько эпошъ ударъ миѣ былъ чувствительней , шо вообразя любовь мою , можешь представишь и его. Съ сего времени жизнь моя сдѣлалась превращною , и я уже не находилъ въ ней увеселенія. Цѣлые два года мучился кончиною любезныя моей супруги ; она всегда жила въ моихъ мысляхъ , и самой соиѣ не могъ укрышь ее отъ моего воображенія.

За этимъ послѣдовало миѣ другое несчастіе , которое ни мало не уснувало первому. Пришелъ въ Русь молодой человекъ , называемой Осаиѣ. Жрецы какъ скоро о немъ провѣдали , шо шошчасъ и взяли его на свое содержаніе , для того , что онъ ничего не имѣлъ. Человекъ эпошъ былъ весьма чудной , шо жрецы увѣдомивъ о немъ Князя , представили

Часть II

В

Осана оному, гдѣ и я тогда находился. Онѣ пришедши предѣ Государя, говорилѣ ему шакѣ: доволенѣ ли ны своимѣ со-
 + сшоляніемѣ? ежели доволенѣ, шо желаю
 шебѣ здравствовашѣ; а ежели еще чего
 нибудѣ шебѣ не досиаетѣ, шакѣ желаю
 шебѣ умеренѣ скорѣе, для шого чшо
 зависливые люди сами себѣ и другимѣ
 мучишели. Государѣ весьма удивилѣ ша-
 кому привѣнешвію, и спрашивалѣ его,
 ошкуда онѣ и изѣ какого города. Горо-
 довѣ проѣхалѣ я очень много, ошвѣ-
 чалѣ онѣ Государю, шолько вѣ которомѣ
 родилѣя, зншого не знаю; жилѣ вѣ ша-
 комѣ, гдѣ очень мало земли, и вся о-
 кружена она водою; роспушѣ на ней
 деревья и живушѣ звѣри, гдѣ и я ша-
 же жилѣ сѣ ними вмѣстѣ. Нѣкогда подѣ-
 ѣхали кѣ этому мѣстну люди, и меня
 увезли сѣ собою. Судно шо, на кото-
 ромѣ мы ѣхали, разбило, и послѣ я
 увидѣлѣ себя лежащого на берегу, и шакѣ
 всиавши пошелѣ искапѣ шакихѣ же лю-
 дей, какіе меня увезли сѣ острова. Былѣ
 во многихѣ городахѣ, однако не разумѣа
 шго, чшо шѣ люди говоряшѣ, не хо-
 шѣлѣ шамѣ ошпанься: а здѣсь нашелѣ
 я шакихѣ, кошорыхѣ разумѣю, и для

шого не пойду уже никуда больше, и спану здѣсь жить. Конечно поинь человекъ былъ изъ вашего города, продолжалъ онъ, которому опданъ я былъ на корабль подъ сморъвнѣе, и которой выучилъ меня говорить, и всему тому, что я теперь знаю. Государь же оинь него большѣе увѣдомился, однако не могъ, ибо онъ и самъ ничего не вѣдалъ больше. По приказу Князеву оснавили его жить во дворцѣ. Осанъ имѣлъ привычку днемъ спать, а ночью ходить; былъ не дожидается положеннаго между нами времени, и всегда когда ему захочется.

Нѣкогда случилось ему войти въ Иеруновъ храмъ, и увидѣвъ шамъ людей приносящихъ жертву, къ кошорымъ онъ подошедъ спросилъ, что ешо такое они дѣлаютъ? и какъ увѣдомился обо всемъ, но во всю мочь захохоталъ, и указалъ имъ, что они глупы, что опдаютъ божескую честь нечувствительному болвану. Жрецы шончасъ вывели его изъ храма, и послѣ просили Государя, чтобы не впускать его ни въ какое капище. Государь, выключая сего, веселился его незнаніемъ, и предпріялъ

нѣкогда въ шѣржешивенной день пригла-
 сить всѣхъ женщинѣ и дѣвицѣ къ свое-
 му-сшоду, чшобѣ шуиѣ не было ни еди-
 наго другаго мушны, а шолько онѣ и
 Осаиѣ; надобно было ему увидѣиѣ,
 какимѣ образомѣ буденѣ обходитѣся
 Осаиѣ съ женщинами, и какѣ онѣ ихѣ
 применѣ. День шонѣ насналѣ, и всѣ
 знашныя женщины собралисѣ ко двору.
 Государѣ вышелѣ къ нимѣ въ собраніе, и
 вывелѣ съ собою Осаиѣ. Онѣ смонрѣлѣ
 на нихѣ съ великимѣ удивленіемѣ, и го-
 ворилѣ Государю, чшо онѣ имѣ очень
 доволенѣ, чшо показалѣ ему шолько
 прекрасныхѣ женщинѣ, говорилѣ со вся-
 кою очень ласково, шолько безѣ всяка-
 ю ласканельшенва. Наконейѣ сѣли они
 за шолѣ, и дѣчери моеи случилосѣ си-
 дѣиѣ подлѣ Осаиѣ. Государѣ надѣ нимѣ
 издѣвалсѣ, шакже и всѣ госши. Съ нача-
 ла обѣда говорили ему, чшобы онѣ съ
 ними разговаривалѣ: на чшо Осаиѣ онѣ-
 вѣчалѣ имѣ, чшо время еще буденѣ.
 Послѣ, когда уже онѣ накушалсѣ, по-
 говорилѣ Государю: Я слышалѣ, чшо
 шы здѣсь господиѣ, да еще какой-шо
 Государѣ, шакѣ пожалуй ондай миѣ эшу
 дѣвшуку, ежели она шебѣ не надобна,

я ее очень полюбилъ , а она мнѣ кажется лучше всѣхъ , сколько здѣсь ни есть женщинъ . Епо была моя дочь : какъ тебѣ она понравилась , спрашивалъ его Государь ? Очень , ошвѣчалъ Осанъ ; мнѣ еще ничего въ жизни моей прѣприятѣе ее не казалось . Пошомъ говорилъ онъ дочери моей , позволь красавица поцѣловатьъ себя . Это дурно , сказалъ ему Государь , при людяхъ этого сдѣлать не можно . При людяхъ не можно , говорилъ онъ ; какъ пойдешь красавица въ другую комнату , чинобъ люди не видали ; а это еще и дурнѣе того , сказалъ ему разсмѣявшись Государь . Какъ же это , вскричалъ съ великимъ негодованіемъ Осанъ ? когда дурно цѣловатьъ при людяхъ , то это кажется дурнѣе , чинобъ сидѣть вмѣстѣ съ женщинами . Это дѣлаешь обыкновеніе , говорилъ Государь . Для чего же вы не сдѣлаете обыкновенія , чинобъ цѣловатьъ при людяхъ женщинъ , ошвѣчалъ онъ ? Оно есть , сказалъ Государь , да надобно ему научиться . Осанъ , какъ скоро услышалъ , то неотступно привязался къ Государю , чинобъ онъ научилъ его такому искусству .

Послѣ уже, когда Государь опкла-
 нялся всѣмъ, и долженствовали они
 ѣхать домой, тогда любовникъ ухва-
 тилъ дочь мою за руку, и просилъ Го-
 сударя, чтобъ онъ оставилъ ее у себя;
 однако прозьба его была напрасна, и
 онъ хотя съ великимъ нехотѣніемъ, одна-
 ко долженъ былъ съ нею разстаться.
 Разнеслось по городу эхо, и всѣ жен-
 щины выхваляли разумъ и лицо Оса-
 во; всякая старалась ему понравиться,
 но дочь моя къ моему несчастію зашво-
 рила всѣмъ имъ лишь въ добродѣтель-
 ное и непорочное Осаво сердце. Онъ
 очень часто прищавалъ къ Государю,
 и просилъ его, чтобъ онъ позволилъ
 видѣться ему съ моею дочерью; однако
 смрастная любовь и пылкой его разумъ,
 представивъ обыкновеніе предъ его гла-
 за, дали ему знаніе, что долженъ онъ
 произвешти намѣреніе свое тайно. Онъ
 сколько сдѣлался въ семъ случаѣ уменъ
 и свѣдущъ, что ни Государь, ни я, ни
 же весь дворъ не могли примѣшнъ,
 какимъ образомъ скрылъ оно свое жела-
 ніе, и показался намъ, какъ будтобы
 совсѣмъ не было въ сердцѣ его никакой
 смрастнн. Часто ему о томъ шуща за-

говаривали, но только онъ извинялся шакъ, что ни самое малое подозрѣнiе не могло бытъ смѣнено съ его словами. Я радовался, что избавился онъ шакого человѣка, которой казался мнѣ несноснымъ: но радость моя не долго продолжалась. Нѣкогда, очень поздно прохаживаясь въ моемъ саду, услышалъ тихое эхо въ бесѣдкѣ, къ которой я подходилъ. Подошедши къ ней оснорожно, началъ слушать разговоры, которыхъ коня начала и не засналъ, однако конецъ оныхъ показалъ мнѣ ясно, что дочь моя любовница Осанова. Они сидѣли оба вмѣстѣ и изъяснялись другъ другу. Овладевъ мною гнѣвъ, и я конилъ очень строго разрушить ихъ веселiе; но разсужденiе мое мнѣ воспрепятствовало, и принудило упощребишь оснорожнось. Однако въ будущую ночь опредѣлилъ я разрушить ихъ веселiе; и такъ спарался примѣчать, когда они придуть въ свое сборище. Наконецъ, когда уже довольно смерклось, тогда я споя въ шемной аллей, увидѣлъ Осана, что онъ вошелъ въ эту бесѣдку. Очень въ короткое время вошла туда и дочь моя. Я вознамѣрился къ несчастiю моему ли-

шипъ его жизни, и можетъ быть уже
 Боги нарочно сдѣлали меня свирѣпымъ,
 чѣмъ оказанъ надо мною, сколько че-
 ловѣкъ можетъ быть злополученъ. Об-
 наживъ мою саблю, въ великой запыл-
 чивости вбѣжалъ шуда: но сколькожъ
 я удивился, когда ихъ не нашелъ; овла-
 дѣла мною пущая ярость, и я началъ
 искашь, нѣтъ ли гдѣ помасеннаго ходу.
 Нашелъ его, о кошоромъ прежде не въ-
 далъ, немедленно шуда опустился. Они
 слышали и искали убѣжища, но оны
 ярости моеи укрышыся не могли. Я по-
 разилъ Осана, и онъ при концѣ своей
 жизни выговорилъ въ опчаяннн сн сло-
 ва: Просни мать моя Филомена, ко-
 торую я шолько одну знаю. Услышавъ
 имя Филомены, я вздрогнулъ; рука моя
 опустилась и выпала изъ нея сабля. Я
 спрашивалъ его о причинѣ; но онъ уже
 мнѣ ошвѣчашъ не могъ. Прежде, нежели
 принесли шуда огонь, Осанъ скончался.
 Раскаянне мое и сердечное чувство у-
 сшремили глаза мои на него; и я хоши
 и не думалъ, однако началъ находинъ
 въ немъ возлюбленнаго и пошердннаго
 моего сына. Немилосердые боги! можно
 ли еще больше наказанъ человѣка?

Дѣйствительно я поразилъ того, котораго родилъ. На груди нашли у него досканецъ (*) съ именемъ матери его, и съ его собственнымъ. Въ семъ случаѣ сдѣлалась во мнѣ великая переменна; разумъ мой нѣсколько помѣшался, и приключился нѣкошорой вредъ моему здоровью. Сколько я ни великодушенъ былъ, однако овладѣла мною слабосиль. Съ сихъ поръ ошворилися пуши слезамъ изъ глазъ моихъ, и я не осушалъ уже оныхъ, подобно какъ женщина, всегда задумывался и шерялъ наснозщій пушь мыслей. Несчастія мои слѣдовали другъ за другомъ по порядку, и чѣмъ далѣе, шѣмъ свирѣнѣе ожесшочались на меня боги и случаи. Едва шодько я успѣлъ похоронить моего сына, обѣявили мнѣ, что дочь моя выбросилась въ окно, и находилась уже при смерти. Когда я услышалъ это, ошавили меня мои силы, и я не моуъ подвигнушься съ мѣсна; служилели мои принесли меня почти невчувствительнаго въ ея комнату. Та-

---

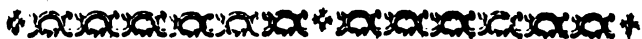
(*) Въ древнїя времена было такое обыкновенїе, что новорожденнымъ привѣщивали и шешю мааснѣкѣ досканцы; на жеперыхъ означалось имя маасенцово и его матери.

кого плачевнаго позорища еще во всю мою жизнь мнѣ видѣнь не случилось. Дочь моя лежала безчувственная на кровати; образъ ея не имѣлъ прежняго подобія; какъ лицо, такъ руки и груди изрѣзаны были всѣ щеками; она не имѣла голоса, и едва испускала духъ. Но долгомъ времени моего изступленія пришедъ нѣсколько въ себя, бросился я подавши дочери моей ненадобную уже помощь, послалъ поспѣшъ за врачами; и когда ихъ привели, то обнадеживалъ, что одарю ихъ великими сокровищами, ежели возвратятъ жизнь моей дочери. Они приложили все свое стараніе и искусство, однако ничто уже не помогло. Ей опредѣлено было судьбою, чтобы она къ моему несчастію скончалась; а чтобы пуце еще возмутишь мои мысли и вспревожись сердце, получила на время чувство, и начала со мною разговаривать. Я просилъ ее, чтобы она рассказала причину ея и моего несчастія. Слова ея показались мнѣ самымъ чуднымъ воображеніемъ, которое дѣлаешь помѣшательство нашихъ мыслей. Она рассказывала мнѣ все но за правду, что мечталось ей въ помѣшательствѣ

разума, и увѣряла, что дѣйствительно то же съ нею случилось. Я не только чтобы вѣрнѣе, но слушала спрашивая; и такъ начала она мнѣ рассказывать такимъ образомъ:

Однако повѣсивованіе ея услышите вы въ слѣдующій вечеръ,

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЬ 15.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Осанъ, любовникъ мой и братъ, никогда не выходишь изъ моей памяти; кончина его сдѣлала меня совсѣмъ неспособною жить на свѣтѣ. Сегодняшній вечеръ желала я опдаться въ полную власнь моей печали; для того выслала всѣхъ моихъ прислужницъ, сѣла подлѣ того окна, которое прямо проицу гробницы Осановой, облилась слезами, и прскликала жизнь мою и мое печ-

спѣе, Очень въ короткое время увидѣла я Осана; онъ подѣхалъ къ моему окошку, и звалъ меня съ собою. Не мѣшкаа ни мало, выбѣжала я къ нему на улицу, и поѣхала съ нимъ вмѣстѣ. Онъ меня везъ весьма по безпкойной дорогѣ. Наконецъ приѣхали мы въ лѣсѣ, коншорой былъ только часнѣ, что не было способу сивозъ его провхашъ; однако Осанѣ не смоща на это, продолжалъ свой путь. Онъ ѣхалъ очень скоро, вѣншви и сучья хдсшадн меня по лицу; чувствовала я онѣ оныхъ великую боль, и шакъ лицо мое онѣ ного испоршилось. Приѣхали мы къ одному огромному и пресшранному храму, въ коншоромѣ обншающѣ усопншя шѣни. Двери онаго храма были расщворены; по шщоронамѣ увидѣла прикованы на прешолснхѣ желѣзныхѣ цѣняхъ два скелеша ужасной величины, въ бѣломѣ и доломѣ одѣянн. Когда мы подошли къ нимъ, шо они всщали, шакъ какъ оы дѣдали намѣ почщенше. Хотя это были и одни кости, однако печаль изписана была на ихъ лицахъ. Въ храмѣ семѣ обнщали шщрахъ, ужасъ и шемноша; и я дрожала, когда вошла въ не-

го ; подлѣ дверей во храмѣ прикована была шѣнь къ столбу, и какъ казалось, человекъ былъ зношѣ знашной, злой и завистливой ; глаза его наполнены были кровію, кошорая изображала его ярость ; онъ скрежещаль зубами и рвалъ на себѣ волосы. Наконецъ увидѣла я множество шѣней въ семъ храмѣ, нныя изъ нихъ ходили, другія сидѣли : по впрочемъ все имѣли печальные виды. Миѣ казалось, что самое это зданіе произошнѣ ужасной шюшѣ онѣ глѣла въ немъ находящнхся. Въ семъ храмѣ очень было много столбовѣ, и во всякомъ находилось по одной шѣни. Осамъ привелъ меня къ первому, шворнѣ двери, показалъ шѣнь духовной особы ; оная сіюяла подлѣ маленькаго столника, на кошоромъ была съ огнемъ жаровня ; правая рука шой духовной особы лежала въ оной на огнѣ, и онѣ сіюя плакалъ шюлько горько, что миѣ еще не случалось видѣнѣ шюликой печали. Въ другомъ столбѣ сіюяла жрица, у кошорой въ обѣихъ грудяхъ находилось по книжалу, и она шюлько же была прискорбна, какъ и первой, и очень много видѣла я какъ подобныхъ симъ наказа-

ный, какъ и разныхъ образовъ странныхъ и неизъяснимельныхъ. Наконецуъ перешли мы зноиъ ужасной храмъ, и выступили въ прѣяпную и прѣкрасную долину; въ ней цвѣтшы, искочники и всѣ украшенія превосходили искусство человеческихъ рукъ; на всякой ширинкѣ и во всякомъ мѣстѣ находились блестящѣе жершвенники, на кошарыхъ горѣлъ неугасаемый огонь. По серединѣ сей долины шоялъ храмъ совсѣмъ первому не подобенъ, и сдѣланъ былъ изъ блисшательнаго мешалла. Я почти смошрѣшь не могла на него, и казалось, какъ будто бы онъ горѣлъ разнаго цвѣща огнями. Я понуждала Осана, чтобы скорѣе достигнуть намъ до шого великолѣпна. На пазерши храма по шшоронамъ дверей шшодли двѣ кровшши по крышыа черными покрывалами, на одной лежала прѣкрасная женщина; а на другой мужчина, не уступающаи ни въ чешъ краснѣе прѣжня. У женщины въ груди висѣлъ бѣлый кивкашъ, а у мужчины себѣ. Поудѣленше въ и прѣсвѣтѣмъ шарикомъ бѣли и на шшорныхъ въ шшодл. Я ошшшшшшш, и рѣшшшшшшш въ шшшшшшш, и въ

превеликимъ сожалѣнiемъ ихъ османила. Бошли мы въ храмъ, котораго великолѣпiя и красоты объяснить и тебѣ не въ силахъ. Все, что есть рѣдкое и нѣбывающее на свѣтѣ, составляло его украшенiе; оиъ не казался мнѣ, чтобъ сдѣланъ былъ человѣческими руками, а какое-нибудь великое божество сооружало се непонянное зданiе. Подлѣ передней стѣны во храмѣ сидѣла богиня Лада на престолѣ украшенномъ разными камнями и покрывомъ багряницею; передъ нею находился жертвенникъ; въ разсужденiи храма оиъ былъ умѣренъ, но въ разсужденiи его величества вся вселенная не удобна была его вмѣстности въ себя. Осанъ принесъ жертву Богинѣ, во время которой прислѣ, чтобы она соединила съ нимъ меня. На что ошебчала богиня, что завтрашнiй день прошенiе его исполнишь. И такъ поблагодаривъ мы оба ее, вышли изъ храма на другую сторону, и увидѣли не далеко весьма высокую и крупную гору, на которую входила съ превеликимъ трудомъ женщина; любопышество понудило меня пойти туда. Мы также съ превеликимъ трудомъ взошли на гору,

и увидѣли, что женщина ша поливала изъ маленькаго ковчежца золоную сирѣлу, которая вопкнуша была въ самую вершину горы. Такое видѣніе показало мнѣ удивительнымъ; я спросила ее, что она такое дѣлаешъ. На что отвѣчала облившись слезами: шы видѣла на паперши подлѣ храма двухъ молодыхъ юношей, изъ которыхъ одна дочь моя родная. Я узнала любовь ихъ между собой, старалась имъ препяшествовать, и наконецъ разлучила, чего оба снести они не могли. Дочь моя лишила себя жизни; молодой шонъ юноша услыша о смерти своей любовницы, прекрашилъ также и свою жизнь. Богиня ошмцевая мнѣ ихъ смерть, приказала всякую зорю поливань сѣю сирѣлю изъ находящатаго подъ горою ишючника; и когда произрашеніе эшонъ мешаллѣ, тогда получу прощеніе, и шакъ пребываю я въ семъ шрудѣ шрешій уже годъ.

Послѣ, когда мы сошли съ горы, шѣ увидѣла я, подлѣ одного ручейка спала неописанная красавица, подлѣ ея сидѣлъ молодой и прекрасной шюноша; мы подошедъ къ нимъ смонрѣли на нихъ.

Красавица іпа улыбалась во снѣ , и казалось , какъ будио бы она наслаждается шеперь самымъ лучшимъ веселіемъ на свѣтѣ . Юноша шонѣ былъ очень прискорбенъ , и старался ее разбудить . Мы находились шунѣ часа съ три ; однако во все это время не могъ онѣ разбудить ее . Я спросила у Осана этому причины . Красавица знала , говорилъ онѣ , въ жизни своей , весьма была безобразна ; все ее презирали и гнушались ея бесѣды . Юношѣ юноша въ жизни своей былъ прѣвеликой насмѣшникъ ; онѣ обладалъ сердцемъ сей красавицы ; она его любила больше нежели саму себя ; но онѣ всегда ее презиралъ , смѣялся и ругался надъ нею чѣмъ однако не могъ онѣ испребинъ въ ней къ себѣ любви . Она жаловалась на его свирѣнство со слезами людямъ , но шо не помогло ; наконецъ прибѣгнула къ Богинѣ , и ее просила неопснунно . Великая Лада сжалившись надъ ея мученіемъ , дала ей образъ сноль прекрасной , какой шы шеперь видишь , и приказала возгордиться передъ симъ юношею , чшобъ шѣмъ наказашъ его . Онѣ какъ скоро увидѣлъ ее прекрасною , почувспвовавъ къ ней вели-

Часть II

Г

кую любовь, и все прѣзрѣнїе обратился большую еще прїязнь; началъ ласкаться ея, просилъ ея снисхожденїя, и уловилъ еще больше похищенное ея сердце. Красавица будучи снисходительна оубо природы, забыла наслажденїе богини, и сдѣлалась ему покорною. Какъ скоро начала она показывать ему благосклонность, то богиня украсила ея жизнь, и приказала принести сюда, гдѣ усыпила ее естественнымъ сномъ, въ которомъ позволяла наслаждаться всемъ имъ, что можетъ природа приносить намъ прїяшнаго. Юноша долженъ былъ спряться послѣ ея смерти цѣлые полгода; наконецъ богиня приказала также перенести и его сюда. Онъ нашелъ ее спящею, и такъ стараясь ея разбудить, и пребывая въ семъ шрудѣ болѣе года.

Онъ уведомилъ меня также и о другихъ шбїяхъ, которыхъ мы видѣли въ ужасномъ храмѣ; пошомъ, пошелъ къ своей гробницѣ, пришедши въ оную легъ, и приказалъ мнѣ закрыть себя. Я же, не желая съ нимъ разлучиться, хитрля вмѣстѣ съ нимъ закрыть себя смертноноснымъ покровомъ, но не знаю, какое-

то забвеніе прекратило естройное теченіе моихъ мыслей , и мнѣ показалось точно , какъ буднобы я уснула. Наконецъ открывъ мои глаза , увидѣла себя на семъ мѣснѣ и шебя родитель мой. Ахъ ! я чувствую великую слабость , говорила она ; духъ мой занимается. Просни !... По сихъ словахъ начала она кончаться. Премилосердые боги ! я упалъ тогда въ обморокъ , и на сплу могъ чрезъ часъ прийти въ чувство. Получивъ оное , увидѣлъ осмылое шѣло моей дочери ; я уже не извѣняю шебѣ больше моего мученія , шы , легко поняшь можешь , сколько я былъ прискобенъ. По погребеніи ея шѣла домъ мой началъ разоряншея ; постигли домашнихъ моихъ многія болѣзни , они умирали ; имѣніе мое со всѣхъ сторонъ грабили неприятели , я въ пущее приходилъ опчаяніе , и словомъ , разверзлась предо мною ужасная пропасть бѣдешвей : а ; чнобъ пущее произвеши во мнѣ опчаяніе , то прѣхалъ въ городъ потъ человекъ , которой училъ на кораблѣ моего сына ; онъ увѣрилъ меня дѣйсвишельно , чно Осанъ былъ моего опредя , хоня я шо и прежде узналъ , пошому

что на грудномъ его досканцѣ найдено было имя Филомены и его собственное. Въ семъ случаѣ жизнь моя показалась мнѣ ненадобною, и я началъ искать способа лишиться оной, но только чинобъ не опорочилъ моего имени. Во время это продолжалась у насъ война съ Тмушараканскимъ Государемъ; я началъ просить моего Князя, чинобы онъ правилъ онъ меня на войну. Государь, не видя способа воздержанъ меня, далъ мнѣ соизволеніе, и я немедленно онъ правился шуда.

Въ самое первое сраженіе воевалъ я весьма ошчаянно; къ счастью моихъ согражданъ, а къ моему неблагополучію, осадилъ я городъ Тмушараканъ. Военачальникъ шонъ, которой былъ прежде меня въ воинстве, почувствовавъ за сіе ко мнѣ великую злсбу. Онъ былъ согласенъ съ Тмушараканскимъ Государемъ, и хотѣлъ измѣнить своему ошечесиву; онъ писалъ онъ въ Тмушараканъ письмо, чинобъ шонъ Государь онъ писалъ ко мнѣ, шакъ какъ къ измѣннику, и это письмо получилъ военачальникъ, положилъ ко мнѣ ошорожно въ карманъ. Я же не

зная совсѣмъ такого подлога, скинулъ шо плащье, и надѣлъ по ушу другое. Письмо это найдено воинами, и отослано къ Государю, и послѣ того еще два. Владѣиель нашъ началъ меня подозрѣвать, также и воинство, о чемъ я ни мало не вѣдалъ. Въ послѣдующее сраженіе насуналъ я весьма храбро, и въ сей вначальчивости перазилъ не вѣдая сына моего Государя. Усмошрѣвъ это войны, пришли въ великое замѣшанеиство, и бросились всѣ назадъ; я старался удерживать ихъ, чтобъ шѣмъ не поперить всего воинства; но никто уже меня не слушалъ, починяя измѣшникомъ. Городъ разворили, и Тмуцаракцицы порубили многихъ Русовъ. Наконецъ по усмирении всего обезоружили меня, и заключили въ самыя тяжкія оковы; привезли въ городъ какъ злодѣя, посадили въ шемницу, и приговорили къ мучительной смерти.

Когда уже приближился конецъ моей жизни, и по ушу долженъ я былъ итти на казнь, шо въ самую полночь отворилась дверь у моей шемницы, и вошелъ ко мнѣ прежде бывший мой пріятель

шель. Онъ объявилъ мнѣ соизволеніе Государя, чтобъ послѣдовалъ я за нимъ. И такъ привезши меня на сіе мѣсто, сказалъ, что онъ подговорилъ сразу, конюрыхъ ны исперъ виднѣть Силославъ въ моихъ услугахъ, поселилъ меня здѣсь, и снабдилъ всею нуждою, что потребно мнѣ къ моему жишю. Я пребываю здѣсь уже пятой годъ, и всякіе полгода имѣю извѣстіе о городѣ онъ моего пріятеля. Время уже что приходишь, и я думаю, что онъ скоро ко мнѣ прѣденѣ. Такимъ образомъ кончилъ Славуронъ свое похождение, конюрому Силославъ очень много удивлялся, и благодарилъ его за его извѣстіе.

Въ эпошѣ вечеръ больше уже я не сказывалъ.

ГЛАВА VI

БЕЧЕРЪ 16.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Послѣ сего препроводили они еще два дни въ иѣконоу, ихъ увѣдомляхъ другъ друга. Въ третій день прѣехалъ Славуроной прѣшель. Новоприѣзжій увѣдомилъ ихъ, что въ городѣ Русѣ весьма теперь дурныя обшояшельства, и что оной подверженъ великой опасности. Кочующій въ непроходимыхъ горахъ Валдайскихъ, говорилъ онъ, сильный богатырь Полканъ, просилъ у нашего Государя дочь себѣ въ супружество: но какъ Государь ему въ оной опказалъ, извиняясь шѣмъ, что уже она помолвлена, то объявилъ онъ войну; и теперь съ часу на часъ ожидающъ его пришедшья подъ городъ. Народъ находящяся въ ужасномъ сирахѣ, Государь опасаетя опроверженія, и словомъ, всѣ въ великомъ безпорядкѣ. Силославъ хоня и не совѣмъ увѣдомился объ обшоя-

педьствахъ Руса, однако пожелалъ
 памб бышь непременно. Онъ предло-
 жилъ Славурону и его прѣяпелю, что
 намѣренъ шуда ѣхати, конорые снабди-
 ли его всемъ шѣмъ, что принадлежитъ
 къ дорогѣ. Прѣзжій препоручилъ ему
 свой домъ въ городѣ, и ошпустилъ съ
 нимъ своего раба. Силослави просни-
 вшисъ съ ними, ошправился въ пушь, и
 онъ половины дороги приказалъ возвра-
 щинисъ слугѣ къ своему господиу, бла-
 годарисъ его за одолженіе, а самъ про-
 должалъ свой пушь къ городу; ибо онъ
 намѣренъ былъ ушанишь онъ Рускаго
 Государя какъ свое имя, шакъ и породу;
 и шакъ доснигъ онъ въ скоромѣ време-
 ни до Руса.

Сей городъ сшоялъ на берегу озера
 Ильмени, при ушьяхъ рѣкъ Лованы и
 Палы, конорое мѣсто нынѣ называется
 старая Русь. Онъ былъ весьма крѣ-
 покъ, и сооруженъ изъ дикаго камня: одну
 шпорону окружало озеро, а еще другія
 двѣ обѣявленные рѣки. Силослави уви-
 дѣлъ весьма широкое зрѣлище; шѣны
 сего города, высокія капища, и все
 возвышенныя зданія покрышы были
 черными покрывалами; пародное сшена-

не услышалъ онъ еще поприща за два. Онъ подумалъ, что уже господствующии шумъ Полканъ, который какъ природою, такъ и обыкновеніями съ людьми не согласенъ; чего ради посѣщалъ въ городъ. Вошедши въ ворота, увидѣлъ двухъ стражей въ черномъ плащѣ, которые сидя плакали, и сколько онъ ни видѣлъ въ городѣ, все было въ одной одеждѣ, и равно какъ и перрые снѣдали; улицы, дома и люди все были въ траурѣ. Сидославъ перерѣшилъ въ желаніи видѣть чрезвычайности такой причины; и такъ спрашивалъ онъ у многихъ, однако ни онъ одного не получилъ никакого отвѣта. Наконецъ видя, что извѣститься ему никакимъ образомъ не возможно, началъ искать себя приспичища. Онъ пришелъ къ одному жрецу, и просилъ его, который его и принялъ; но и онъ того также освѣдомиться не могъ; и такъ принужденъ былъ смущаться симъ невѣдѣніемъ до половины дня. Какъ скоро ударило двенадцать часовъ, то на всѣхъ городскихъ башняхъ слышна стала городовая музыка. Въ одну минуту городъ переменился изъ печальнаго въ свѣтлой

и шоржествующій ; люди показались на улицахъ въ богатыхъ одеждахъ и съ веселыми видами ; началось великое шоржештво ; вездѣ радостныя восклицанія ; повсюду разлилась веселость: опроки и дѣвицы плясали въ короводахъ , снѣрые изъясляли надъ ними свое увеселеніе ; пошли вездѣ игры и смѣхи , и слѣвомъ , городъ сей изъ ада превратился въ одну мкинушу въ поля Елисейскія . Силославъ удивился сему еще больше , нежели прежнему , и видя всѣхъ людей въ превеликой радости , шакже и своего жреца , надѣялся получить оиъ него извѣщеніе , и шакъ спрашивалъ его о причинѣ онаго . Жрецъ согласился на сіе охотно , и началъ ему рассказывать . Дочь нашего Государя очень прекрасна , и оиъ чрезмѣрной ея красоты произошло наше несчастіе ; помолвлена она за сына Новгородскаго Князя , кошорой шенерь здѣсь . Дѣло уже подходило совѣмъ къ сочепанію ; но не знаемъ , оиъ кого провѣдалъ Полканъ о красотѣ нашей Государыни . Оиъ присылалъ къ намъ своего посла шребовать ес себѣ въ жену . Князю нашему сдѣлать было этого не возможно для шого , что уже она по-

молвлена, и еще для той причины, что
 человеку жить со зверем не возможно.
 И такъ получивъ отказъ, объявилъ онъ
 намъ войну, коюрой выдержавъ мы
 никакого способа не имѣемъ. Новгород-
 ской дворъ данъ намъ помощи не въ
 силахъ по тому, что Новгородъ оса-
 женъ онъ разбойника называемаго Вол-
 хва; и такъ самъ защищать себя едва
 можемъ, а не только намъ помогать.
 Но ушу, что вы видѣли насъ въ не-
 чести, это знаменовало, что въ такое
 время долженъ будете разсчитаться Го-
 сударь съ своею дочерью, любовникъ,
 или лучше супругъ съ своею любобни-
 цею, а мы съ нашею государынею. Ибо
 Полканъ объявилъ, что во время воз-
 шествія Зимцерлы разорилъ намъ го-
 родъ; а теперь, что вы видите насъ
 въ великой радости то во время это
 избавился Государь онъ руки своего сы-
 на Аскалона, коюрой хотѣлъ лишить
 его жизни. Чюжъ Государь намѣренъ
 предпринять, спрашивалъ его Силославъ,
 когда придетъ Полканъ подъ городъ?
 Отданъ свою дочь, онѣвчалъ жрецъ;
 ибо другого способа не находилъ онъ
 избавишься онъ такого сильного не-

пріятеля. Силославъ предпріялъ побѣ-
диль Полкана , и написаѣ къ государю
слѣдующее письмо :

„ Государь ! никто изъ твоихъ
„ подданныхъ желася тебѣ благопо-
„ лучія , и просишъ , чшобы ты не ош-
„ давалъ свою дочь , а нашу Государы-
„ ню Полкану , когда подшунитъ
„ онъ подъ городъ , а побѣдишь его при-
„ нимася онъ это на себя ; и ты у-
„ видишь въ подѣ одного провинника
„ изъ твоихъ подданныхъ столь много-
„ численному и свирѣпому воинству .

Нашелъ онъ способъ тайнымъ обра-
зомъ вручить его Сенашу ; Сенашъ объ-
явилъ Государю , коиморой почелъ его
сперва баснею , но наконецъ , разсуждая
очень долго , обнадеежился симъ увѣрені-
емъ , и въ доказательство своей благо-
дарности разослалъ повсюду указы , чшо
испълнѣ обѣщаніе свое шонъ исполнишъ,
шо онъ съ позволенія народа ошдася
ему свое царское сокровище , и пришо
просидъ его чшобы онъ объявился какъ
Государю , такъ и народу , чшобы они
видѣли своего благодарителя ; однако

Силославъ не хотѣлъ показаться. Очень въ короткое время покрылось поле подлѣ города Полканами; всѣ жишелы взошли на снѣжны, и сморѣли съ превеликимъ ужасомъ на оныхъ. Они рыскали споль быстро по полю, чю пущенныя изо всей силы ими сморѣлы догоняли и хващали ихъ на лешу, подбѣгали къ городу, и сморѣли на оной съ презрѣнїемъ, починяя игрушкою овладѣшь онымъ. Государь почини лишился чувствѣ, увидѣвъ такихъ смрашилицъ, и ждалъ непременно своей кончины; весь городъ опчаялся и не имѣлъ надежды къ спасенїю. Ешо было ушро. Силославъ увѣдомившись о семъ, началъ призывашъ Преврану, какъ охранительницу его жизни, кошорая пошчасъ ему предешала. Могущая волшебница, говорилъ онъ ей! я знаю, чю шебъ все возможно; подкрѣни во мнѣ мои силы, и позволь побѣдишь Полкана. Я не имѣю оружія, и шакъ съ швоимъ повелѣнїемъ ожидаю опѣ шебя онаго. Волшебница вывела его изъ дому, и привела еъ шакое мѣсто, гдѣ не было никого людей, махнула по воздуху волшебнымъ прушикомъ; пошчасъ подвели

ей два духа коня во всемъ богатырскомъ снаряжѣ , попомѣ принесли и Силославу одежду ; она велѣла ему перерядишь ся въ оную и сѣсть на коня , дала на- славленіе , и сама скрылась. Силославъ какъ скоро появился на улицѣ во всемъ воинскомъ и сіяющемъ снаряжѣ , но увидѣвъ люди , бѣжали къ нему со всѣхъ сторонъ , и провожали съ радостными восклицаніями. Тотчасъ дали знать во дворцѣ , что ѣдетъ ихъ избавитель къ Государю , котораго видѣвъ онъчаян- нись не имѣли они никакой надежды. Услышавъ сіе Государь и ончаянная молодая Государыня , бросилась на крыльцо ; и съ нешерпѣнѣемъ ожидали его при- несшвѣя. Когда въѣхалъ Силославъ на царской дворъ , но увидя Государь величественной его видъ и крѣпкое бога- тырское вооруженіе , исполнился вели- кою надеждою , и ни мало не сомнѣвал- ся , чшобы такой храброй полубогъ не побѣдилъ его непріятеля. Конь подъ Силославомъ былъ побѣдѣне нѣсколько обыкновенныхъ ; спрѣйносшь его , сила , бодросшь превосходили все , и не можно найши примѣра ; пламенные его поздри Успрашали всякаго , кто бы ни захо-

шѣлъ вѣ ему приближнись. Онѣ имѣлъ на себѣ одинакую кальчугу съ Силославомѣ, кою она прикрывала его всего по самыя колѣни. Силославѣ имѣлъ на себѣ шлемѣ изѣ самой чистейшей стали, кою покрывала золотая рещенка; щипѣ и копѣ сдѣланы были удивительнымѣ искусствомѣ изѣ чистой стали. Когда подѣхалѣ онѣ къ крыльцу, то ондалѣ должную честь Государю, и говорилѣ ему, что онѣ ѣденѣ сражашься за честь его и природную вольность княжны его дочери. Государь хоща и просилѣ Силослава вѣ свои покои, однако онѣ съ извиненіемѣ не пошелѣ вѣ оныя, и поѣхалѣ прямо изѣ города на рашное поле. Государь немедленно шелѣ вѣ Свѣшовидово капище, и приказалѣ возжечь вѣ ономѣ великую жершву, просилѣ Бога войны, чтобѣ рашь ся благополучно окончилась. Всѣ жрецы и народѣ спояли предѣ кумиромѣ на колѣняхѣ, и съ шеплымѣ усердіемѣ просили его защищенія; иѣкошорые изѣ оныхѣ починали Силослава Свѣшовидомѣ, по шому что еще не видали шакого смершного; и шакѣ во время молишвы внушрешно его благодарили за его милосердіе.

Княжна бросилась тотчасъ на городскую башню сподирѣвъ прошивнаго ей сраженія ; она какъ скоро увидѣла Силослава, то благодарнось къ оному преодолѣла много любовь ея къ Новгородскому Князю , или лучше , почувствовала она великую къ нему склонность ; рвалась уже не о томъ , чтобъ избавишься ей отъ Полкана и соединишься съ обрученнымъ женихомъ , а что Силославъ подвергнется такой опасности , и хочешь лишишь себя жизни для той , которую можешь бышь отъ и никогда не видѣлъ. Вошедъ на башню ; ждала съ неперывливоспѣю , какъ Силославъ покажется на ранномъ полѣ.

Однако я пересталъ рассказывать для того , что усмотрѣлъ полночь въ черной епанчѣ.

ГЛАВА VII.

ВЕЧЕРЬ 17.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Когда расповорили вѣрова, то къ великому ужасу гражданъ показался

Силославъ на равномъ полѣ. Увидѣвъ его Полканы, побѣждали многіе съ великимъ стремленіемъ, но не сражались съ нимъ, а смотрѣли на его вооруженіе. Очень въ скорое время обсыпали его со всѣхъ сторонъ; но Силославъ принялъ ихъ не какъ какаго-либо пришельца, а какъ непріятеля. Тотчасъ закипѣла военная буря, и все равное поле пушило въ великое движеніе, и начало покрываться мертвыми тѣлами. Силославъ, обнаживъ свой мечъ, сверкалъ какъ молнія въ простиранномъ полѣ, находя вездѣ себя пуши сквозь множество осирѣвшихъ Полкановъ. Наконецъ, когда скрыла его густая пыль оныхъ глазъ Зинаиды, тогда упала она въ обморокъ, ошчаявшись его видѣнъ, и нечувствительную понесли се въ покой. Полканъ вооружась поднялся изъ своего спану. Силославъ вложя свой мечъ вооружился копьемъ. Очень скоро съ превеликою яростію сѣхались они другъ съ другомъ; первой ударъ былъ очень силенъ, такъ что казалось будто бы зыбнулась подъ ними земля. Полканъ упалъ на землю; Силославъ опрѣхавъ оныхъ него на нѣсколько дождался, что-

Часть II.

Л

бы онъ вспалъ ; ибо безсильнаго побѣдишь казалось ему безчестно. Полканъ вооружился опянь , и съ превеликою яростию бросился на Силослава , коюрой воиномъ ему копье въ самую грудь. Вдругъ сдѣлался въ воздухъ превеликой ревъ ; ужасные вихри ленили въ ярости со всѣхъ сторонъ , и съ превеликимъ шумомъ ломали деревья , подняли великую пыль , и сдѣлали прекрасной день ужасною ночью. Въ одну минушу всего убишаго воинства поднялись шквалъ на воздухъ , и ихъ стало не видно ; вскорѣ потомъ просіяло опять солнце , и вѣтры утихли. Силославъ оишь сего приключенія пришелъ въ превеликой ужасъ , и поспѣшалъ какъ возможно скорѣе въ городъ. Онъ уже былъ подлѣ самыхъ воротъ , какъ вдругъ ужасная шумъ сдѣлалась надъ его головою , и первой громовой ударъ расшворилъ подъ и мѣ землю , и сдѣлалъ ужасную пропасть , коперая пожрала шовъ храбраго воина. Ошнжалось на время его пование , и онъ увидѣлъ себя въ новомъ свѣтѣ и въ другой атмосферѣ.

Когда онкрылъ глаза Силославъ , какъ бы послѣ крѣпкаго сна , шд уви-

дѣлѣ себя лежащаго подѣ деревомѣ и
 окруженнаго спраниюобразными и неви-
 данными живущими, кошорыхѣ какѣ
 на деревѣ, шаѣ и около еѣ премножес-
 тво находилось. Они его беспокоили
 различными образами, и спарались у-
 спранить. Такое необычайное позоріе
 и дѣйствительно представилось ему
 спранимѣ; онѣ ескочилѣ, и желалѣ
 бѣ ихѣ удалиться: но чѣмѣ больше
 опспутилѣ, шѣмѣ больше оныхѣ ему
 вспрѣчалось; они его ушѣсняли, шѣль-
 ко не дѣлали ему никакого вреда, онѣ че-
 го пришелѣ онѣ вѣ превеликое опчаліе,
 и не знаѣ чпо ему начашѣ должно бы-
 ло. Вдругѣ увидѣлѣ передѣ собою чело-
 вѣка, кошорой не сказѣлѣ ему ни слова,
 взяѣ за руку и повелѣ вѣ неизвѣстной
 пушѣ. Ескорѣ появились они вѣ шакомѣ
 мѣстѣ; кошорое ежели описывать, шѣ
 мало шанешѣ на эшо человеческой жиз-
 ни. Ограда зданія, вѣ кошорое они во-
 шли, сколько была высока, шѣлько
 и великолѣпна; удивительное сплеше-
 ніе и разныя изображенія сдѣланныя
 всѣ какѣ будшобы изѣ одного яхонта
 голубаго и прозрачнаго цвѣта, пред-
 ставляли его обшайемѣ какого шибудѣ

первосташейнаго бога, а не человека. Снопбы, ихъ подножія и изображенія изъ нихъ живошныхъ сдѣланы были изъ краснаго и также прозрачнаго камня. Когда вошелъ Силославъ съ проводникомъ въ разцворенныя ворота, шо благовоніе, краснаа деревьесъ, порядокъ сшихій, умѣренное солнца сіяніе, цвѣсны и невообразительныя фонпаны привели его въ великое удивленіе. Онъ останоуился, и не смѣлъ итти далѣе, спрашивалъ у провожаннаго, кошорой однако ничего ему не ошвѣчалъ, и шолько принуждалъ итти далѣе, кошорому Силославъ предпріялъ слѣдованіе. Вспрѣчались съ ними пшцы ходящія по дорогамъ; онѣ имѣли на головахъ у себя вмѣсто хохловъ блестящія звѣзды, перья же были на нихъ огненныя. Мнато цвѣсна, онѣ кошорыхъ пздали искры, онѣ чего земля пускала благовоніе, и нацолняла воздухъ наипрѣшнѣйшимъ въ свѣшѣ ароматомъ; другіе, кошорые шолько же были прекрасны, лешали въ воздухъ, колебали оной крыльями, и дѣлали шѣмъ прѣшное прохладеніе. На деревьяхъ малаго рода, но великой прѣшности пшчки пѣли самъ.

явѣннми голосами. Силославъ увидѣлъ въ пологихъ янтарныхъ берегахъ не весьма большой рпушиной прудъ, копорой находился весь въ движеніи; на подобіе кипящей воды, на поверхности сей рпуши стояли Тришоны, Перенды и Сирены, копорыя соснавляли изъ себя хоръ; оной столько былъ пріятенъ слуху, что какъ скоро Силославъ его услышалъ, то ослабѣли его члены, и пріятной сонъ началъ закрывать его глаза. Уроводникъ положилъ его на мягкую, или лучше на воздушную софу, гдѣ Силославъ заснулъ весьма пріятно. Какъ скоро зашворилъ онъ глаза, то мечталось ему сіе:

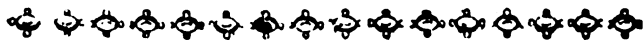
Мимо того мѣста, гдѣ онъ опочивалъ, проходила красавица со множественномъ дѣвицъ, не только что неопиcанная, но и невообразимая; вела она за руку маленькаго и нагаго мальчика; подошедъ къ Силославу, и взглянувъ на него, усмѣхнулась съ самымъ пріятнымъ видомъ, и приказала мальчику сдѣлать то, что ему приказано. Младенецъ выпулъ стрѣлку изъ калчана, копорой находился у него за плечами, положилъ на шениву, и ударилъ тупымъ концемъ

въ самую грудь Силославу, коңерой и во снѣ усмѣхнулся шикой прѣяшней шумкѣ. Послѣ, спуспя иѣсколько времени, когда они шли назадъ, шумѣ же младенецъ осирою и зодошою сирѣлакою уязвилъ Силослава чувственнѣльно, коңерой однако не проснулся. Красавица подошедъ къ нему его поцѣловала, и пошла прочь.

Силославъ никогда не выпускавъ изъ мыслей своихъ Прелѣпы, проснувшись позабылъ о ней, вспалъ и пошелъ задумавшись искать подобной шой, гоңоря во снѣ ему мечналась; пѣтившя его прѣяшности изображены были въ глазахъ его; сщарая сщраснѣ усшунала мѣсно повои, и начала владычешивованш надъ дуцею его и сердцемъ. Онѣ уже не удивлялся сверхъестественнымъ прелеснямъ шого мѣсна, въ коңоромъ находился; сщрашная и непроходимая пущыня была бы ему прѣяшнѣ сѣшою, коңорая во снѣ показала. Нашала ночь, коңорая сшодлько была шемца, сколько ясеиѣ былъ день. Силославъ не вида нигдѣ никакого здашя, и не зная куда ишши, принужденъ былъ

осназишь на помѣ мѣстѣ, на коемѣ онѣ
находился. Спустия очень мало времени
все деревья неписаннаго сего сада
при корняхъ загорѣлись, и разноцвѣт-
ной огонь поднимался онѣ часу выше
даже до самыя вершины оныхъ; у спод-
щихъ по аллеямъ спашуй открылись
улы, которыя они въ рукахъ держали,
и начало изъ нихъ пыхати благовоиѣ;
словомъ, вездѣ было освѣщено и вездѣ
наполнено ароматами; все иградо и все
спаралось ушѣщити Сидослава.

А меня спарался сонѣ клонити,
и шакѣ пересналѣ я сказывати.

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЬ 18.

*Продолженіе Силославовыхъ при-
ключеній.*

Силославъ сколько ни смущенъ былъ
любовію, однако не преминулъ
чашобѣ не осмонрѣши деревья, онѣ чего
они горѣли и не исплѣвали; онѣ подо-

шедъ, началъ осматривать листы оныхъ, и увидѣлъ, что на каждомъ листочкѣ сидѣло по три огненныхъ червячка, оныхъ кошорыхъ свѣпилось шакъ, какъ будто бы оны свѣчки; пономъ продолжалъ оны пушь, хотя и не зналъ куда, и въ семъ упражненіи препроводилъ время даже до половины ночи. Наконецъ впереди увидѣлъ великолѣпное зданіе, и чѣмъ ближе къ нему подходилъ, шѣмъ красота и великолѣпіе его умножалось; снѣны сего зданія сошавляли нѣкопорою неолсанной родъ сомкнувшихся сполбовъ, копорые шочно походили на шѣ, изъ копорыхъ на небѣ бывающіе явленіе; они передвигались съ мѣсна на мѣсно, и шѣмъ дѣлали, какъ будто бы все сіе зданіе находилось въ движениіи; между оными на голубой снѣнѣ блистали разные каменья наподобіе яркихъ звѣздъ. Верхъ его, ежели предсшавилъ сферу, сдѣланную изъ небесныхъ Зонъ со всеми небесными знаками изъ самыхъ прозрачныхъ и разноцвѣтныхъ яхонтовъ, шо это будещіе оны; на немъ еще сшоялъ Солнцевъ прешолъ, на копоромъ лежало сердце, пылающее огнемъ, по сторонамъ коего сидѣли два

купидопа играющіе между собою други-
ми сердцами. Огромное и превысокое
крыльцо, сдѣланное изъ полированного
и чистаго хрустала, которое все нахо-
дилось въ превеликомъ движеніи, для
того что по серединѣ оного подъ
хрусталаемъ опускалась внизъ ршунь;
онѣ ея движенія и онѣ множественна
огней, онѣ прозрачности стекла, ка-
залось оно одушевленнымъ; по створо-
намъ на каждой оного ступени лежали
живые и прескрасныя львы, которые
въ то время спали; и ежелибъ то
былъ не Сидославъ, то онѣ одного
ужаснаго ихъ дыханія должно было
прийти въ превеликой прененѣ. Но-
бѣждаемый любовію Сидославъ преншу-
нилъ безъ робости въ сему великолѣп-
ному и ужасному зданію; онѣ спустилъ
на первую ступеньку, не опасаясь сихъ
спрашавшихъ; и когда увидѣлъ, что
она неподвижна, тогда пошелъ онѣ въ
него, и хотя шелъ не весьма осторожно
но не опасаясь львовъ, однако ни одинъ
изъ нихъ не проснулся. У перваго покоя
двери были расшворены; онѣ въ него
вошелъ, и увидѣлъ все рѣдко и патя-
ющее на свѣтѣ великолѣпное украше-

нїе , порядокъ , чистоту , и сверхъ того освѣщенъ онѣ былъ премножеснвомъ свѣчь и лампадъ , шолько не было шумѣ ни одного человека ; для чего Силославъ слѣдовалъ еще далѣе , и находилъ вездѣ расворенныя двери . Прощедъ премножеснво великолѣпнс-убранныхъ покоевъ , пришелъ онѣ къ залѣ , кошорая показала ему чрезвѣсншенною ; снѣнн чѣмъ освѣщены были , шого онѣ не могѣ разобранъ , но шолько превелнчайшее было онѣ оныхъ блнснанїе ; пола и пошолока вѣ семѣ залѣ онѣ не видѣлъ , но вмѣсно оныхъ ясной и голубой небесной сводѣ ; кошорой украшало пресвѣтлое Солнце ; внизу очень далеко земной шарѣ со всѣми на немѣ обншанелами , моря , горы , поля и долины , и словомъ , все , что земля на себѣ имѣнн ; чего ради Силославъ не смѣлъ переснуцинн вѣ оную . Онѣ началъ разсужданн , когда нннн вѣ сей залѣ пошолока , и виднн небеса ; шо должно , чнпѣ показались они мнѣ покрншые ночью , и украшало бы ихѣ не солнце , но блесннщїя звѣзды ; и шакѣ конечно еснн шумѣ что-ннбудъ шакое , кошорого я проникнушн не могу . Разсуждая очень долго , увидѣлъ ешолок

купидона играющіе между собою други-
ми сердцами. Огромное и превысокое
крыльцо, сдѣланное изъ полированного
и чистаго хрустала, которое все нахо-
дилось въ превеликомъ движеніи, для
того что по срединѣ оного подъ
хрусталамъ опускалась внизъ ртуть;
онѣ ея движенія и онѣ множественна
огней, онѣ прозрачности свѣтла, ка-
залось оно одушевленнымъ; по сторо-
намъ на каждой оной ступени лежали
живые и преславныя львы, которые
въ то время спали; и ежели бы то
былъ не Сидославъ, то онѣ одного
ужаснаго ихъ дыханія должно было
прийти въ превеликой пренесѣ. По-
бѣждаемый любовію Сидославъ прене-
силъ безъ робости въ сему великолѣп-
ному и ужасному зданію; онѣ спустилъ
на первую ступеньку, не опасаясь сихъ
спрашавшихъ; и когда увидѣлъ, что
она неподвижна, тогда пошелъ онѣ въ
него, и хотя шелъ не весьма осторож-
но не опасаясь львовъ, однако ни одинъ
изъ нихъ не проснулся. У перваго покоя
двери были расшворены; онѣ въ него
вошелъ, и увидѣлъ все рѣдкое и пуга-
ющее на свѣтѣ великолѣпное украше-

нїе , порядокъ , чистоту , и сверхъ того освѣщенъ онѣ былъ премножеснвомъ свѣчь и лампадъ , шолько не было шумѣ ни одного человѣка ; для чего Сидославъ слѣдовалъ еще далѣе , и находилъ вездѣ расшворенныя двери . Прощедъ премножеснво великолѣпнѣ-убранныхъ покоевъ , пришелъ онѣ къ залѣ , кошорая показала ему чрезъчеловѣченною ; смѣнымъ освѣщены были , шого онѣ не могѣ разобрать , но шолько превеличайшее было онѣ оныхъ блистанїе ; пола и пошолока вѣ семѣ залѣ онѣ не видѣлъ , но вмѣсто оныхъ ясной и голубой небешной сводѣ ; кошорой украшало пресвѣтлое Солнце ; внизу очень далеко земной шарѣ со вѣми на немѣ обншашелами , моря , горы , поля и долины , и словомъ , все , что земля на себѣ имѣетъ ; шого ради Сидославъ не смѣлъ переснуциши вѣ оную . Онѣ началъ разсужданъ , когда ишнѣ вѣ сей залѣ пошолока , и видны небеса ; шо должно , чтошѣ показались они мнѣ покрывные ночью , и украшало бы ихѣ не солнце , но блестящїя звѣзды ; и шакѣ конечно есмь шумѣ что-нибудь шакое , кошорого я пропикнушь не могу . Разсуждая очень долго , увидѣлъ шолок

и стулья столціе на воздухѣ, шакъ какъ
будно бы на полу; онѣ ошважился, и
переснутилъ ѣе. Чшо его держало,
шого онѣ не зналъ; однако шелъ по по-
лу, а эшо были написаны карпинны,
кошорыхъ машера шюль были искус-
ны, чшо водили другихъ шпремленія
глазѣ весьма собой далеко. Перешедъ Си-
дославъ залу, и шелъ въ покой; въ
ономѣ шюляла кровань съ спущенными
занавѣсами, кощорые онѣ поднялъ, и
увидѣлъ на ней весьма ѣе крѣпкомѣ
онѣ прекрасную женщину; чщобѣ не по-
шревожишь се, опушилъ ошнорожно
оняшь завѣсы, и слѣдовалъ далѣе, гдѣ
находилъ еще нѣсколькѣ сонныхъ жен-
щинѣ подобныхъ первой. Наконецъ на-
шелъ ѣе одномѣ покоѣ кровань шакже
съ опущенными завѣсами; она была со-
всѣмѣ первымѣ неподобна; украшеніе
ея и видѣ шюль павили Сидослава,
чшо онѣ не хощѣлъ вышши ошшуда
цѣлую ночь. Не пошмощря еще, кшо ле-
жашѣ на кровани, приближился онѣ къ
ней; и какъ скоро ошшрылъ завѣсы,
шо рука его держа оные оцѣмѣла; шрас-
шное его сердце, казалось ему, какъ буд-
но бы съ превеликимѣ шпремленіемѣ дви-

нулось съ мѣста ; онъ обомлѣлъ, и сползалъ долго неподвиженъ. Тушъ опочивала самая ша красавица , которая во снѣ ему мечталась. Пришедъ нѣсколько въ себя , говорилъ онъ мысленно : боги властнители надъ нами ! вамъ извѣстно, кого я вижу , кто она и всѣ ея прелести ; скажите мнѣ , елики въ ней что-нибудь смертное, что я проникнуть не могу , елики шушъ какая-нибудь земная красота, или только одна небесная покрываетъ ее лице. Онъ бы еще и больше продолжалъ свое восхищеніе , но приятной сонъ началъ клонить его голову ; и хотя Сидославъ и хотѣлъ встать , какъ повелѣвала ему благопристойность, однако упомянутыя покойною дремотою его мысли принудили его уснуть подлѣ кровати на креслахъ.

Проснувшись по утру, прежде всего бросилъ онъ взоръ свой на кровать ; однако уже никого на оной не увидѣлъ. Тушъ пришелъ онъ въ превеликое опечаленіе, и укорялъ самъ свою неосмотрительность, негодовалъ на нестерпимое свое желаніе, и думалъ , что она только одна опирается у него на надежду. Перобкое и оп-

важное геройство ! тобою поперялъ я
 наипрелесннѣйшій для меня дѣдменъ ;
 тобою величаясь вошелъ я сюда ; онъ
 швоей дерзости привелъ на гибель пре-
 красную изъ всѣхъ смертныхъ богиню.
 Когда же ты ввело меня въ сѹю погибель,
 но непременно должно меня и освободишь
 изъ оной ; и такъ всмавши пошелъ
 войъ изъ сего зданія. Пришедши въ залу,
 увидѣлъ полъ и пополокъ , кошорые
 скрывались въ вечеру онъ его взора ;
 приедъ на крыльцо , увидѣлъ онъ
 спранныхъ львовъ бодро спощихъ ,
 кошорые какъ скоро его увидѣли , лег-
 ли , и головы приклонили въ знакъ по-
 виновенія. Крыльцо не находилось уже
 въ движеніи ; и такъ Силославъ безъ
 робости сошелъ съ него , и слѣдовалъ
 своему желанію и водящимъ глазамъ
 своимъ.

А я послѣдовалъ дремошъ и пошелъ
 на посшелю.

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЬ 19.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Упреннее время довольно было способно къ тому, чшобъ Силославъ осмолрѣлъ все сіи прекрасныя мѣста и увидомился о ихъ неописанной добротѣ; однако пламенная любовь вела его не къ любопышешву, а къ сысканію того предмета, которой, какъ казалось ему, украсаешъ собою все сіе великолѣніе. Прошедъ нѣсколько дорогъ, увидѣлъ онъ впереди шрехъ весьма великолѣнно одѣтыхъ женщинъ; они шли му навстрѣчу, и сошедшисъ сдѣлали ему привѣшешвіе, шакъ какъ чужезшраніюму челошву, и просили, чшобъ онъ сдѣлалъ имъ шоваришешство проходешъся по саду; онъ чего Силославъ не желалъ оншговорешъся. Будучи съ ними, со всякою учшivenessшю спрашивалъ ихъ, кшо они шаковы, и кому принадлежешъ все это и еликолѣніе; которое онъ видешъ; однако опвѣшы ихъ не обвяснили ему ни-

чего шого, о чемъ онъ хотѣлъ провѣ-
даны. Одна изъ сихъ женщинъ, кошорая
казалась побольше другихъ достоин-
ствомъ, съ позволенія прочихъ просила
съ собою Сидослава; онъ за нею послѣ-
довалъ, а другіе ихъ оставили, и по-
шли въ свой путь.

Женщина прошедъ нѣсколько, на-
шла уединенное мѣсто, сѣла на софу,
и просила также Сидослава; потомъ
начала говорить ему слѣдующее: Я знаю,
государь, что ты чужеземецъ, и
находишься теперь въ шакомъ мѣстѣ,
кошорое, ежелибы я старалась объяс-
нить тебѣ всѣми силами, то и тогда
бы не могла; а однимъ словомъ скажу
тебѣ, что это мѣсто находится не на
землѣ; оно принадлежитъ нѣкошорой
весьма безобразной волшебницѣ, и ко-
шорая при всей своей глупости имѣетъ
опроду сно дванцать лѣтъ. Она бывая
часно на землѣ, увидѣла нѣкогда тебѣ,
и смертельно влюбилась; и для того
чтобъ предшавитъ тебѣ важною,
расшворила землю послѣ сраженія нѣво-
его съ Полканомъ, и волшебною си-
лою перенесла тебѣ въ сіе мѣсто. Она

желаніи съ шобою совокупишься. Это правда, что ты увидишь ее красавицею; она имѣетъ эстетическій даръ, что можетъ переменить гнусность свою на неизбратимую красоту: но это можетъ она сдѣлать на одинъ часъ, а послѣ предъавшия тебѣ столько скарденною и гнусною, что ты проклинаешь будешь свою жизнь, и придешь оубо шого въ превеликое опечаленіе. На шей кроватѣ, подавъ кошорою ты ночевала, опочивала она, имѣвши на себѣ ея въ прекрасной видѣ, въ комѣ ты ее нашелъ, и уснула себя шумѣ для шого, чтобы ты не могъ видѣть гнуснаго ея вида, когда по необходимости должна она была оставишь прекрасной шонѣ образъ. Меня не другое что принудило тебѣ изъяснишь, это, какъ только одно врожденное во мнѣ сожалѣніе, и ты не подумай, чтобы была причиною шому какая причина, кошорая сдѣлала меня къ тебѣ преданною. Выговоривши это, и несколько она за-краснѣлась, и говоришь пересказала.

Сидославъ выслушавши все, не зналъ какъ располковать ея слова; оубо

чего шого, о чемъ онъ хотѣлъ провѣ-
дани. Одна изъ сихъ женщинъ, кошорая
казалась побольше другихъ достоин-
ствомъ, съ позволенія прочихъ просила
съ собою Сидослава; онъ за нею послѣ-
довалъ, а другіе ихъ оставили, и по-
шли въ свой пушь.

Женщина прошедъ нѣсколько, на-
шла уединенное мѣсто, сѣла на софу,
и просила также Сидослава; потомъ
начала говорить ему слѣдующее: Я знаю,
государь, что ты чужестранецъ, и
находишься шеперь въ шакомъ мѣстѣ,
кошорое, ежелибы я старалась объяс-
нить тебѣ всѣми силами, то и тогда
бы не могла; а однимъ словомъ скажу
тебѣ, что это мѣсто находится не на
землѣ; оно принадлежитъ нѣкошорой
весьма безобразной волшебницѣ, и ко-
шорая при всей своей гнусности имѣетъ
опроду сно дванцать лѣтъ. Она бывая
часно на землѣ, увидѣла нѣкогда себя,
и смертельно влюбилась; и для шого
чтобъ предшавитъ тебѣ важною,
расшворила землю послѣ сраженія шво-
его съ Полканомъ, и волшебнкою си-
лою перенесла себя въ сіе мѣсто. Она

желаніи съ шобою совокупишься. Это правда, что ты увидишь ее красавицею; она имѣетъ эстетическій даръ, что можетъ перемѣнить гнусность свою на неизбратимую красоту: но это можетъ она сдѣлать на одинъ часъ, а послѣ представшия тебѣ ея только скверною и гнусною, что ты проклинаешь будешь свою жизнь, и придешь оиъ того въ превеликое опечаленіе. На шей кроватѣ, подавъ кошорой ты ночевала, опочивала она, имѣвши на себѣ ея въ прекрасной видѣ, въ комѣ ты ее нашелъ, и уснула себя шумѣ для того, чтобы ты не могъ видѣть гнуснаго ея вида, когда по необходимости должна она была оставишь прекрасной шонѣ образъ. Меня не другое что принудило тебѣ изъяснишь это, какъ только одно врожденное во мнѣ сожалѣніе, и ты не подумай, чтобы была причиною тому какая причина, кошорая сдѣлала меня къ тебѣ преданною. Выговоривши это, нѣсколько она за-краснѣлась, и говоришь пересказала.

Сидославъ выслушавши все, не зналъ какъ располковать ея слова; оиъ

былъ не легкомысленъ , и сверхъ того любовь не позволяла ему вѣрнѣе ни мало такому препорученію ; и такъ при- шворясь , будто бы вѣрнѣе всему по- му , что она ни сказала , говорилъ ей сіе : Государыня ! ежели ты берешь у- часнѣе во всемъ шомъ , что до меня принадлежитъ , и ежели малое мнѣ по- врежденіе прогаешь швое сердце , то прошу тебя , еслили есть къ шому способъ , покажи мнѣ ея безобразе , чтобъ шѣмъ возвѣмѣлъ я къ ней пря- мое омерзѣніе , и почувствовалъ бы въ сердцѣ моемъ непримиримое отвращеніе . Я признаюсь тебѣ , сударыня , что пре- лести ея вошли въ мое сердце , и гос- подствуютъ надъ моимъ понятіемъ . Все мое стараніе и все шруды прилагаю я къ шому , чтобъ увидѣшь прекрасной ея образъ ; я его починаю божествомъ , и ничто кромѣ очевиднаго свидѣтельства не можешь привести меня на другія мы- сли . При семъ словѣ изобразилась на лицѣ ея досада , и она съ превеликимъ гнѣвомъ начала выговаривать многія поносныя слова шой , которая плѣнила Сидослава . Это чудовище , говорила она , недостойно не только что швоей любви ,

часть II.

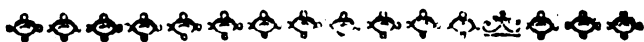
Е

но ниже одного взгляда ; ты очень безразсуденъ , что одна обманчивая поверхность могла произвесити въ тебѣ любовь и наполнишь сердце свое вѣжвостію . Эта фурія , оиѣ кошорой должно было бы тебѣ убѣгать , сдѣлала то , что ты всюду слѣдуешь за нею . Выговоривъ сіе ахнула она , и начала неушѣшно плакать . Силославъ бросился ушѣшать ее , и думалъ , что причиною тому ея досада и превеликая независнѣ къ волшебницѣ ; но оиѣ нашелъ совсѣмъ провинное своему мнѣнію ; ноги ея и шѣло по самыя груди окаменѣли ; блѣдность покрывала лице ея , и ужасное прясеніе всшупило въ ошавшіе ея члены . Я не какось , говорила она , что наказана за мою дерзость , пошому что я того досшойна ; но сожалѣю о томъ , что не могла пользоваться шѣмъ , что мнѣ сдѣлалось милѣ всего на свѣтѣ . Это ты , продолжала она , за кошорого я теперь наказана ; поди оиѣ глазѣ моихъ , и не умножай моего мученія ; больше не лзя мнѣ выговорить тебѣ ни одного слова , прссни . . . . Силославъ сколько ни старался ушѣдать шому причину , однако не получалъ оиѣ нее ни-

какого отвѣта. Такая чрезвычайность привела его въ великое удивленіе, и онъ не хотѣлъ оставишь ее, не извѣстясь о такомъ чудномъ превращеніи; но разсѣвавшіяся съ ними женщины пришедъ присовокупили нѣсколько слезъ къ окамененной женщинѣ, повели его съ собою въ шо здание, въ кошоромъ препроводилъ онъ ночь, и шумъ оставили не сказавъ ему ни одного слова. Сидославъ будучи шумъ, принужденъ былъ ожидать неизвѣстнаго; векоръ увидѣвъ онъ множеству идущихъ къ себѣ женщинъ въ бѣлыхъ и въ великолѣпныхъ одеждахъ, между кошорыми и ша, коя плѣнила Сидославово сердце. Увидѣши ея пришелъ онъ въ превеликое замѣлнательство мыслей, сдѣлался неподвиженъ, и словомъ, окаменѣлъ. Видъ ея сколько былъ важенъ, сколько и нѣженъ; глаза наполнены были неприступнымъ величествомъ, съ кошорымъ обитало вмѣстѣ и великое снзхожденіе. Величественная гордость и врожденная нѣжному полу пріяшность раздѣлили Сидославово помышле, и онъ хотпя не хотѣлъ, однако зашворилъ уста свои, и не могъ отвѣститься прежде сдѣлать

ей привѣшпвѣя. Она подошедъ къ софѣ сѣла на нее, и говорила другимъ женщинамъ шакъ: Я хочу оснашья здѣсь на нѣсколько времени уединенною; оснашьте меня на часъ, и подише, куда каждая изъ васъ изволишъ. Всѣ женщины сдѣлавъ ей съ великимъ подобоспращиѣмъ почщеніе, пошли немедѣлно войъ, за кошорыми послѣдовалъ было и Силославъ, однако она удержала его, сказавъ, что имѣешъ до него великую нужду; и шакъ оснашлись они шушъ двое.

Когда захочешя снашъ, тогда и вижныя дѣла на умъ не пойдуншъ, не шолько сказки. Тушъ я едремалъ, и пересналъ разсказывашъ.

Г Л А В А X.

В Е Ч Е Р Ъ 20.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Государь мой, говорила она ему: шаквою ли я шесѣ кажусь, какою описывала ша женщина, кошорая была

съ тобою въ моемъ саду? я не стѣжусь защищать себя. Государыня моя, ошвѣнсшовадъ ей восхищенной Силославъ! возможно ли, чшобы я повѣрилъ шакому препорученію, и видя предъ собою божество, захопѣлъ бы мысленно прешворить его въ безобразіе. Много этой чесни для меня, говорила она; я не богиня, а смертная, и не волшебница по словамъ недавней швоей прѣшельницы. Пономъ нѣсколько поговора шакимъ образомъ начала она ошкрывать ему свою любовь, онъ кошораго ошкрытїя Силославъ насилу моѣ удержашъ въ себѣ восхищенной духъ. Сердце его зашрепепало, и уша наполнился бешмолвѣмъ. Онъ хошпѣлъ говоришь, но возбужденныя мысли предупреждали его изреченїя и дѣлали его безсловеснымъ; словомъ, восхищенїя его и пламени извяснишь ему ни коимъ образомъ было не возможно. Она вспавши сдѣлала ему знакъ, чшобы онъ послѣдовалъ за нею, куда немедлѣнно онъ и пошелъ. Пришедъ въ опочивальню, исполнила она произволеніе боговъ и спрасшную волю; пономъ взявши ево за руку, пошла вонъ изъ сего зданїя. Какъ шолько вышли они на

крыльцо, по Силослабѣ услышалъ по всему саду необыкновенное согласіе весьма пріятной музыки; неизъясненное веселіе лепало по всему саду, и ошѣ великой радости казалось, что и деревья находящіяся въ движеніи. Споящія подлѣ крыльца Нимфы въ брачныхъ одѣянїяхъ запѣли пошчасѣ пѣсни однимъ только богамъ приличныя; и когда она вела его по дорогѣ окруженнаго всѣми небесными прелестями, тогда Купидоны бросали подѣ ноги имѣ цѣпны, и пускали всякіе ароматы въ воздухъ. Пришли они къ той окамененой недавно женщинѣ и увидѣли ее весьма горько плачущую. Повелипельница сказала ей съ гордымъ видомъ: я себя прощаю, помни долгъ, и не опваживайся на шакїя предпрїятїя. Рыдающая женщина смала пошчасѣ въ прежнемъ своемъ образѣ, и наполнилась превеликою радостїю, благодарила боговъ, и упала передъ нею изъ колѣни, извинялась въ своемъ погрѣшеніи, которой однако приказано было пошчасѣ встать. Любовница Силославова извинялась передъ нимъ оставила его съ своими Нимфами, и пошла въ неизвѣстную Силославу дорогу.

Потомъ нѣсколько спустя времени пришелъ къ нему человекъ весьма великолѣпно одѣтый, и казался больше бышь богомъ, нежели человекомъ, которой сказалъ Сидославу повелительнымъ и величественнымъ голосомъ, чшобы онъ последовалъ за нимъ. Идучи на-пожнялся Сидославъ великимъ страхомъ онъ невоображаемаго великолѣпїя, и чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ больше всмрѣчалъ его великой ужасъ. Глаза его не находили конца великолѣпїю, а мысли воображенїямъ. Все, что онъ ни видѣлъ, было для него ново, прелесно и ужасно; по дорогамъ разные испуканы разнаго изображенїя и разныхъ металловъ приводили попяше его въ замѣшательство. Деревья, фонтаны, которыхъ ни какъ объяснить не возможно, оспановляли его въ пути, приыгали къ себѣ взоръ, и дѣлали мысли его неспособными къ разсужденїю объ оныхъ. Потомъ когда переснало бышь въ глазахъ его сплешенїе древесное, то открылась весьма обширная долина; она исполнена была всеми шѣми прїятносшями, какїя шолько человекъ выдумать можетъ между людьми; но природа украсила ее

еще больше своими дарованіями. Сколько была проспранна сія долина, сколько множеству имѣла въ себѣ и людей, только всякой имѣлъ свое мѣсто и подругу, и ни одинъ другому въ забавахъ не препяшествовалъ. Женщины украшали мужчинъ цѣлпами, и украсивъ ихъ любовались ими, осылали ихъ, цѣловали, ласкали, и словомъ, показывали имъ всѣ шѣ пріятности, коими наградила природа иъжной полѣ женской. Со всякою парю присуществовалъ Кунидонъ; онъ имъ всякую минушу представлялъ новыя увеселенія, умножалъ въ сердцахъ ихъ жаръ любовной и старался ежеминушно привести любовь ихъ къ совершенію. Тушъ присуществовала радость, невинныя игры и пріятныя смѣхи; у всякаго на лицѣ изображено было восхищеніе; всякой прославлялъ природныя дарованія, и всякой охотно старался умножить спраснь свою къ прекрасному для него предмету и показать, что онъ онъ всего усердія жерпиуенъ ей сердцемъ и всею жизнью. По серединѣ сей пріятной долины находилась преогромная и превысокая гора, вершины которой Силославъ увидѣвъ не могъ,

но только блистало на ней свѣтлозарное солнце. Гора эша сдѣлана была вся изъ слоновой кости съ превеликими уступами, и вниури съ претгромными жилищами; съ самаго верху по одной сторонѣ низпадалъ съ прѣшнымъ и тихимъ журчаніемъ великой иссточникъ, и проискалъ всю долину до окончанія; изъ конораго съ превеликою жадностію пили все находящіяся въ долинѣ люди: но вода его сноль была екусна и прѣшна, чюко никогда они насытились оной не могли. Выходъ на сію гору весьма былъ проспраненъ, и имѣлъ частыя ешупени. Проводникъ Силославовъ повелъ его за руку; Силославъ идучи находилъ всякую прѣшность, вспрѣчалъ разныхъ и украшенныхъ самою природою живошныхъ, разнаго рода птицъ, и слономъ, все чего шолько вообразишь не можно. Пошомъ пришли они на возвышенную площадь, копорая услана была вся золотыми коврами; по серединѣ оной стояло весьма великолѣпное и огромное зданіе; стѣны онаго осыпаны были все дорогими и рѣдкими каменьями; крупныя жемчужныя зерна лежали узорами на оныхъ; рубины и карбункулы

докапчивали все оное великолѣпіе; двери сего зданія находились распворенными. Они вошли немедленно въ оное. Слава какъ скоро взглянулъ на сіе невоображаемое великолѣпіе и богатство, то не только исполнился удивленіемъ, но и довольно ужаснулся. Все, что есть на землѣ, всѣ оныя сокровища не могли бы сосчитать и половины того, что онъ видѣлъ. Тутъ сидѣли и ходили равно какъ и первые влюбленные люди; они были также веселы какъ и шѣ, но только нѣкоторое малое неудовольствіе являлось на ихъ лицахъ, и казалось, какъ будто бы чего-нибудь имъ не достаешь. Женщины не такъ были къ нимъ привѣтливы, какъ къ первымъ; и хотя ласкали ихъ, однако чаще взглядывали на лежащія на столахъ сокровища. Всякая выбирала лучшее себѣ украшеніе, и чаще подходила къ зеркалу, нежели къ любовнику. Тутъ мужчины больше ходили за женщинами, нежели женщины за мужчинами, хотя долгъ и природа повѣщающіе женщины повинуются мужчинамъ.

А я повиновался дремотѣ, которая господствовала мною больше нежели любовь.

ГЛАВА XI.

ВЕЧЕРЬ 21.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Оснѣживъ снѣ , сѣдовали они еще выше , и бывъ довольное время въ пупи , вышли на пространную площадь , коюрая обнесена была кругомъ миршовыми и лавровыми деревьями ; также вокругъ снояли позлащенные жершвенники , на коюрыхъ пламенники не угасали ; подлѣ всякаго жершвенника снояли на колѣнахъ приклонивъ голову Государи въ коронахъ и въ порфирахъ ; по срединѣ сего невоображаемаго круга находился храмъ сдѣланной весь изъ одного изумруднаго камня на подобіе сплешенныхъ деревъ и былъ снолько зелёнъ , какъ самая цвѣтущая мурава ; между коюрыми вмѣщены были розовые яхоншцы , кои изображали живые цвѣтны ; по чешыремъ снороцамъ храма снояли изъ чистаго золота великіе пещушаны ; они нѣсколько нагнулись и держали на плечахъ голубые яхоншовые ша-

ры , на которыхъ имѣли движеніе блестящія звѣзды , и казалось , какъ будто бы сіи испуканы были одушевленны. На верху свода , кошорой изображенъ былъ куполами , стоялъ пресполъ , изъ какого мешала , объ эпомъ Силославъ увѣдши не могъ , но только онъ стоялъ былъ ясенъ , что самое солнце не превышало его блиспанія ; на пресполѣ стоялъ Купидонъ изъ такого же мешала , и держалъ въ обѣихъ рукахъ сердце , кошорое пылало необыкновеннымъ пламенемъ , и летящія отъ онаго внизъ искры зажигали на жертвенникахъ пламенники. Силославъ съ великимъ страхомъ всшупилъ въ сей храмъ , и не нашелъ въ немъ ничего земнаго , но одна небесная красота шунъ обшала. По срединѣ храма весьма на возвышенномъ пресполѣ покрытомъ багрянцею , и выше того , какъ будто бы на прозрачномъ и бѣломъ облакѣ сидѣла нагая богиня Лада въ одномъ только шаниспвенномъ пожатѣ , кошорой сплешенъ былъ преудивительнымъ масшершвомъ ; на немъ видны были самыя пыняющія прелести , пріятности , любовь , желанія , веселія , шайные переговоры , неовин-

ные обманы, примащивыя улыбки и прелестныя забавы, плѣняющія духъ и мысли самаго разумнаго человека. Видѣя сподлько былъ величественъ, чпо Силославъ какъ скоро взглянулъ на нее, но упалъ на колѣни. Не не досматрало въ шомъ прекрасномъ ея образѣ ни розъ, ни лилей, ни смѣшенныхъ любезнѣйшихъ вещей, ни поштенной красоны плѣняющей глаза, ниже прѣяшности превосходящей и самую красону, а всего онъ пренсполненъ былъ. Радоснъ являлась у нее на глазахъ, а на щекахъ смѣхъ; и хопя прелести ея онъ того не умножались, однако прѣяшнѣ снчновились. На каждой снупени передъ преншоломъ снѣли Граціи въ бѣломъ плашь, и богъ любви Дидъ (*) игралъ по срединѣ ихъ невинными забавами. Богиня взглянувъ весьма снисходительнo на Силослава, говорила ему шакъ: Познай Силослава шу, кошорая по произволенію боговъ и по своей волѣ совокупила съ шобою въ моемъ обншаніи; для чего шпо сѣлано, шеперь я еще шобъ не ошкрою, и кшо

(*) Дидъ сынъ Лады, Богъ Славенской, веселія и любви. Онъ тотъ же чпо Купидонъ.

абки и
 а духъ и
 етка. Въ
 шень, чпо
 лнуаъ из нее,
 е не достига
 образъ ик розъ,
 хъ любезнѣйшимъ
 красоты пльваю-
 тности превосхо-
 сому, а всего оиъ
 Радости. являлась у
 а щекахъ смѣхъ; и
 оиъ того не умножа-
 ниѣ снгновились. На
 едѣ престоломъ си-
 ъломъ плашѣ, я боги
 ягралъ по среднѣ ихъ
 вами. Богиня взглянувъ
 ипелельно на Силослава,
 шакъ: Познай Силославъ
 по произволенію боговъ и
 совокупилась съ шобою въ
 кин; для чего япо сдѣлаю,
 це шобъ не открою, и кшо

Лады, Богъ Славенской, веселій
 въ толь же что Купидомъ.

оиъ тебя произой
 сокрышо до време
 приносилъ тебѣ и
 долженъ шеперь
 ливѣ: всѣхъ сме
 песенъ огорченія
 Прелтнѣ, но ве
 сілющая завсегда
 и небесною славо
 вмѣстичею: это
 кое увеселеніе при
 она владѣнѣ шѣмъ
 смертные имѣнѣ
 сѣ превеликимъ под
 илася ей до зема
 снзхожденіе, и ш
 покровишельсшеа.
 ему сѣ охонюю, и
 проводника, сказа
 человекъ онкроенѣ
 здѣсь случившеся
 въ чемъ не сомнѣва
 нобъ не похотѣл
 десней, или бы сѣ
 нѣемъ шо сдѣла
 сердце Прелтна п
 вселилась ояшнѣ и
 менномъ ошущесн

Пошомъ вышли они на окружающую храмъ площадь. Свидя (шакъ назывался проводникъ) свдѣлъ смертнную завѣсу съ глазъ Силославовыхъ, положилъ на нихъ безмерннѣ, и показалъ ему съ превысокой шой горы змлаю, на которую взглянувъ Силославъ ужаснулся; ибо все, что ни было на оной, было ему ошкровенно. По первое увидѣлъ онъ своихъ родннелей печалающихся о немъ, весь городъ и все свое владѣннѣ, пошомъ окаменннѣ царешно, Государя и своего нацерешнника, и словомъ, все, что шолько онъ хотѣлъ видѣннѣ, выключая одну шолько Прелѣну. Онъ просилъ Свидя, чтошбъ онъ показалъ ему шоннѣ для него прекрасной образъ; однако на шо не получилъ никакого ошепна. Пошомъ сошли они съ шой превысокой горы въ долину на другую сторону. Свидя идучи долиною началъ говорнннѣ Силославу шакнннѣ образъ: Великннѣ Чернобогъ, яко мшннннѣль всемъ за злосннѣ, изгошнннѣлъ ннвою кончнну въ шо время, когда шы убилъ Полкана; онъ хотѣлъ мшнннѣль ему самымъ мучнннѣльннѣль образомъ въ жизни его, но шы предвѣрннѣль его опредѣленнѣ, и за шо долженъ былъ ннзвергнннѣлься въ

адъ. Онъ распорилъ подъ тобою пропасть, кошорая пожрала тебя и ны уналъ въ странную адскую долину; но богиня Лада соизволеніемъ великаго Перуна искупила тебя изъ оныхъ; я тебя вывелъ и привелъ въ ея обитаніе. Нимфа ея хошѣла обманомъ тебя прельстивши, и за то обращена была въ камень. Теперь долженъ я показать тебѣ то мѣсто, кошорое назначено было тебѣ отъ Чернобога и разказать тебѣ превращеніе Поканова. Въ скоромъ времени вышли они изъ прекрасной долины и пришли въ такое мѣсто, гдѣ обитали страхъ и ужасъ.

Эта была прескращенная долина; земля ея покрыта была вѣчнымъ льдомъ, а деревья инеемъ, и кошорую солнце никогда не озаряло плодотворными своими лучами, и на кошорую небо всегда смотрѣло свирѣтыми глазами. Положеніе свое имѣла она между двумя прервысокими горами; земля севъ долины производилъ только одни ядовитыя зелья, и зима бывалъ шамъ чрезъ все время года, такъ что холодной воздухъ часто захватывалъ у Силослава дыханіе, а морозъ проходилъ сквозь его одѣаніе.

Вдали видны были мрачныя поля, некошорыхъ земля вся изрыта была возвышенными поверхносшями могилъ на подобіе ужаснаго кладбища, между кошорами шашалия усопшія шѣни; нныя казался вшающими изъ гробоевъ, а другія укрывающимися. Гуспой и замерзлой воздухъ дѣлалъ мершвцовъ еще блѣднѣе, нежели они въ самой вещи туш. Изъ могилъ выходили ключи, и соединясь вмѣстѣ, дѣлали изъ себя кровавую и великую рѣку, по кошорой плыли усопшія шѣла, шарыя челошеческія косши и раздробленные головы. Рѣка сія упадала въ пространную пещеру, кошорая весьма далеко вдалась въ гору; ошвершнѣе ея обросло сухимъ шросшникомъ и голыми вѣшьями; вмѣстѣ шихаго журчанія слышны были шамъ печальныя воздыханія и шшонъ. Свидѣ повелъ Силослава въ ужасную пещеру, кошорая при подошвѣ другой горы находилась. Какъ шолько они въ нее вошли, шо превеличайшій ужасъ объялъ Силослава, и онъ не хошѣлъ далѣе слѣдовать. Пещера сія была весьма шросшанна наподобіе какого-нибуль шрашнаго храма; шнѣны ея увѣшены бы-

тъ II.

Ж

черными и разодранными сукнами, на копорыхъ висѣли пробиныя спирѣлами щипы, изломанныя оружія, поврежденныя шлемы и калыуги, копорыя всѣ покрышы были запекшеюся кровію; освѣщена она была смоляными факелами, оиѣ копорыхъ копоши и дыма умножался пуще въ оной мракѣ; по срединѣ и во всѣхъ мѣсцахъ спояли разкрышыя гробы, подѣ копорыхъ лежали и крышки; въ нихъ находились шѣла шѣхъ Государей и полководцевъ, которые проливали въ жизни своей всякой день невинную кровь. Чудовище сперегло двери сего мрачнаго жилища, у котораго испекала изъ рта запекшаяся кусками кровь, изъ раздавленныхъ глазъ безпрестанно капали слезы, зубави повсеминутно скрежешало, съ языка мшикала у него смертоносной ядѣ, плашье на немъ все было въ крови, и около головы шивѣли премножествозмѣи.

Сдѣлавъ такое страшное описаніе переставъ в разсказывать.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЬ 22.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Вошвъ шушвъ преддверіе ада, говорилъ Свѣда Силославу, и эпо еще одно только его начало; по произволенію ботини долженъ я тебѣ показати его весь. Чрезъ сію пещеру не возможно тебѣ пройши имѣвъ въ себѣ безмернѣе, и шакъ пойдемъ на гору, съ кошорой ты будешь смопрѣши въ сіе ужасное обипаніе тѣней. Пошомъ вывелъ онъ его на поверхосіть горы, и показалъ съ оной всѣ адскія мученія.

Силославъ какъ скоро взглянулъ въ шу наполненную всякими мученіями бездну, шо какъ ни храбръ былъ, однако пришелъ онъ шого въ превеликой ужасъ. Какъ скоро обрашилъ онъ глаза за гору, шо онкрылось ему сіе ужасное видѣніе. Небо, земля и воздухъ споль были мрачны, какъ самая шемная и пасмурная ночь; подъ низкими бесами ходили превеликія шучи, кошорыя имѣли цвѣшъ не

подобіе зарева ; на оныхъ сидѣли огнен-
 ные дьяволы разнаго и невоображаемаго
 вида ; по землѣ извивалась огненная рѣ-
 ка , въ кошорой плавали мучащіяся лю-
 ди ; въ нее выдала другая кровавая рѣ-
 ка , и оныя соединенія ихъ происходилъ
 великой шумъ ; сненаше людей и дви-
 женіе непорядочныхъ сншихъ производи-
 ли несносной слухъ ушамъ. Въ сими рѣ-
 ками находилась весьма обширная про-
 пасшь , кошорая выбрасывала изъ себя
 премножесшво огня , и кошорой достигалъ
 до самыхъ облаковъ. Въ семъ огнѣ выде-
 шали на воздухъ люди , кон падали въ
 огненную рѣку , кошорая влекла ихъ
 опяшь въ шу пещеру. Всякую минушу
 превелчайшій и съдой бѣсѣ привозилъ
 къ ушю по кровавой рѣкѣ по поаной
 лодкѣ беззаконниковъ , и вмщю окидывалъ
 ихъ въ огненную рѣку ; со всѣхъ сшоронъ
 стоняли бѣсы людей въ огненную шу
 пропащь , и киѣли люди , огонь и рѣ-
 ки на подобіе обуреваемого Океана. Епро-
 чемъ ми огонь не могъ натрѣпшь воздуха
 ми морозъ преодолѣшь огня , а всякое на-
 ходилось въ великой силѣ. На ошкрывныхъ
 шамъ поляхъ , гдѣ шюли подѣ вѣчнымъ
 шнеемъ деревья , и гдѣ были сшашивъ

кладбища, обитая ужасная стужа, и люди иѣкошорые бѣгали изъ огня въ оную, но снести ея ми одной минуши не могли, и такъ возвращались опять въ неугасимое пламя.

Свида говорилъ Силославу : вонъ какъ жестоко наказуются злые люди ; поидемъ, я тебѣ покажу докончаніе сего ужаснаго видѣнія. Пономъ повелъ онъ его на другую гору, пришедъ въ средину, ввелъ онъ его въ самое величественное и огромное зданіе, которое онъ дивнишихъ вѣковъ сдѣлалось все наподобіе земляной и черной пещеры. Тутъ находились все выдуманныя на земли шираними мученія, и висѣли по стѣнамъ аналитическія орудія. Далѣе въ послѣдующей комнатѣ, когда они вошли, то увидѣли человѣка сидящаго на камнѣ, и прикованнаго къ двумъ столбамъ спящимъ подлѣ него, на котораго сверху упала расплеченная и огненная смола. Онъ спешалъ и рвался сколько ончаянно, что Силославъ смочилъ на него прослезился. Свида увидя сожалѣніе Силославова, говорилъ ему : это шонъ, котораго ты поразилъ передъ го, окомъ Русомъ. Это Подканъ, вскричалъ Сило-

славъ съ превеликимъ удивленіемъ. Да, эпо онъ, ошвѣчалъ ему проводникъ, имѣвшій уже на себѣ опять образъ человека. Я вижу, продолжалъ онъ, что мученіе его себя шрогаенъ, но перемѣнишь воли боговъ не возможно; ибо онъ достоинъ сего; и такъ выдемъ воиъ, я себя увѣдомлю о его судьбинѣ. И такъ вышедши въ первое мѣсно, началъ рассказывать Свиды Силославу такимъ образомъ:

Подкамъ, прежде называемой Аскалонъ, сынъ Азаша Князя города Рука, бранъ Зинандиъ, по возрасти своемъ влюбился въ родную свою сестру, и возжелалъ непременно имѣть ее своею супругою, не смотря на благоприсшность, на законъ, ни на самую природу, предложилъ онъ некогда отцу своему о такой чрезвычайности; но Азашъ въ первой разъ лишилъ его всей надежды, такъ какъ долженствовало разумному и спротому отцу. Аскалонъ пришедъ онъ сего въ превеликое опчаянне, позволилъ умножиться въ сердцѣ своемъ безразсудной оной спрасни, которая наконецъ сдѣлала его злымъ и независнымъ къ своему родителю. Онъ предпріялъ ли-

жить его живота, и тѣмъ получить его царство и желаемую невѣсту: чего ради открылъ онъ сіе Горгону первому Министру, злому и ненасытному человеку, коимъ давно уже предпріалъ похищать Руской престолъ. Горгонъ видя къ тому удобной случай, не упустилъ, чтобъ не подать Аскалону совѣта; ибо онъ вѣдалъ, когда Аскалонъ умертвилъ своего отца, но народъ не оставилъ его безъ опмщенія, и лишилъ наследнаго престола; а ближе къ оному не было, какъ Горгонъ. Онъ предложилъ ему, чтобъ вызванъ Азаша на охоту, и быши съ нимъ только имъ двоимъ, а тамъ безъ свидѣтелей лишилъ его жизни. По предложеніи Азашъ на сіе согласился; однако взялъ съ собою одного изъ вѣрнѣйшихъ придворныхъ, коимъ нигде и нигдѣ онъ него не опшавалъ. Вхавши до мѣста охоты, захвали они въ священную рощу, которая посвящена была великому Чернобогу, и шупъ на нѣсколько времени осматривались. Прекрасная мѣста сей божественной рощи понудили Азаша съ своимъ наперсникомъ пойти для разсмотрѣнія оныхъ, а Аскалонъ съ Горгономъ

Ж 4.

пошли въ другую дорогу для утрежденія своего предпріятія.

Азашъ съ своимъ наперсникомъ разсмащризалъ прекрасныя мѣсяца, увидѣлъ на одномъ пригоркѣ натаго юношу въ яблицѣ, кошкою сдѣланъ былъ изъ днствевъ плащюноваго дерева. Онъ выскладъ поспѣшно изъ превеличайшаго жаяя чашу, и которая была почипи уже совеѣмъ опдѣлана. Азашъ подошедши къ нему, весьма тому удивился, и спросилъ юношу: На что шакъ превогромная чаша годится, и кому онъ дѣлаевъ. Юноша обернувшись къ нему ошвѣчалъ шакъ: я дѣлаю ее гражданамъ Рускимъ, а годится она къ шому, чшобъ собирать въ оную со всего города и съ его окресностией кровь и слезы. Азашъ нхъ Князь убившъ будешъ онъ роднаго своего сына Асклона; пронзойдушъ онъ шого великя замѣнащельщивъ, слезы и кровопролищія; а поспѣваю я для шого, что шпо сего дня исполнитъя должцо. Азашъ какъ скоро сіе услышалъ, шпо поги его подогнулись, сердце окаменѣло, я не могъ сказашъ больше ни одного слова. Юноша шощъ исчезъ, а наперсн-

никъ привезъ его безчувственнаго во дворецъ.

Въ эпошъ я вечеръ кончалъ такъ, а въ другой началъ иначе.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЪ 23.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Аскалонъ и Горгонъ идучи располагали свое предпріятіе. Сердца наполненныя злошью никакъ никакой прекрасной предметъ промуть не можешъ; чего ради не разсмапривали они украшенія природныя. Попомъ увидѣли въ дали прекрасную дѣвушку, копорая спала подлѣ весьма тихо журчащаго испочника на мягкой и зеленой шравѣ; не красота ея, а единственно одно любопытство повело къ ней сихъ двухъ злобныхъ челонѣкъ. Они уже были очень близко подлѣ ея, какъ увидѣли съ великимъ сипремленіемъ бѣжащаго къ ней преспрашнаго вепря, копорой въ

Ж 5

великой ярости уонилъ расперзати ее на части. Аскалонъ и Горгонъ вооружась пресѣкли его снрмленіе, и положили шунъ мершвато. Аскалонъ когда разпоролъ ему саблею чрево, шо кабанъ испушилъ преужасной ревъ, и разбудилъ спящую подлъ ручья дѣвицу. Она ошкривъ глаза благодарила Аскалона за его избавленіе, и обѣщала ему служить всеѣмъ шѣмъ, чѣмъ шолько она можетъ. Конечно бы шы сударыня умерла, говорилъ ей Аскалонъ вкладывая свой мечъ, ежели бы мы не ускорили нашей помощію. Я за это обязана вамъ служить, ошвѣстившавала дѣвушка, хоня вѣ эшонъ день и не предписано миѣ умереть, шакъ какъ и Азашу шеему ошцу; не все по нешновому нашему желанію исполняется; и хоня я избавлена руками убійцы, однако должно, чшобы шы получилъ опѣв меня награжденіе; прими его, вонѣ чшо я шееѣ даю: шопомъ подшала она руку, и опушчила ее на правое плечо къ Аскалону, и сама исчезла. Правая его рука ошндалась, и не моѣ уже онъ ею больше дѣлшповошанъ; мысли его зашмидлись, и превеликое забвѣніе лишило его ушшребленія разумъ. Сколько злоснъ ми владѣ-

ла его сердцемъ, однако превеличайшій страхъ и раскаяніе о богопронивномъ умыслѣннѣи не дали ей больше въ ономъ мѣста; онъ снорялъ долго смотря на Горгона, и не могъ выговорить ни одного слова. Горгонъ смущился и самъ не меньше его, и для того съ часъ не могли они оба выйти изъ сего изумленія. Наконецъ когда Аскалонъ принесъ самъ въ себя, но и раскаялся къ своему намѣренію; но Горгонъ подкрѣплялъ его какъ возможно. Ты, конторой шакъ-инвердо предирѣялъ воцарившся на швоемъ престолю и низложиши недосшойнато теперь нами обладашеса, вѣриши предсказанію обойденной разумомъ швари; предсшавъ себѣ всѣ шѣ сладости, копорыны получа прешолъ вкусиши можешъ; шы не долженъ будешъ шогда новиновашься никакому закону, но будешъ давашъ людемъ оной самъ. Знаешъ, что прешолъ еши часни божешна, и шакъ безразсудно онъ подобныхъ себѣ вѣриши предсказаніямъ. Словомъ, Горгонъ опогналъ совѣмъ раскаяніе онъ Аскалона, и наполнилъ его еще нуцєю злобою. Они слѣдовали немедлѣнно въ городъ, ие навѣдъ шогда Государя, конторой уже с-

свободился отъ великаго мученія, и при-
звалъ къ себѣ своего сына, желалъ у-
знать его о себѣ мысли; однако Аска-
лонъ умѣлъ скрыть свое намѣреніе по
наученію Горгоны. Хотя Азанъ и не
выскалъ въ его словахъ никакого подо-
зрѣнія, однако не вѣрилъ уже ему боль-
ше такъ какъ родному своему сыну, и
опредѣлилъ къ нему надзирашеля человѣ-
ка снротатаго и побожнаго, живущаго всегда
подъ закономъ непремѣнныя добродѣтели.

Сей прясавленній надзирашель
весьма былъ вѣренъ своему Государю,
увидя въ Аскалонѣ испорченной любовію
правъ, желалъ непремѣнно исправить
его; чего ради не смотря на придворное
обыкновеніе, просилъ отъ Государя, что-
бы Азанъ запретилъ имѣть обхожденіе
Аскалону съ Горгономъ, что было и
приказано. Все шло къ тому, чтобы
исполнить болышею злобою сердца двухъ
этихъ злыхъ человѣкъ. Горгонъ почтивъ
себя чрезъ это обиженнымъ, захопѣлъ
опомешить надзирашеля. Злобое его
сердце не позволяло ему ни одной мину-
ты бывать въ покоѣ, и онъ вездѣ искалъ
случая умерщвить его. Цѣкогда Государь

поѣхалъ въ Зничевъ (*) храмъ для принесенія жерпвы, которой стоялъ по другую сторону Ильмена на горѣ; и какъ только онъ изъ города выѣхалъ, то Горгонъ послалъ къ надзирашелоу именемъ Азана, чпобы и онъ ѣхалъ въ шонъ же храмъ. Тогдашъ сѣвши на лошадь, съ малою свиною поѣхалъ онъ за Государемъ; и какъ только выѣхалъ изъ города, то напалъ на него Горгонъ, которой уже на эшомъ мѣснѣ его дожидался, разсѣкъ на чешверо саблею, и всѣхъ, кшо съ нимъ ни былъ, умершвивъ разбросалъ шѣла ихъ по дорогѣ.

Государь возвращаясь изъ храма изѣхалъ на сіе ужасное и плачевное позорище, Убитыхъ могли шончасъ узнать, но убійца ихъ былъ не вѣдомъ; однако какъ бы ни старался узнать Горгонъ сіе дѣ-

---

(*) *Зничъ*, священный неугасимый огонь. Во многихъ Савенскихъ городахъ построены были ему храмы. Жртвовали ему чашню изъ полученныхъ отъ исприятелл д бычен и плѣнными Христіанами. Въ тяжкихъ болѣзняхъ имѣли къ нему прѣлѣннще. Корыстолюбивые жрецы обманывали народъ, сказывая отъшты б лицнмъ, оклперыхъ уѣрjali, что получили ихъ чрезъ видъ животнаго сего бога.

до, но правдивое подозрѣніе пало на него. Азани съ сихъ поръ началъ стараться обличить Горгона. Горгонъ предуглавъ свою погибель, предпріалъ убѣждать изъ своего опечеснѣва, и прѣхалъ въ городъ Росъ, коюрой сносалъ на берегу Двины рѣки. Росской Государь тогда имѣлъ великое несогласіе съ Рускимъ, и для того принялъ Горгона съ великою радостію, и узнавъ его ненависть къ своему Государю, далъ ему у себя первое мѣсто. Горгонъ предложилъ шончасъ Великосану (шайъ назывался Роской государь), чинобъ собрать войско, и инии проинивъ Азана войною. Аскалонъ имѣлъ съ Горгономъ шайныя переписки, и обещалъ ондашь престолъ Великосану, только чинобы ему получить Звизанду себѣ въ жену. Но Горгонъ думалъ не такъ; онъ предпріалъ побѣдить Азана, и послѣ умеривши шайнымъ образомъ Великосана и Аскалона, и овладѣвъ самому двумя престоломи. Намѣреніе его шло сперва весьма скрытно, и никакъ не могъ проникнуть его предпріятія. Въ одинъ мѣсяць все было изготовлено, и войско выстуило въ походъ. Назодѣвъ не шедое время въ

лупи, пришли наконецъ подъ городъ Русь, обсадили его со всехъ сторонъ воинствомъ, заняли проходъ, и по озеру для потребныхъ предосторожностей. Азакъ какъ скоро услышалъ сию печальную вѣсть, то пришелъ въ превеликое замѣшательство, приказалъ какъ возможно готовиться своему воинству, и хотѣлъ сдѣлать сраженіе вышедши изъ города. Онъ очень долго колебался въ своемъ разсудкѣ, и не хотѣлъ поручить воинства своему сыну. Собиралъ частые совѣты, въ которыхъ все были его мнѣнія, и подтверждали ему, чинобы онъ не поручалъ своей жизни сыну, онъ котораго уже и такъ много опытовъ невѣрности его видѣли, и лучше бы самъ воевалъ съ Великосаномъ; однако шакой опасной случай не могъ уснановить Азановой мысли.

А меня сонъ очень легко могъ склонить, чинобы я согласился итти на всецело.

ГЛАВА XIV.

В Е Ч Е Р Ъ 24.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Между тѣмъ, какъ происходило ускореніе въ обоихъ ополченствѣхъ, въ Великосановѣ воинствѣ поймавъ былъ перебежчикъ шайношей, у котораго нашли подъ шлемомъ письмо; оно было слѣдующаго содержанія :

ГОРГОНЪ АСКАЛОНУ ЗДРАВІЯ ЖЕЛАЕТЪ.

„Теперь пришло время къ совершенію
„ намѣренія; Азашъ въ твоихъ рукахъ,
„ а Великосанъ у меня, старайся какъ
„ возможно, чтобы войска наши срази-
„ лись, а я уже изгосовилъ какъ Азашу
„ шьему ошцу, такъ и Великосану по-
„ гибель, коюрой они во время сраже-
„ нія не минуяшъ; пришомъ поздравляю
„ тебя Государемъ Рускимъ и съ при-
„ совокупленіемъ прешола Росскаго „.

Великосанъ какъ скоро прочиталъ
ста письмо, такъ и приказалъ привесть

предъ себя Горгона, которой пришедъ во всемъ признался, и весьма жалѣвъ, что не исполнилось его предирѣяніе, и вмѣсто усшрашенія говорилъ онъ Великосану такъ: Ты счастливъ, и долженъ благодарить несчастливой моей судьбинѣ; она тебя спасла отъ моихъ рукъ; я хотѣлъ насытиться твоєю кровію, но жестокой рою превращеніе мое желаніе и приносилъ меня недостойному тебѣ на жертву. Терзай меня, и вынь скорѣе мою душу; я не могу видѣть тебя безъ несшрнимаго движенія сердца. Такая наполненная злобою Горгонова рѣчь привела Великосана въ превеликую ярость, и онъ желалъ скорѣе преданіе смерти шоль тиусное чудовище людямъ. Онъ спрашивалъ его о единомышленникахъ; на что Горгонъ говорилъ такъ: Я скажу тебѣ объ оныхъ не прежде, пока послѣднее дыханіе останешся во мнѣ; я дамъ тебѣ ящичекъ, въ которомъ лежатъ собищенные ихъ подписанія; шолько шы опкрой его самъ, и не вѣрь никому, пошому что есть шумъ иѣкшо изъ твоихъ любимцовъ, и такъ весьма будешь не шрудно скрасишь свои подписанія. Пошомъ вывели Горгона на одиъ

Часть II.

3

пригорокъ, и привязали къ сполбу. Туиъ Горгоиъ объявилъ, гдѣ находился мѣиъ ящикъ, и Государь приказалъ его принести къ себѣ подъ крѣпкимъ карауломъ, чшобъ никто не осмѣлился прежде его открыть.

Послѣ, когда разсирѣляли Горгона, Государь приказалъ собраться въ свой шатеръ знанымъ и первенствующимъ Боярамъ, чшобъ облачить преслупниковъ при семъ собраніи. Когда они все собрались, шо Великосиъ говорилъ слѣдующее: Я еще не открывая вѣрснаго мнѣ Горгономъ облаченія, не вижу изъ васъ никого измѣнника, и для шого люблю еще и шеперь всѣхъ васъ шакъ, какъ любилъ я и прежде. Желая, чшобъ боги были для меня милосшивы, и возвращали бы мнѣ всѣхъ васъ вѣрными рабами, какъ были вы до сего времени. Я ужасаюсь, когда вздумаю, чшо долженъ буду кого-нибудь почесать изъ васъ законопреслупникомъ. При семъ словѣ открылъ онъ Горгоновъ ящикъ; и какъ съ великимъ поснѣшеніемъ дернулъ съ него крышку, шо въ самое это время выскочила изъ ящика превеликая сдѣланная змѣя и оспрымъ жаломъ порази-

ла въ самую грудь Великосана, и онъ едва только успѣлъ выговорить: прости друзья мои! и скончался. Все собраніе пришло въ превеликой ужасъ; всякой возгласивъ ошчаянно сшоялъ окаменнымъ; послѣ бросились помогать Государю, но уже помощь ихъ была напрасна. Члены его оледенѣли, и пошла ихъ живность; поднялся великой въ воинствѣ его вопль. Хотя начальники и старались скрыть смерть своего Государя, однако все воинство въ одну минушу узнало. Наслѣдной Государь, сынъ Великосановъ Ардаловъ, принявъ скоропосѣбно прешолъ и обласнь, вышелъ усмирить народъ; онъ, какъ возможно великодушному Государю, старался ободрять ихъ; но будучи чувствительнѣе о смерти ошцовой, уговаривая ихъ самъ прослезился, онъ чего все воинство пришло въ пущее ошчаяніе, и сіе сѣшваніе во всемъ Ардаліоновомъ ополченіи не прежде начало уменьшаться, какъ дней чрезъ пять или еще больше. На той змѣѣ, кошорая поразила храбраго Великосана, онъ головы и до конца написаны были сіи слова: » Горгоиъ и мершовой сшолько же спра-

„шенѣ своимъ непріятелямъ, сколько
 „и живой„. Ардаліонъ приказалъ Гор-
 тоново шло волости по всему спану
 со всякимъ позоромъ и ругательствомъ,
 и всякой воинъ укрощалъ свою надъ
 онымъ яроснѣ и неудовольствіе; однако
 уныніе и болѣзнь еще во всякомъ оста-
 вались; сколько-по глубоко впечатлѣ-
 но было въ оныхъ снизхожденіе Велико-
 саново и его въ подданнымъ своимъ ми-
 лоснѣ.

Великое сокрушеніе, опечалніе и смя-
 шеніе воинства были причиною тому,
 что Ардаліонъ вознамѣрился было оп-
 шупниши оный города и возвратиши въ
 свое опечеснво; но князьники и стар-
 шины совѣщовали ему всшупниши въ
 сраженіе, чтобы при первомъ случаѣ
 какъ воинство, такъ и народъ въ об-
 ласни не подумали, что Ардаліонъ
 малодушенъ. Это правда, говорили они,
 что обешоящельства наши принужда-
 юшъ насъ окончиши воинскія дѣла, но
 храброснѣ и слава нашего имени пре-
 буюшъ того, чтобъ и въ несчастіи быши
 си олькоже великодушнымъ и опважнымъ,
 какъ въ самомъ благополучіи. Ардаліонъ
 вознамѣрился по совѣшу ихъ всшупниши

въ войну и не отходивъ оубо города; чего ради предпріялъ оубо ободрити свое войско, и наполнить его сколько возможно великодушїемъ. Хотя сердце его и шertzалось ошцовою смертїю, однако всегда показывался воинамъ, какъ будто бы оубо хочешъ возобновити умершаго Великосана славу. Охота его къ шому умножалась, но сердечное чувствованїе приводило его въ шревешъ; оубо боялся вешупити въ сраженїе, чшобъ болъзнь о его родителъ не привела въ шо время его въ ошчальїе, и чшобы не пошерялъ оубо оубо шого всего своего воинства. Разсуждїя о семъ очень долго, наконецъ приказалъ гошовити къ сраженїю. Войскъ его въ одну минушу все пришло въ гошовиошнь и шшшло въ порядкъ. Тощасъ жрецы начали приносити жершву, и просити Боговъ съ шенлымъ и усерднымъ моленїемъ о милосшнвомъ ихъ шнизхожденїи. Знаменованїе сей жершвы весьма было счастливое, и все воинство оубо шого наполнилось великою надеждою и хрлброснїю. Произхожденїе ея было штакое:

Однако шшо услышнше зашпра.

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЬ 25.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Дымъ восходилъ ошъ жерпвы весьма выше обыкновеннаго, и казалось, что конецъ его уже былъ за атмосферю, какъ вдругъ великой огонь покрылъ все надъ ними небо, и явился среди пламени престолъ, конторой поддерживали чешыре крылатые льва; по сторонамъ престола на облакахъ стояли весьма великаго роста два сража съ пламенными оружіями; и когда исчезъ въ воздухъ огонь, то явилась радуга, конторая окружила весь престолъ, и была перевитая рѣдкими и прелестными цвѣтами; на престолъ лежала подушка, а на оной шлемъ и перевитый лавромъ мечъ. Увидѣвъ сіе воинство Ардаліоново, воззопило веселымъ голосомъ, и тотчасъ приступило къ городу. Азанъ съ своей стороны давно уже былъ готовъ; стѣны наполнились воинами, и началось сраженіе. Изъ Ардаліонова воинство

поднялась на воздухъ изъ снрѣлъ туча, также и изъ города. Сраженіе было весьма кровопролитное, и сила Ардаліонова начала ослабѣвать; шопчасъ разпворили вороша, и въ проломанныя снѣмы вышло великое множество Русовъ. Тушъ еще началась брань кровопролитнѣе первой. Азанъ какъ развиренной левъ въ великомъ снадѣ безсильныхъ агнцевъ убивалъ всѣхъ шѣхъ, конхъ ни вспрѣчалъ; покрылось поле Росами, а оснальные искали шолько своего спасенія. Ардаліонъ видя свою гибель, старался ободрить своихъ воиновъ; но они наполнились снрахомъ, не могли дѣйствовать своимъ оружіемъ. Съча сія продолжалась почти до захожденія солнца, и Росы прогнаны были весьма далеко. Вдругъ невѣдомо какой ободряющей духъ искоренилъ въ сердцахъ ихъ снрахъ, наполнилъ великимъ геройствомъ и жадностью къ бою; снечаюшя со всѣхъ споронъ, принимаюшъ порядокъ, кричаюшъ въ восхищеніи, побѣда! наступаюшъ грудью, удерживаюшъ стремленіе Русовъ; начинаешя бой несказанно жестокаъ прежнихъ. Русы видяшъ издалека поснѣшающаго къ ополченію героя; видѣ

его и храбрость производящъ въ нихъ ужасъ. Онъ уже среди ополченія ; мѣшается среди Азашова воинства , и такъ какъ жадная смерть поядаетъ людей и дѣлаетъ за собою широкія улицы ; рубитъ безъ милосердія , и такъ какъ молнія въ одно мгновеніе ока поражаетъ тысячи , приходитъ на всѣхъ страхъ , бѣгутъ онъ меча его разсѣявшись народы , тонутъ въ рѣкахъ и болопахъ предускоряя другъ друга , сами себя давящъ , кричатъ ошчаянно , и ждущъ единой только смерти.

Азашъ повелѣваетъ призвать на помощь своего сына. Сей поспѣшаетъ уже къ воинству , ободряетъ оное , и примѣромъ своей храбрости приводитъ его въ прежнее мужество. Тутъ сдѣлалась сомнительная побѣда и счастіе начало прошившись обоимъ воинствамъ. Смерть равно присутствовала какъ у Азаша , такъ и у Ардаліона. Воины чѣмъ больше поражающъ , тѣмъ больше желаютъ проливаніи крови. Правое крыло уступило Азашовой силѣ , гдѣ присутствовалъ онъ самъ и сынъ его Аскалонъ , у кошораго съ перваго размаху лѣвою

рукою освободилась оиѣ недѣйствія и правая. Туиѣ увидѣли въ немѣ Росы храбраго героя; какѣ бурной вѣшерѣ часной лѣсѣ, шакѣ оиѣ ломилѣ Ардаліоново воинство, погналѣ и не давалѣ имѣ времени возвращаться. Конь его шонулѣ въ крови прешивной, и казалось, какѣ будно бы плавалѣ по самое чрево. Бѣгуиѣ оиѣ руки его Росы, но смерть ихѣ догоняиѣ; сіе чудовище алчно ихѣ похищасиѣ.

Солнце уже попонуло въ безднѣ водѣ; мрачная ночь и превеликой шумиѣ покрыли небо. Азаниѣ не переставалѣ гнати бѣгущихѣ съ сыномѣ своимѣ Аскалономѣ; и когда оиѣблизилсѣ они совѣмѣ оиѣ своего воинства, тогда нерешимой Аскалонѣ обратилѣ ярость свою на своего оиѣца, и спремилсѣ жадно опиянѣ живоиѣ его саблею. Азаниѣ видѣ свою погибель, и не имѣя времени выговоритѣ слова, оиѣдалсѣ бѣгу, и шѣмѣ хопѣлѣ спасити свой живоиѣ. Первой какѣ незлобивой агнецѣ поручасиѣ жизнь своему коню, и въ великомѣ будучи спрахѣ, уже его не поощряетѣ къ бѣгу; а цшорой какѣ алчный и разб-

дренный левъ оппоряеиъ свою паспъ, и
 хочеиъ его поглониъ. Уже заносиъ
 руку, уже опускаеиъ саблю; но конь его
 спощкнудся, и онъ спремишельно упалъ
 на землю. Онъ вскаквиваеиъ поспъи-
 но, и не обрѣиваеиъ ни оица, ни коия
 своего, ни меча. Все въ одну минушу
 пропало, и онъ видиъ себя на берегу
 небольшого осирова, вмѣсто своихъ вон-
 новъ и прошивныхъ черные и свирѣные
 валы, вмѣсто прекраснаго поля спраш-
 ную и волнующуюся пучину; онъ бѣжиъ
 къ берегу но бѣгъ его оканчиваеиъ глу-
 бокииъ моремъ. Спрахъ его обѣмленъ,
 и онъ въ робости не знаеиъ, чему при-
 писати незнаиой сей случай; въ оичая-
 нии удраеиъ объ одинъ стоящій при
 берегъ дубъ, кошорой ишомленной про-
 износнъ голосъ, о охъ!

Довольно для нынѣшняго вечера; а
 прочее услышите послѣ.

На другой день шоварищъ мой про-
 слалъ меня и Алесону, чиндбъ мы по-
 зволили ему нѣскольکو вечеровъ оказати
 свое краснорѣчье. Алесона не хошѣла ои-
 стати оиъ Аскалоновой повѣспи, одна-

ко для неоптспупной его прозбы при-
нуждена была согласишься ; и шакъ пе-
ремѣнилъ онъ меня на время , чтобъ
миѣ на нѣсколько опдохнуть и собрати
свѣжія мысли , и началъ рассказывать
въ вечеру слѣдующее.

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЪ 26.

Угадки.

Турки также умирающіе , какъ и всѣ
люди , шолько хоронящіе ихъ съ нѣ-
кошорыми опмѣнными по закону ихъ
обрядами ; да дѣло шеперь о смерти , а
не о законѣ. И шакъ скажемъ , что скон-
чался близко Коншаншинополя не по-
слѣдняго званія Турокъ ; ошалося послѣ
его довольно имѣнія , и шакже при сы-
на , кошорые послѣ смерти его получили
шинулъ наследниковъ. Въ шо время ,
когда похороняли они своего опца , ка-
кой шо довольно проворной воръ похи-
шилъ все ошавшееся имъ имѣніе ; и

когда наследники усмотрѣли, что дѣлишь имѣ было иѣчего, но предпрѣяли разбирашь дѣло это судомѣ. Большой бранѣ имѣла подозрѣние на середняго, средней на меньшаго, меньшей на большаго; и шакѣ должно было всемѣ просишь другѣ на друга. Все равно желали имѣнѣ наследство, и для того все равно обѣ ономѣ и старались; и шакѣ оширавидись они въ Констанцинополѣ къ Кади.

Вспрѣшился имѣ на дорогѣ человекѣ запыхавшись, конюрой спрашивалѣ, не видали ли бранцы? Не верблюда ли, спрашивалѣ большой бранѣ? Онѣ лѣвымѣ глазомѣ косѣ, сказалѣ средней; а на немѣ былѣ укусѣ, говорилѣ меньшей. Такѣ шочно, государи мои, это мой верблюдѣ; да гдѣ же онѣ, продолжалѣ вспрѣшившійся? Мы его не видали, ошвѣчали ему все шри брана вмѣснѣ. Возможно ли, говорилѣ прохожій, ошгадавѣ, что я спрашиваю верблюда, описавѣ его сѣ ногѣ и до головы, и говоришь, что вы его не видали. Такѣ конечно вы, господа мои, воры; однако у Кади я думаю, что заговорите вы другимѣ голосомѣ. Я желаю переговорить сѣ вами

у этого судьи. Очень изрядно, отвѣчали они ему; а мы и сами великое имѣемъ до него дѣло. Мужикъ идучи радовался, что нашелъ своего верблюда, и думалъ что уже онъ въ его рукахъ.

Пришедши къ судья, мужикъ началъ поспѣшъ просить о своей покражѣ, и уведомилъ Кадию, какъ отвѣчали они ему, когда онъ спрашивалъ объ оной. Кади услышавъ все, ни мало не сомнѣвался, чтобъ верблюдъ не былъ въ рукахъ у этихъ трехъ братьевъ; и шакъ сказалъ имъ, чтобы они немедленно отдали его мужику. Большой братъ сказалъ судья, что они верблюда никакого не видали и у себя его не имѣютъ. Кади разсердясь закричалъ, почему же ны узналъ, что мужикъ спрашивалъ верблюда? По шому, отвѣчалъ больший братъ, что было это еще устро, и роса покрыла поле, и слѣдовъ не видно было никакихъ, выключая верблюжьихъ; я узналъ, что пробѣжалъ шупъ верблюдъ, и шакъ спрашивалъ, не верблюда ли онъ ищетъ. Изрядно, отвѣчалъ судья: а ны по чему узналъ, что верблюдъ былъ лѣвымъ глазомъ косъ? По

тому, говорилъ средний бранѣ, что на правой сторонѣ дороги права самая сухая но онѣ всю ее смялъ и ѣлъ, а на лѣвой самая презрядная, кошорой онѣ ни мало не повредилъ; шакѣ надобно что-бы онѣ лѣвымѣ глазомѣ былъ косѣ. Хорошо: а шы какѣ это могѣ узнать, спрашивалъ Кади у меньшаго брана, что онѣ навьючилъ былъ укусуѣ? Очень не шрудно, ошвѣчалъ онѣ; въ слѣдахѣ его осматривалось нѣсколько жидкой шерсти, въ кошорую я омокнувъ персиѣ положилъ на языкѣ, и узналъ, что это укусуѣ; и шакѣ надобно, что-бы былъ на верблюдѣ въ мѣхахѣ укусуѣ. Теперь я вижу, что это правда, ошвѣчалъ онѣ; и шы шы мужикѣ напрасно имѣлъ на нихѣ подозрѣнїе; поди и ищи швоего верблюда, куда онѣ побѣжалъ. Безнадежной мужикѣ промѣнялъ великую радость на печаль, и пошелъ догоняшь свою скошину.

Большой бранѣ пошомѣ началъ просишь на средняго въ покражѣ ихѣ имѣнїя; средней просилъ на меньшаго, а меньшей на большаго, и никшо изѣ нихѣ не имѣнѣ никакого подозрѣнїя другѣ на друга. Судья хоня и гораздо былъ ра-

зумыѣ , однако такая задача нѣскольго
его пом, евожила; а у нихъ шакое обы-
новене , ежели Кади не разберениѣ каве-
го дѣла , шо долженъ лишиниѣ мѣши .
Онѣ не зналъ , какѣ начаниѣ ихъ судити ,
и для шого приказалъ пришини на другой
день къ себѣ ошобѣданиѣ , а самѣ нѣмѣ
временемѣ хошѣлъ подуманиѣ , какѣ бы
присшунитиѣ ему къ дѣлу . Онѣ предпрѣ-
ялъ шакѣ , чшобѣ оставитиѣ ихъ одинѣхъ
за шоломѣ , а самому слушаниѣ изѣ дру-
гаго покоя , не найдениѣ ли онѣ какого
подозрѣнннѣ въ ихъ разговорахѣ , и при-
шомѣ положилъ въ маленькой ящичекѣ
Айва (°) , запечашалъ его Сулшановою
печашью , и заперѣ очень крѣнко , чшобѣ
они угадали . И шакѣ когда насшало ушю ,
и они пришли къ Кади , шо просилъ онѣ
ихъ сѣениѣ сѣ собю обѣданиѣ . Какѣ шоль-
ко чшо начали было они ѣшнѣ , шо во-
шелъ судейской рабѣ по его наущениѣ , и
сказалъ , чшо спрашиваюннѣ его къ Сул-
шану . Кади вскочилъ посиѣшно , шю-
силъ ихъ , чшобы они обѣдали безѣ не-
го , и извинясь вышелъ .

(°) Айва плодѣ , которой растениѣ въ Туршии ,
величинною онѣ сѣ лимонѣ , и шакже желтѣ
и нѣсколько мохнатѣ .

Когда онъ былъ въ другомъ покоѣ и слушалъ сквозь замочную щелку, большой брашъ опломилъ хлѣба, и его опвѣдавъ сказалъ, что онъ мершвениною пахнешъ; пошомъ средней опрѣзавъ баранины и понохавъ говорилъ, что баранина эша собачниною пахнешъ. Наконецъ меньшей надиевъ сшаканъ домашняго пинья и понохавъ молвилъ, что хозяйнъ дома не законной сывъ. Куди услышавъ все эшо, желалъ пошчасъ увѣдомнисья обо всемъ, призывалъ хлѣбника и спрашивалъ его, съ кошораго поля ша мука, нѣв коей пекли хлѣбы, и не былоль на немъ какого приключенія. Хлѣбникъ его увѣдомилъ, что нѣкогда на шомъ полѣ подняли мершваго Жида, шакже и паснухъ увѣдомилъ его обѣ овцѣ; онъ пошелъ къ машери, и просилъ ее неопшшупно, чтообѣ объявила она ему шочное его произхожденіе. Сшаруха хоня и долго колебалась въ своемъ разсудкѣ, однако призналась ему, что въ молодыхъ своихъ лѣтахъ шорговала своими прелесшями какъ и прочія женщины. Ежелибы эшо былъ не Турецкой судья, шо бы конечно началъ жалѣшь о своей чесши, а эшошъ и не

подумалъ ; и такъ взявъ съ собою помя-
 ящичекъ, вошелъ къ гадашелямъ въ комна-
 шу, и познавялъ его на слово, попомъ
 говорилъ имъ, что далъ ему его Сул-
 шанъ, не сказавъ, что въ немъ положе-
 но, и приказалъ сберечь. Большой бранъ
 взялъ его въ руку и пошряся нѣсколько
 сказалъ, что что ни есть въ немъ да
 мохнано ; по томъ средитъ такимъ же
 образомъ пошрясѣ и говорилъ, да нѣ-
 сколько и желновано. Меньшой взявъ его
 въ руку, сказалъ : такъ! это Айва. Судья
 думая, что онъ обѣдасѣ съ дьявола-
 ми или по крайней мѣрѣ съ подобными
 имъ, гораздо испужался свѣденія ихъ,
 и не зналъ какъ начашъ ихъ судить ;
 однако думая очень долго, нашелъ онъ
 нѣкоторой способъ къ своему благопо-
 лучію. Онъ предирялъ разсказашъ имъ
 нѣкоторое приключеніе, чтобъ шѣмъ
 вывѣдашъ ихъ присирасшя, и такъ съ
 позволенія ихъ началъ онъ то такимъ
 образомъ :

Полюбился одинъ прекрасной юноша
 дочери нѣкотораго знашнаго Визиря; она
 сыскала способъ видѣшся съ нимъ и
 умножишъ любовь свою къ нему, такъ же
 и онъ почувшвовалъ къ ней неменьшую

Часть II. И

горячность. Годя съ два ничпо не препяшпвовало ихъ пламени, и они разполагали свои удовольствія по своимъ желаніямъ. Наконецъ судьба ихъ перемѣнилась; онецъ предпріялъ выдать дочь свою за мужъ также за знатнаго чловѣка, каковъ онъ былъ и самъ. Любовникъ былъ низкаго рода, и такъ долженствовалъ усшунить ее шому, кому она опцомъ будешъ назначена. Женихъ былъ сысканъ и свадьба сыграна. Когда долженствовала невѣсна ишни послѣ вѣнца на поспелю, шогда сшавъ она передъ новобрачнымъ на колѣни, кошорой уже лежалъ, просила его, чшобы онъ сдѣлалъ съ нею сшзхожденіе, и оппустилъ бы ее къ любовнику опнесши ему въ даръ дѣвшиво, чшо она ему обѣщала, и пришомъ говорила ему, что сжели не склонится онъ на ея прозьбу, шо она лучше прекратитъ свою жизнь, нежели пожертвуетъ другому. Женихъ хоня и долго колебался, однако сжалившись сдѣлалъ съ нею шакое сшзхожденіе, и оппустилъ ее къ любовнику, разсуждал, чшо она навсегда послѣ сего его опшанется. Съ превеликою радостію бросилась на къ любовнику; но лишь шолько вышла на улицу въ нощес въ емя, шо и

попалась разбойникамъ. Ошаманъ немедленно приказалъ собрать съ нее жемчугъ и дорогіе каменья. Она бросилась на колѣни, и просила его со слезами, чшобы онъ оппустилъ ее къ любовнику въ шакѣмъ нарядѣ, а послѣ обѣщалась пришии къ нимъ сама и все опдашь своими руками; она сказала ему и шо, чшо мужъ ее оппустилъ. Ошаманъ удивляясь великодушнѣю ея мужа, оппустилъ шакже ее ничѣмъ не оскорбляя. Пришла она къ любовнику и говорила ему, чшо она сохранила свое слово, и принесла въ даръ ему обѣщанное, рассказала, какъ сложился на эшо мужъ ея и ее оппустилъ. Обрадованной любовникъ, услыша сшоль несобыкновенное великодушнѣе, почти задвсленъ былъ къ нему благодарносчнѣю, и сказалъ ей шакъ: Теперь я имѣю полную власшь надъ шобою, и могу подарить его шѣмъ, чшо уже въ моихъ рукахъ. И шакъ въ знакъ моей къ нему благодарности опнеси шы ему, чшо мнѣ обѣщала. Хотя она его и просила, чшобъ онъ согласился присвоить его себѣ, однако благодарности его прозьбою не убѣдила, и идучи къ своему мужу зашла по обѣщаннѣю къ разбойникамъ, и хошѣла опдашь

имъ свое имѣніе. Ошаманъ спросилъ ее, что сдѣлалъ съ нею ея любовникъ, и какъ увѣдомился о его великодушїи, шо оппустилъ ее со всѣмъ ея имѣніемъ къ мужу, говоря: Когда ешь шакіе люди, кошорые не принимаюшъ неощеннаго изъ благодарности, шо я хочу послѣдовать имъ и шакже бышъ великодушенъ. И шакъ новобрачная невѣсна пришла вся въ цѣлосни къ своему мужу. Какого вы объ этомъ мнѣнія, спрашивалъ у нихъ судья? Большой браншъ поморщившись не-сколько говорилъ: шорованшъ ея мужъ; середній шакже: великодушенъ любовникъ; меньшей сказалъ: а разбойникъ глупъ, имѣя множесшво богатешва въ рукахъ, шошерялъ все ни для чего. Бошъ, государи мои, шошъ человекъ, указывая на меньшаго бранша, говорилъ Кади, кошорой укралъ у васъ наслѣдешво. По чемушъ вы узнаешъ, спрашивалъ онъ у судьи. По шому, отвѣчалъ Кади, что вы превеликой охотникъ до денегъ. Это правда бранцы, сказалъ меньшей браншъ, и я желаю раздѣлишъ его шеперь вмѣстѣ; пойдешъе домой.

Такимъ образомъ кончилъ шоваришъ мой первой вечеръ.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЬ 27.

Ставленникъ.

У нѣкопорого дворянина въ селѣ отошелъ священникъ къ брашнѣ здѣ лежащихъ и пвсюду православныхъ, а простѣе умеръ. Осшался господинъ, крещяне и словомъ, всѣ словесныя овцы безъ пасшыря. Въ будни могли они обойтись безъ попа, а въ Воскресныѣ дни никоимъ образомъ было не возможно, по шому чшо они не знали, въ кошырые дни долженствовало бышь праздники. Господинъ имѣлъ у себя дячка, кошырой очень скуденъ былъ разумомъ; однакожъ онъ умѣлъ чипати и писати по деревенски; шакъ думали, чшо для сельскаго попа шаланта ешого и довольно. Помѣщикъ написалъ письмо къ близкоживущему отъ нихъ Архїерею, чшобъ онъ проэкзаменовавъ его дячка, посвяшилъ бы въ попы; и шакъ ошиправилъ съ письмомъ дячка къ оному.

Архїерей прочишавъ письмо, хошѣлъ исполнишь прозьбу господина, и шакъ

желалъ узнатьъ разумъ дячка къ нему при-
 сланнаго. Должно, говорилъ онъ ему, уѣ-
 рипься мнѣ въ помѣ, довольно ли шы-
 чипалъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ,
 и сколько шы обѣ оныхъ имѣешь поня-
 шія; выпиши мнѣ вкратцѣ, что гово-
 рипь въ своихъ сочиненіяхъ Лукьянъ,
 Федръ и Плущархъ, и шакъ опшусилъ
 его онъ себя. Спусня цѣлые шри дни
 пришелъ дячокъ къ Архіерею, кошорой
 спросилъ его о задачѣ, приказалъ чипать
 при всѣхъ, кшо шумъ ни былъ. Дячокъ
 перекрестился и началъ: Лукьянъ гово-
 рилъ, чипобѣ чужіе мужики монашырска-
 каго лѣсу не рубили, а коли не шакъ,
 шо, высѣкушъ ихъ плешми; Федоръ го-
 ворипь, чшо онъ мясомъ больше шор-
 гованъ не хочешъ; а плущъ кричипь
 громче всѣхъ, не шуми мани зеленая ду-
 брова. Архіерей услышавъ эшо ужаснул-
 ся, и не зналъ чшо и говоришь шакому
 великому проповѣднику; однако собрав-
 шись съ силами, спросилъ его, опкуда
 онъ эшо выписалъ? Ешо я онъ нишъ онъ
 самихъ слышалъ, Ваше Пресвященство,
 опвѣчалъ дячокъ. Трешьяго дня, какъ
 я опъ васъ пошелъ, увидѣлъ мужика си-
 дящаго на деревѣ, кошорой кричалъ, чшобѣ

не рубили монастырскаго лѣсу. Я спросилъ его имя, и онъ мнѣ сказалъ, что зовушъ его Лукьяномъ. Прощедъ еще нѣсколько, встрѣнились со мною два прохожихъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ, что онъ мясомъ больше торговашъ не хочешъ; также спросилъ я и эпаго объ имени, и онъ мнѣ сказалъ, что называюшъ его Федоромъ. Подходя къ нашей деревни, увидѣлъ я нашего охопника, которой сядя подъ деревомъ пѣлъ пѣсню: не шуми маши зеленая дуброва. Эпаго я объ имени не спрашивалъ, для того что я знаю, онъ изъ всей нашей деревни первой плушъ; и шакъ пришедши домой записалъ я всѣхъ ихъ слова, которые и писалъ исперь передъ Вашимъ Преподобіемъ. Архіерей шотчасъ ошгадалъ весь его разумъ и свѣденіе, и желая еще увѣдомитья о его премудрости, говорилъ ему: Слушай! у Ноя было шри сына, Симъ, Хамъ и Афешъ, кто имъ онецъ? Пожалуйше на шри дни сроку, ошвѣчалъ сшавленнкъ, для того что эша задача весьма шрудная. Архіерей позволилъ ему шри дни о шомъ подумать.

Дячокъ пришедши домой, выгналъ жену свою и дѣшею всѣхъ вошъ изъ избы,

и запершись кругомъ, началъ ходишь вездѣ и впередъ и швердишь: у Ноя было при сына, Симъ, Хамъ и Афешъ, кпо имъ ошецъ? у Ноя было при сына, Симъ, Хамъ и Афешъ, кпо имъ ошецъ? Препроводилъ въ семъ упражненіи день, и на другой швердишь все шо же. Жена пришедши къ дверямъ послушала, и узнала еще въ первой разѣ, что мужъ ея глушь черезъ край, и шакъ начала случашься. Дьячокъ, заняшой важными мѣнїями, разсердился на свою жену больше нежели Юпишеръ на Гиганшовъ; шонъ побилъ ихъ всѣхъ ихъ громомъ, а эшонъ хонѣлъ пришибишь жену свою обухомъ. Куда шы идешь, говорилъ онъ, безмозглая шварь, и мѣшаешь мнѣ думашь о шакомъ важномъ дѣлѣ. Не шо ли велико, спрашивала жена, что шы швердишь дѣлае уже два дни? Да, двуножная скошница, ошевчала мужъ: на что шы мѣшаешься въ шакую премудрость, къ кошорой природа произвела меня и мнѣ подобныхъ мужей. Да, я вижу, ошевчала жена, что шы со всею своею премудростию не можешь расшолковать бездѣлицы. Чшожъ шы называешь бездѣлицею, говори, закричалъ дьячокъ разсердившись? Ты швердишь,

что у Ноя было три сына, Симъ, Хамъ и Афешъ, и не знаешь кто имъ отецъ? Да, отвечалъ дьячокъ, Глупой! глупой! говорила жена, да у нашего кузнеца Василья три сына, Николай, Иванъ, Алексѣй; ну, шакъ Василей кузнецъ имъ и отецъ. Разумной мужъ усмѣхнулся, и благодарилъ ее отъ всего дьячковскаго сердца, что она располковала ему споль прудную задачу. И шакъ по ушру не успѣло еще развѣшанъ, но онъ и отправился къ Архїерею въ превеликой радости.

Архїерей какъ скоро его увидѣлъ, то и спросилъ: ну, рѣшилъ ли ты свою задачу? Съ превеликимъ успѣхомъ, Ваше Преосвященство, отвечалъ онъ Архїерею. Вы изволили спрашивать, у Ноя было три сына, Симъ, Хамъ и Афешъ, кто имъ отецъ. Да, отвечалъ ему Архїерей. Дьячокъ ему говорилъ: ну шакъ я вамъ сказываю, нашего села Василей кузнецъ. Преосвятая эта голова сдѣдала то, что Архїерей захохоталъ изо всей силы, и всѣ, кто шумъ ни былъ не могли удержаться отъ смѣху. Пересмѣявшись спросилъ у него, въ какомъ онъ лѣтописцѣ сыскалъ шакую правильную родословную.

Жена моя мнѣ сказывала, опвѣчалъ онъ; а она дѣйствительно знаешь этого кузнеца и всѣхъ его домашнихъ. Потомъ спрашивалъ Архїерей у сшюящаго шуиъ священника, какъ должно поступить въ такомъ случаѣ, ежели упадеиъ въ дары муха? Священникъ гсворилъ: сложивъ два перся, избяши ее, вложишь во ушна, обсосашъ и выплюнушь въ укромное мѣсно; а ежели совѣсшь не зазришь, то и проглотишь. Ну, а у себя ежели случится, что упадеиъ быкъ въ свяшую воду, спрашивалъ Архїерей у сшавленика, какъ шы съ нимъ поступить? Сложивъ два перся, опвѣчалъ дячокъ, избяши его, вложишь во ушна, обсосашъ и выплюнушь въ укромное мѣсно, а ежели совѣсшь не зазришь, то и проглотишь. Архїерей сказалъ ему на эшо, что онъ опасенъ буденъ для общесшва, ежели сшанешъ глошашъ по цѣлому быку въ одинъ разъ. Шыиъ, другъ мой, примолвилъ онъ, шы имѣешь весьма высокое понятїе, и такъ совѣшую шебѣ лучше бышь астрономомъ, нежели эномъ; паши шы лучше землю днемъ, а ночью примѣчай движенїе планешъ, а вольско какой-нибудь басенной богъ

вмѣстивъ себя въ небо, и сдѣлавъ новое созвѣздіе подъ именемъ дурака; и шакъ не вслѣлъ ему бышь и дьячкомъ не шолько попомъ.

Концеѡ въшораго вечера сказокъ моего шоварица.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЪ 28.

Скупой и воръ.

Въ шарину гораздо было больше скупыхъ нежели мошенъ, а нынѣ ихъ умалилось, но шому чшо другихъ умножилось. Не далеко ошъ Москѣмъ въ богашомъ селѣ жилъ одинъ помѣщикъ, кошорой слинкомъ не шорованиъ былъ выдавашь свои деньги, и больше былъ охощникъ собирашь, нежели расходъ дѣлашь. Онъ имѣлъ сына не весьма шараго лѣшами, кошорому въ онцовскомъ имѣннн превеликая была нужда; однако находилось оно въ шакомъ мѣснѣ, изъ кошораго невозможность не позволяла вы-

взялъ ни одной копейки, а именно; спрячано оно было въ каменной и крѣпкой кладовой палатѣ, хотя правда, что палата эта стояла наружѣ, но деньги были внутри, кощорыя производили великую охоту въ сынѣ къ расхищенію; а онѣ уже и имѣлъ къ шому хорошей способѣ, ибо былъ онѣ влюбленъ въ такую особу, кощорая бы не замѣщкалась полюбивъ его и сама, ежели бы дозналъ онѣ ошцовскіе пожнищки.

Человѣкъ забонливой никогда не имѣетъ покоя, и всегда думаетъ о произведеніи намѣренія своего въ дѣйство. Молодой господинъ швердо предпріялъ убавишь у родишела своего пожнищку, и шакѣ сказалъ онѣ это своему слугѣ и далъ ему полную власищ надѣ своимѣ ошцомѣ, а ошвѣчанъ за него вознамѣрился самѣ. Слуга эшонѣ былъ весьма способенѣ исполняишь шккія приказанія, и хотя назывался человѣкъ господской, однако въ самой вещи былъ преессешивепной плушѣ. Онѣ очень скоро разсудилъ, что надобно ему дѣлать; предпріялъ убишь сшараго боярина, чшобѣ шѣмѣ скорѣе получилъ сынѣ его наслед-

сво, однако спина располковала ему, что она на это не согласна; и такъ предпріяніе это брошено, однако не много замѣшкавшись выдумано другое: разумная его голова опредѣлила такъ, чтобъ сдѣлать подѣ денежную крѣпость подкою, и такимъ образомъ приступишь къ осадѣ. Инструменты и начало дѣйствія послѣдовали немедленно; онъ началъ рыть землю въ близко стоящей банѣ, и шѣмъ доходишь до всего предпріянія.

Въ третій день, когда онъ шрудился по обыкновенію, шаская ночью землю въ рѣку, и когда ошнесъ онъ ному, и пришелъ въ свою яму, кошорая была въ передбанникѣ, услышалъ въ банѣ маленькой шумъ, такъ какъ бы шепталъ Купидонъ съ Венерою; руки его опустились, и голова наполнилась страхомъ; онъ не подумалъ, что зашли въ баню любовники, а предшавлялось ему, что присущивуюишь шумъ домовые, кошорые ворами хопя и великіе пріатели, однако прежде, нежели они съ ними познакомятся, то шрусаниъ ихъ такъ, какъ и честные люди. Чибъ избѣжашъ такой бесѣды, полѣзъ онъ изъ ямы, и

и хотѣлъ уйти домой; однако прусосишь обрушила его сверху внизъ, онъ полетѣлъ обратно и закричалъ снольшь громко, что сидѣвшіе двое въ банѣ испужались, и предпріяли спасенія бѣгомъ. Какъ шолько выскочили они изъ бани, шо врюнулись оба въ онкрышную яму. Всѣ равно ушиблись, всѣ равно испужались, и для шого всѣ равно и кричали. Слуга полетче былъ шѣхъ двухъ на ногу, и для шого выскочилъ изъ ямы попроворше, и прибѣжалъ безъ памяти домой, гдѣ однако боялся сказанъ о приключеніи; и шакъ побезпоконившись маленько уснулъ. По ушпру когда не нашли сншраго господина во всемъ домѣ, шо онъ онгадалъ прежде всѣхъ, что его благородіе изволилъ вчера унасъ въ яму и ондавшіе усердному слугѣ голову. Онъ нашелъ его прежде, и шакъ съ помощію другихъ вышацилъ безчувственнаго изъ ада въ Зевессо во владѣніе. Домашніе всѣ ридовались, что обрѣли своего господина, шолько сынъ его въ это время находился задумчивъ, и пенялъ иногда своему слугѣ, для чего онъ не придавилъ его въ шой ямѣ, въ которую шарикъ ввалился весьма

беззаконно ; они знали, что эпонѣ съдой и беззубой Купидонѣ входилѣ въ баню для эмура, но только того не вѣдали, какого сорша была его Лукреція, и кѣпо она шакова.

Онѣ любви, онѣ страха и онѣ надежня въ яму пожилой шаричокѣ къ слезамѣ домашнихѣ и къ радости сыновней ошчаянно занемоѣ. Сынѣ къ услугамѣ больного опредѣлилѣ сего слугу, копорой усердно наблюдалѣ должноснѣ лекаря ; и ежелибѣ изгеновлена была духовная, шо ужѣ бы давно началась по больномѣ вѣчная памянь : однако онѣ самѣ ускорилѣ своєю кончиною. Сколь онѣ ни болелѣ былѣ, однако не поручалѣ никому ключей, ни печани онѣ кладовой ; и для того, когда хошѣлѣ спашѣ, шо ключи привязывалѣ къ шеѣ, а печашѣ клалѣ въ рошѣ. Уснулѣ онѣ къ несчастію своему очень сладко, лежавши навзничѣ и разинувѣ рошѣ. Слуга прибравши къ шому удобной инструменшѣ, хошѣлѣ пошихоньку вынуть изѣ - за щеки печашѣ, задѣлѣ ее и пошацилѣ, но она сорвалась, и упала шарику въ самое горло. Все въ одинѣ

мигъ сдѣлалось ; больной захлебнулся, подавился и умеръ. Усердной слуга бросился поспѣшнѣе къ своему господину, и объявилъ ему о роднпельской кончинѣ. Сынъ бросился поспѣшнѣе къ шѣлу своего отца, а другіе сказывающіе, къ привязаннымъ къ шеѣ его ключамъ, кошорые поспѣшнѣе отвязавъ, пошелъ туда, гдѣ находилась деньги, взялъ ихъ сколько, сколько ему было надобно, чтобъ уведомить любовницу о кончинѣ своего роднпелы. Въ одну минушу онъ отправился онъ къ ней, а слугѣ приказалъ имѣть попеченіе о приуготовленіи къ похоронамъ.

Въ одинъ день все было изготовлено; покойникъ лежалъ въ гробѣ, и подлѣ его сидѣли поны на стульяхъ, и конечно бы начался выносъ, ежелибы былъ сынъ, къ кошорому хоня и много разъ посылали, однако онъ съ мѣсяца не шротагся, по шому что распоряжалъ шамо свою свадьбу, и любовь его долго боролась съ благоприсшійношшю; однако наконецъ больше послушавшисъ своей любовницы, нежели желая просипншсь съ отцомъ, прѣехалъ и похоронилъ покойника весьма великолѣпно, кошорое ве-

акколѣпїе сдѣлано было больше для славы сыновней, нежели для достоинства ошцовскаго. Мершвые какъ бы знаныи были, однако не требуютъ уже излишняго почтенія.

Печальной сынъ не думалъ ни о чемъ больше, какъ о свадьбѣ. Въ шонѣ же день началось въ домѣ прѣугошвление прямо не деревенски, для шого чшо живучи въ городѣ конечно бы онъ усовершеншлся и не такъ бы скоро приснупилъ къ свадьбѣ, но въ деревнѣ никшо не примѣчалъ господскихъ пошупокъ; и такъ разума онъ не послушался, котораго было у него весьма безъ излишку. Къ вечеру невѣсна съ женихомъ условились, а на другой день къ обѣду и обвѣнчались. Свадьба была веселѣе, чѣмъ похороны; ибо шумъ испрачено больше денегъ, нежели шамъ. Новобрачной не жалѣлъ ошцовскихъ денегъ, и шрашилъ ихъ сколько прилѣжно, сколько прилѣжно ошецъ его ихъ сохранялъ. Винное празднество, на конецъ успокоило госшей и домашнихъ; все легли спать въ разныхъ мѣсцахъ и разными манерами; иныя подражали молодымъ, а другїе спали и безъ шого спокойно. Словомъ, весь домъ находилъ

Часть II. I

оя въ великой тишинѣ, и больше никто не прислушивовалъ шумъ, какъ Сомнъ и Морфей.

Въ срединѣ ночи проснулся одинъ слуга, или можетъ онъ и не спалъ; предпріявъ шакое благое намѣреніе, конечно сонъ не пойдешъ уже на умъ. Онъ опредѣлилъ еще съ вечера попревсжишь нѣсколько покойника, и обобращъ съ него плащъ; ибо онъ думалъ, что на шонъ свѣшъ и безъ кафшана появиться можно; и такъ отправился къ могилѣ. Пришедъ шуда, хопя и не безъ шруда, однако разрылъ ее, и выпацилъ покойника, хопя не на бѣлой, однако на эшонъ свѣшъ; обобралъ его, и хотѣлъ бросить опяшь въ могилу, однако воровское чедовѣколюбіе не допустило его до сего намѣренія. Онъ посшавивъ шѣло подлѣ могилы, шолкнулъ его въ запылокъ споль исправно, что ошибъ печать, кошорою покойникъ подавился. Мершвецъ изъ всей силы закричалъ, охъ! У вора подкосились шогги, и упали они обѣ въ могилу, гдѣ лежали очень долго безъ памяни. Наколецъ покойникъ образумился прежде живаго, и пошомъ вздумалъ о своей кладовой; выльзъ весьма поспѣшно изъ ямы,

и побѣжалъ домой. Прибѣжавши къ дверямъ своей поклажи, нашелъ ихъ запертыми и безъ печати; бросился искапъ своего сына, чинобъ взявъ у него ключи; и когда вбѣжалъ онъ въ спальню, то молодая въ то время не спала. Увидѣвъ мершвеца испужалась она сполько довольно, чно сонъ съ ума и ошправилась на шонъ свѣнъ. Спарикъ подбѣжавши къ сыну, началъ дергашъ весьма не подипично. Молодой князь распворивъ глаза, и увидя мершваго передъ собою ошца, вскочилъ и наполнилъ весь домъ ошчаннымъ крикомъ, бѣгалъ вездѣ, и призывалъ всѣхъ себѣ на помощь; спарикъ за нимъ гонлся; пьяные гости пробуждались со страхомъ, и бѣжали всѣ изъ деревни такимъ образомъ, какъ и кре шьяне. Въ то время шупъ находился армейской Офицеръ, кошорой не совсемъ еще проспался, и для того не испужался сполько, какъ другіе; бросился онъ въ шу горницу, гдѣ находились ружья, подхваши одно, зарядилъ его пулею, и когда бѣжали живой сынъ съ мершвымъ ошцемъ по двору мимо окна, то онъ выпсрѣлилъ, и для прекращенія всего сшраха заспрѣлилъ ихъ обоихъ.

Правда, что похоропишь ихъ сыскалось довольно людей, но только сожалѣнъ было никому.

Въ семъ домѣ спраку больше было, нежели при разореніи города Трои. Троицкии побѣждены въ городѣ, а шуиъ все крестыяне бѣжали дни съ чешыре по лѣсамъ, и нѣкоторые изъ нихъ хопѣли сдѣлавшись оиъ спраку пусшынниками. Сыновній слуга сожалѣя очень много о своемъ господиѣ, предпріялъ было умереть по ушру, однако къ вечеру раздумалъ, сказывающъ для того, что послѣ покойниковъ наследилъ имѣніе человекъ весьма шорованой, коиморой имѣлъ модной разумъ и щегольское разсужденіе.

Такимъ образомъ окончилъ шоварищъ мой ирешій вечеръ.

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЬ 29.

Великодушной Рогоносецъ.

Хопя многіе сомнѣваются, что будио подьячье не шѣмъ богомъ произведены на свѣшъ, кошорымъ и все люди;

однако сомнѣнїе ихъ почитаю я весьма язвишельною насмѣшкою, и утверждаю, какъ это и все знаюшѣ, что они производяшѣ также, какъ и мы, оубо первороднаго Адама, по тому что нынѣ видимъ мы изъ нихъ очень много честныхъ людей; а что исполняется надъ ними пословица: *Въ семѣхъ не сѣзѣ урѣса*, но этому все не виноваты. И какъ вздумалось мнѣ теперь, османивъ честныхъ людей въ покоѣ, поговорилъ объ одномъ приказномъ служилѣ, конторой сѣ шѣхъ поръ, какъ запретили брань вязки, началъ раздавать деньги свои въ проценны, но есѣ торговать шѣмъ, на что никогда цѣны не прибавляется.

Во всякомъ городѣ бываетъ по нѣскольку мотовъ, а въ синоличныхъ бываетъ ихъ иногда и слишкомъ. Изъ этого числа шорованыхъ гражданъ занялъ нѣкто у приказнаго служилея шриснѣ червонныхъ; куда оубо ихъ употребилъ, объ этомъ я не знаю. Сказываютъ нѣкоторые, что посланы они на вѣрную каршу; однако мнѣ до этого дѣла нѣшѣ, а нужда въ томъ, что долженъ оубо заплашнѣ, ежели не хочѣшѣ познать сѣ шюрьюю. Дѣло обошлось безъ суда, и

ванмодавцеѣ промыслилѣ деньги, и послалѣ ихѣ съ слугою въ шонѣ приказѣ, въ которомѣ заведаль его ванимодавцеѣ. Слуга вышупя на вольной свѣтѣ, началѣ разжизанися духомѣ, смонря на свѣшлую монешу. А какѣ Дьяволѣ никогда не дремлениѣ, и мѣшанися во всякїя дѣла; шо чипобы погубиши человѣка, присусѣдился кѣ нему, и началѣ склоняши его не кѣ хорошему, а кѣ дурному. Слуга зналѣ швердо сїю пословицу: *Д-иши дѣлѣтъ и шалѣтъ, и шакѣ* предпрїялѣ за нихѣ подлїбаниѣ на время какую-нибудь госпожу: а какѣ шно произвешн вѣдѣйшво, шо Дьяволѣ предлагалѣ ему многѣ способы, и не ошснավалѣ ошѣ него до окончанїя дѣла.

Денежной любовникѣ наименовалѣ себя Селадомѣ, предпрїялѣ нѣсколько возгордишиѣ прошиѣ нѣжнаго женскаго пола по примѣру Пешимешровѣ. Чшобѣ шѣмѣ удобиѣе исполниши свое намѣренїе, пошелѣ искаши хорошей улицы и шакже изряднаго двора, въ которомѣ вознамѣрился опорожниши карманы. Очень не шрудно было ему найши хороший домѣ и шакже прекрасную хозяйку. Прншедши кѣ корошамѣ съ позволенїя Дьявола началѣ ошѣ спшучатися. Вышла дѣвушка,

которыя иногда занимающъ должность Меркурія, и спрашивала у него, кого ему надобно. Еслили у васъ госпожа, спрашивалъ новомодной волокниша съ гордымъ видомъ, будто бы онъ презиралъ служанку. Дѣвушка показалась вопросъ эиошъ весьма не хорошимъ; эио она изъявляла яружнымъ видомъ, а внушренно можешъ бышь и радовалась. Я хочу ее полюбишь, продолжалъ бодрящійся щоголь, и послѣ за любовь ся подарилъ ей шри сша червоныхъ; я всегда шакъ дѣлаю, да и ны шакже должна будешъ ожидать моей благосклонности. Дѣвушка нѣсколько засмыдилась, и не ошвѣчая ему ничего хлопнула ворошами, и побѣжала явъ горницу. Хозяйка спросила ее, кшо шамъ случался, на чпо безъ великой шрусости не могла она ошвѣщенствовашъ, и произвела въ госпожѣ шѣмъ великое любопытство, кошорая привудила дѣвушку, чшо бы она сказала, кпо шамъ случался, и чего онъ спрашивалъ. Увѣдомившись обо всемъ молодая госпожа усмѣхнулась, и приказала привести его къ себѣ, чшобъ надъ нимъ посмѣляшься. Не надобно было его догоняшь, для шого чпо онъ не пошелъ безъ ошвѣна онъ воротъ. Ввелъ

въ горилцу, и госпожа спрашивала его о намѣреніи, кошорое онѣ выговорилѣ весьма ясными словами и безѣ всякой застенчивости; и когда изчался у госпожи со слугою пріятельской и знакомой разговорѣ, шо дѣвки пошчасѣ примѣтили свою ошибку въ шомѣ, чпо имѣ не должно было шунѣ присунесивовашѣ, и шакѣ одна за одною и всѣ выбрались вошѣ. Три сна червоныхѣ лежали уже на сносѣ, и госпожа сѣ слугою познакомились. Все было сдѣлано въ одну мишуну, и хозяйка приказала сказашѣ своему мужу, жогда онѣ прѣдеиѣ, чшо она больна, и чшобы онѣ ее не беспокоилѣ. Эшо и правда: мужѣ разумѣлѣ полипику, и былѣ весьма учинивой человекѣ въ разсужденіи жены, шо есшѣ, боялся ее пошревесжинѣ дѣлые два дни. На шрепшій день выпросилѣ у нее позволеніе поговоритѣ сѣ дею; она приказала сносашѣ ему въ другой комнашѣ, и проигралѣ чпо-нибудѣ плачевное на скрипциѣ. Безчасшной мужѣ наспронѣ несчастшной инспруменшѣ, замгралѣ самое лучшее соло, думая, чпо увеселяешѣ шѣмѣ свою супругу; однако онѣ обманулѣ. Она во время игры ощущала лучшее увеселеніе; и когда сказала

ему супруга, что довольно онъ увеселилась, тогда музыкантъ поѣхалъ куда ему было надобно.

Ешошъ день былъ распаванія нашихъ любовниковъ; и ежелибы въ то время былъ я съ ними, то бы конечно не преминулъ сдѣлать элегію; однако они разошлись прозою безъ всякаго стихотворства. Наставшее утро называлось Воскресеньемъ; слуга по очищеніи пошелъ въ соборную церковь къ обѣдни умолять о своемъ грѣхѣ, и просить не шакъ жестокаго наказанія, кошарое изгонюваля ему гнѣвъ господской. Пришедши въ церкву, синалъ онъ промежду крылосовъ, и началъ прежде всѣхъ молиться съ теплымъ и усерднымъ прилѣжаніемъ даже до лица земнаго. Сирахъ и спина предъ шницю плешей и великаго исшизанія проливали изъ глазъ его горячія слезы, шакъ что всѣ люди пришли о немъ въ сожалѣніе. Послѣ сихъ слезъ начиналъ онъ закрытьшя шляпою смѣяшяся, и послѣ оняшя плакашя, шакъ что всю обѣдню пребывалъ въ семъ упражненіи, и сколько опчаянно плакалъ, шолько или больше еще временемъ смѣялся. Такое чудо привело мно-

гихъ въ любовныя пѣснѣ , изъ которыхъ одинъ по окончаніи обѣдни приказалъ своему слугѣ , чѣобы онъ подвелъ молещика къ нему ; и когда онъ подошелъ , то спрашивалъ у него господинъ причину такой чрезвычайности. Означенной слуга , уведомилъ его обо всемъ , и прибавилъ еще къ тому : я не могу удержаться отъ смѣху , когда вспомню о моей вины , и также отъ смѣху въ то время , когда приходилъ мнѣ на память музыкантъ , конторой игралъ во время моего пированія. Спрашивавшій изумился , какъ будто бы къ нему это принадлежало , и не могъ ему снѣбчашъ ничего больше какъ только , чѣобы онъ снѣалъ назади его карены , и поѣхалъ къ нему домой. Очень скоро прѣѣхали они къ ворошамъ ; у любовника нѣсколько позантрисился ноги , задрожало сердце , и показался холодной потъ на лбѣхъ. Онъ ни мало не мѣшкающая узналъ , чѣобы энтотъ потъ домъ , въ конторѣхъ онъ упражнялся въ любовныхъ церемоніяхъ. Вѣхавши на дворъ и ко крыльцу , господинъ вышедши изъ карены взялъ привезеннаго господина за руку и повелъ въ полой , гдѣ сказалъ ему , чѣобы онъ ничего не опасался ; приказалъ жень своей по-

дѣловать его, и принимай какъ надобно
 госня. Покамѣнѣ собирали на сшоу,
 хозяинѣ повелѣ его по покоямѣ, жемля по-
 казанѣ ему оны. Теперь ны легко ма-
 жень, говорилѣ хозяинѣ, узнать шего
 музыканша, кошорой по несчастно своему
 забавлялѣ васѣ веселыхѣ. Пошомѣ пошли
 они къ сшоду, за кошорымѣ обѣдали
 шрое, обиженной господинѣ, преренуца
 любовница и довольной своимѣ сосноушнѣ-
 емѣ слуга. Послѣ продолжисельнито сшо-
 ла хозяинѣ велѣлѣ, чшобѣ принесли чер-
 вонцы, кошорые были ни мало не попор-
 чены. Хозяинѣ просилѣ у госня, чшобы
 онѣ пожаловалѣ двашезданѣ нинѣ конкелѣ
 музыканшу, шакже и назмной красавицѣ
 обыкновенную цѣну, а осшалыкые двѣши
 девяносто девашѣ червонцовѣ сѣ мѣлкими
 приказалѣ положить любовнику въ кар-
 манѣ, и послѣ подалѣ вексель, чшобы
 онѣ ошнесѣ господину своему. Скажи ему,
 говорилѣ онѣ, чшо деньги я получилѣ, и
 посылаю къ нему вексель, а деньги ны
 возьми себѣ, и вопиѣ ксѣбѣ еще письмо,
 кошорое онѣ написалѣ весьма поспѣшно;
 я въ немѣ просилѣ его, чшо уде жалѣ ше-
 бл за мою нуждою. Кѣ прочемѣ же дол-
 женѣ ны поминѣ мое благодарнѣе ко-

порое я тебѣ теперь сдѣлалъ, и въ благодарносшь отъ себя ничего больше не желаю, какъ только чинобы ты никому не сказывалъ объ этомъ приключеніи, или лучше о моемъ несчастіи; я знаю, что ты въ томъ не винованъ, а виновецъ случай и вѣрная моя супруга. Поди теперь домой, и ничего не опасайся.

Обрадованной слуга вышедъ на улицу, не зналъ, какъ освободиться отъ удивленія. Онъ не зналъ приказнаго служившаго; къ которому былъ посланъ, и также не вѣдалъ, гдѣ онъ и живешъ; и такъ печальный этотъ случай великое произвелъ въ немъ размысленіе, и наконецъ неописанную радосшь. Онъ прыгалъ идучи по улицѣ, воображалъ, что избавился отъ бѣды, въ которую ввалился самопроизвольно, досмалъ черезъ любовь счастлие, кушалъ съ господами, полны карманы денегъ; словомъ, радовался сколько, что еще ни одинъ человекъ не ощущалъ такой радосши. Пришедши къ господину, не былъ не только бивъ, но ниже браненъ; встрѣшилось съ нимъ счастье и не ошсавало до конца его жизни.

Въ этотъ вечеръ другой онъ не началъ, но въ слѣдующій.

ГЛАВА ХХ.

ВЕЧЕРЬ 30.

Дьяволъ и отчаянной любовникъ.

В древнія времена Дьяволы гораздо были посылѣе, нежели нынѣ; они въ ту пору не только въ домахъ, но и на улицахъ дѣлали великія проказы: а нынѣ гораздо они присмирѣли, можетъ быть для того, что умножилось у насъ слишкомъ забіякъ, которые кажутся иногда страшнѣе самаго чорта. Нѣкогда въ вечернее время послѣ самаго прекраснаго дня прохаживался по улицъ одинъ весьма забавной Дьяволъ, и вдругъ услышалъ, что хлопнуло очень громко, такъ что раздалось по всей улицъ; онъ поспѣшалъ къ шему мѣсту, гдѣ родился шонъ ударъ безъ молнии и безъ грома; нагналъ онъ человѣка, которой шелъ весьма тихими шагами, и придерживалъ правою рукою лѣвую щеку, и казался весьма въ великой досадѣ. Дьяволъ принявъ на себя видъ человѣка, спрашивалъ его учинивымъ образомъ о причинѣ его размышленія. Я очень несчастливъ, говорилъ онъ со слезами Дьяволу; ежели бы

шелъ за нами, продолжалъ онъ, по конеч слышалъ, какъ въ пространномъ воздухѣ разлилось громкое эхо; это любовница моя въ знакъ своего снизхожденія со всего размаху пожаловала мнѣ пощочину, онъ копорой у меня посыпались изъ глазъ искры; щека моя и лайковая ея перчашка весьма сшукнули громко. Это правда, говорилъ ему дьяволъ, что пощечина не шибко вкусна, какъ мирсболанская слива; да что поному причиною? и для чего это сдѣлано? Ежели ты хочешь, ошвѣчалъ онъ ему, то я тебѣ расскажу все мои приключенія.

Я родился въ Асирраханъ; ошецъ мой былъ виной компанейщикъ, кошорому весьма задалось шакимъ ремесломъ накопить денегъ, только съ нѣкошорюю обидою другимъ, чего однако никшо не примѣчалъ, или болясь ему выговаривань. Онъ имѣлъ въ двухъ городахъ по принцанш домовъ, шакже по стольку или слишкомъ лавокъ. Когда я началъ приходиться въ возрастѣ, по онъ любя меня много давалъ мнѣ волю во всемъ, даже и въ самомъ себѣ; что я ни дѣлалъ, меня за шо не наказывали. И шакъ шакое воспитаніе сдѣлало во мнѣ

аншинаптію какъ къ моему опцу, такъ къ винной компаніи, и на конецъ ко все-
 му купечесшеу, а произвело великую с-
 хону гоняшь голубей. Тотчасъ поширо-
 мали мнѣ бушку, и начали закупать го-
 лубей сошнями, а не десятками. Нѣкогда
 упражнялся я на бушкѣ въ семь благо-
 родномъ поведеніи, шо вошелъ ко мнѣ я
 мой родичель; онъ взогналъ больше го-
 лубей, нежели я хотѣлъ, и шѣмъ меня
 рассердилъ нѣсколько, и къ пуцему еще
 моему гнѣву многихъ расшерялъ. Я его
 сполкнулъ съ бушки, и шѣмъ ошправилъ
 на шонѣ свѣшѣ. Свидѣшелей не было, а
 самъ сдѣлашся виноватымъ я не хотѣлъ;
 и такъ дѣло прошло безъ всякой съ су-
 домъ размолвки, и еще больше, безъ мо-
 его сожалѣнія. По кончинѣ моего роди-
 шеля не прилѣпился я къ купечесшеу,
 хошя многіе меня къ тому и принужда-
 ли, а прилѣпился къ хорошимъ винамъ,
 и началъ уже гоняшь съ двора деньги вмѣ-
 сто голубей. Веселое время произвело
 мнѣ многихъ знакомцовъ, между кошо-
 рыми былъ одинъ дворянинъ. Онъ мнѣ
 сдѣлался другомъ, и предпріялъ бышь
 учаспникомъ моего счаспія; предложилъ,
 а надобно мнѣ ѣхашъ въ Москеу, и

искать тамъ благородной должности. Я послѣдовалъ только мудрому совѣту; и шакъ забравши съ собою довольно денегъ, прѣехали мы съ нимъ шудъ. Нашелъ я хорошій домъ, и купилъ каренъ, и словомъ, сдѣлался какимъ - нибудь господиномъ.

Живучи здѣсь съ мѣсяцъ не болѣе, попалась глазамъ моимъ эша прекрасная особа, кошорая наградила меня шеперь оплеушиною. Яначалъ приносить ей денежную жерпву и возжигашъ золошой ѳиміамъ передъ ея глазами; она принимая все сіе благосклонно, позволяла мнѣ передъ собою воздыхашъ, а болѣше ничего. Пріятель мой былъ въ эпомъ дѣлъ переносчикомъ любовныхъ сказокъ и амурныхъ произхожденій; онъ всякой день меня обнадеживалъ, а я старался усерднѣе перевозить къ ней мое имѣніе. Два года находился я въ семъ упражненіи, и наконецъ шеперь уже нѣчего и несли, а не только везши. Искренній мой другъ шеперь меня оснзвилъ, и приказалъ, чшобъ не пускали меня къ нему и въ домъ. Онъ сдѣлался шеперь богашъ, и бздилъ еъ моихъ кареняхъ, а я хожу пѣшкомъ. Сего дня въ вечеру, чшобъ разогнать

мною печаль пошелъ я нѣсколько прогулявшись. Идучи по этой улицѣ увидѣлъ, что любовница моя съ моимъ пріятелемъ шакже проливается. Я по обыкновенію, какъ и всегда дѣлалъ, подбѣжалъ къ ней поцѣловаться; но только что пропнулся губы, но она вмѣсто поцѣлуя наградила меня пощечиною, ошъ кошорой еще и теперь рѣжется несчастная щечка моя, а пріятель мой послѣ того примолвилъ своимъ слугамъ, чтобъ они меня нѣсколько пошвели, которые проводили меня жени съ двѣ одинъ ладонью, а другой кулакомъ, или можетъ бышь и двумя, этого я не понялъ, только чувствовалъ, что они уговаривали меня очень плотно въ запылокъ. Вотъ о чемъ я теперь грущу, примолвилъ ошъ Дьяволу. Справедливо, говорилъ ему другой, что ты долженъ теперь печалиться, и досшой еще сожалѣнія; я хотя не человекъ и не чмѣю плоти, шакже и сожалѣнія, однако согласусь тебѣ помочь. Какъ, ты Дьяволъ, спрашивалъ у него любовникъ? Да, Дьяволъ, да еще и самой забавной; меня всѣ адскіе жители любяшъ, а люди ненавидяшъ; я хочу тебѣ помочь въ пвоей печали, спупай за мною.

Часть II.

К

Опчаянной человекѣ не только ошѣ людей, но и ошѣ самаго Салпаны гошовѣ принимашѣ вспоможеніе, а особливо въ любовныхѣ дѣлахѣ, въ консерыхѣ, говорившѣ проспой народѣ, всегда должно призывашѣ въ помощники дьявола, а ни ково другаго; и шакѣ послѣдовалѣ онѣ дьяволу. Пришедши къ дому любовницы, бѣсѣ ошнчалѣ у' него образѣ человека, и обратилѣ его мухою, и шакѣ влешѣли они въ ея спальню. Она сидѣла на кровати, а любовникѣ ея новой и другѣ сшараго подлѣ ея на стулѣ. Они разговаривали очень ласково, и наконецѣ какѣ дошло дѣло до осязанія, шо окончилѣ онѣ, и сѣлѣ подлѣ ея на постелѣ, началѣ обнимашѣ ея и цѣловашѣ въ груди, чему она нимало не сопротивиласѣ. Женщина когда одна гдѣ-нибудь сѣ мужчиною, шо всегда забываешѣ сопротивление, и дѣлаешѣ безсильнѣе сшальфы. Распаденной кровію любовникѣ сѣ превеликою любовною жадностию хотѣлѣ поцѣловашѣ ея въ горячія уста; но лишь только чшо прошинулѣ онѣ свои губы, шо спящій между ими дьяволѣ нашинувѣ большой свой палецѣ щелкнулѣ его по носу сшоль исправно, чшо красавица

закричала , а онѣ вскочилѣ съ постели , и воззопилѣ совсѣмѣ не любовничьимѣ голосомѣ ; вынулѣ плашокѣ и началѣ опираться кающіяся неволею изѣ глазѣ слезы ; а какѣ не знали они оба , какѣ располковавъ это приключеніе , по вскорѣ оба и замолчали . Правая ноздря у любовника гораздо разгоралась , и шакѣ , чшобѣ не проспудилъ ее , приказали подати чаю . Въ одну минушу принесли жаровню и въ мѣдномѣ сосудѣ кипятокѣ . Красавица спараясь , чшобѣ чѣмѣ-нибудь исцѣдилъ своего прелеспника , подала ему чашку очень горячаго чаю ; и какѣ шолько хотѣлѣ онѣ изѣ нее прихлебнуть , шо дьяволѣ шкнулѣ его въ зашылокѣ , и онѣ окунулѣ свой носѣ , бросилѣ на полѣ чашку и побѣжалѣ къ зеркалу . Любовница захохотала , и шѣмѣ разсердила своего Адонидз ; однако въ такомѣ сердцѣ , которе любовью заражено , досада бываешѣ не долго ; они скоро помирились , и прежде всего начали спараться о обожженномѣ носѣ . Любовница обернула его маленькимѣ подошномѣ , и завязала лешпочкою ; взявши ножницы хотѣла поближе опрѣзашѣ лешпу , но вмѣсно того выколола ему глазѣ ,

ибо Дьяволъ подтолкнулъ ее подъ локотки. Тупъ - шо овладѣла досада нашимъ Селадономъ, и онъ не принимая онъ нее никакого оправданія, уѣхалъ домой. Красавица оспалась въ опчаяннѣ, и не знала, что о шомъ подумать. Домашніе всѣ не меньше ее сомнѣвались; однако сколько ни думали, только наконецъ уснули; ибо была уже эшо глубокая ночь. Дьяволъ и опчаянной любовникъ выбрались на улицу, и сдѣлались оба человѣками; прямой человѣкъ захохоталъ во всю мочь, и благодарилъ почти со слезами онъ смѣха Дьявола. Пойдемъ же пеперь къ нему домой, говорилъ ему бѣсѣ; я шамъ покажу тебѣ больше надъ нимъ шупки. Хотя любовникъ и уговаривалъ его, что эшого для него довольно, однако Дьяволъ не соглашался оставитъ свое предпріятіе и такъ опправились они въ домъ къ кривому Селадону.

Когда они пришли шуда, и обратившись опяшь въ малыя пивари, спали невидимы, шо Дьяволъ вмѣшавшись между больнымъ и лекаремъ, копорой шупъ уже находился, и не давалъ ему ни мало пользованъ больного, смѣшивалъ пластыри съ мазьми, спиралъ ненадобное съ

надобнымъ, и словомъ, дѣлалъ ему всѣхъ пакости, чего лекаръ услужавшись ушелъ и оставилъ больного. Послѣ того принялся его лечить. Дьяволъ и не сколько пользовалъ, сколько безпокоилъ. Больной поднялъ великой шумъ, и кричалъ какъ бѣшеной. Дьяволъ его больше безпокоилъ, а онъ больше сердился. Слуги видя, что господинъ ихъ рехнулся умомъ, предпріяли помочь ему; и шакъ принесли веревку и сую его опушали, онъ чего пришелъ онъ въ несказанную запальчивость. Слуги побѣжали за роднею; и когда они собрались, то знающіе свѣтъ женщины приказали сбѣгать за попомъ. Священникъ пришедши началъ читать надъ нимъ обыкновенныя молитвы. Дьяволъ сдѣлалъ его въ подлинну сумасшедшимъ, и дни не болѣе какъ въ три, онъ правилъ на шонъ свѣтъ. Живность его погасла, и любовь съ нею поухла. Пріятель въ дьяволъ вознимѣлъ въ семъ случаѣ надежду, и просилъ бѣса, чибобы онъ пособилъ ему получить любовницу. Бѣсъ къ его услугамъ, и началось предпріятіе, дьяволъ говорилъ ему, надобно мнѣ снѣгашъ и съ нею комедію, безъ которой обойшися способовъ я не вижу. Пошомъ

Дьяволъ понесъ его въ волшебной оспровѣ; шамъ силою волшебницы далъ ему образъ прекраснѣе Адонидова, и наполнилъ его всякими нѣжностями.

Потомъ когда настала ночь, то велѣлъ ему лечь на волшебницыну постелю, и принесъ сонную его любовницу, которая проснувшись увидѣла себя со-всѣмъ въ незнакомомъ и великолѣпномъ мѣстѣ, чему весьма удивилась; но удивленіе ея умножилось, когда увидѣла она спящаго подлѣ себя мушкетера. Прелести его лица опогнали весь ея страхъ, съ коимъ было она нѣсколько познакоми-лась; вснавши въ постели начала его разсмаширивать, и не долго надобно было времени, чтобы влюбилась въ него смер-тельно. Сонной кавалеръ всналъ, только не въ презвонѣ умѣ; ибо Дьяволъ сдѣлалъ его лунатикомъ, взялъ въ руку висящую на снѣжнѣ шпагу, зачалъ го-ворить нѣкошорыя сумазбродныя слова, и гонясь за своєю любовницею, ко-торая ошъ страху не знала, куда спряшась-ся; кричанъ ей было не возможно, по-тому что не знала она, гдѣ находишься; и шакъ всю ночь была въ шакомъ преве-

лицомъ спрахъ. Наконецъ рыцарь легъ, и ее склонилъ сонъ; проснувшись увидѣла она себя опять въ своей горницѣ. Сердце ея билось еще отъ страха; однако и любовь не меньше господствовала въ ономъ; и шавъ положила молчанье и не сказывашь никому, чего она сама не понимала.

Въ насшупившую ночь боялась лечь одна, и велѣла окружить себя своимъ служанкамъ. Дьяволъ шѣмъ не былъ еще доволенъ, и перенесъ всѣхъ ихъ къ спящему Селадону, которой шотчасъ всшалъ спяшь, и взявши плеть, началъ весьма усердно охлещивать спящихъ на полу дѣвокъ, копорыя хотя и не хопѣли, однако вскочили. Крикъ и вопль поднялся шотчасъ; и ежелибы не было шумъ шемно, шо бы довольно было идеи лучшему живописцу для каршины. Дѣвушки бѣгали, прыгали, и словомъ, шанцовали шакъ, какъ искусной мастръ, спрахъ научашь? Къ свѣпу всѣ угомонились, и заснули. Проснувшись осмолщѣлись, и увидѣли себя въ своей горницѣ; онѣ бы конечно подумали, что все шо видѣлось имъ во сѣ, но спины увѣряли ихъ, что шо слѣчилось на яву.

Въ семѣ домѣ не меньше было дурныхъ пересговоркѣ, какѣ въ шакомѣ, гдѣ водятся домовые. Народъ приходилъ ош-всюду, и подавалъ свои совѣты во время дня хозяйкѣ, а къ ночь всякой уходилъ домой, для того что сказывающѣ, будто чортѣ краснорѣчѣя не любилѣ, и прежде всѣхъ нападалѣ на нѣхъ, которые стараются его искоренить. Дьяволъ намѣренѣ былѣ еще много понадеблать, однако упомянутой любовникѣ просилѣ его окончить свое предпрѣяте. Они сочелались бракомѣ, жили хорошо, и сказывающѣ, что уже скончались.

Всѣ примолвли къ этому слову, благополучна имѣ дорога на шонѣ свѣнѣ, и пошли опочивать, также и я опира-влася на свою постелю, да думаю и сочинилѣ въ этой часѣ писать больше ничего не буду.

ВСЕ ТУТЪ.

Чуikov, Mikhail Dmitrievich.

Peresmechnik. Moskva

1789.

TF May 13, 5. r.

PG 3311

CEP4

1789

Rare Bk. Coll.

Stanford University Libraries

3 6105 001 341 382

PG
3311
.C5.P4
1789
v.1/2

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493

grncirc@sulmail.stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

SEP 21 2002
SEP 21 2002

